

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Томский государственный педагогический университет»
«Томский государственный университет»

Н. В. Лукина

**ХАНТЫ
ОТ ВАСЮГАНЬЯ
ДО ЗАПОЛЯРЬЯ**

ИСТОЧНИКИ ПО ЭТНОГРАФИИ

В шести томах

**Издательство
Томского государственного педагогического университета
2009–2010**

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Томский государственный педагогический университет»
«Томский государственный университет»

Н. В. Лукина

**ХАНТЫ
ОТ ВАСЮГАНЬЯ
ДО ЗАПОЛЯРЬЯ**

ИСТОЧНИКИ ПО ЭТНОГРАФИИ

Том 3. ЮГАН

**Издательство
Томского государственного педагогического университета
2009–2010**

УДК 39(571)
ББК 63.5
Л84

Лукина Н.В.

Х 34 Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. Том 3. Юган. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009–2010. – 296 с.

ISBN 978-5-89428-503-0

Публикация источников по традиционной культуре хантов, проживающих в бассейне р. Юган (Тюменская область). Материалы собраны во время этнографических экспедиций Томского университета 1973–1983 гг., проведенных под руководством автора.

Для этнографов, краеведов и всех интересующихся традиционной культурой народов Севера.

УДК 39(571)
ББК 63.5

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ
«Коренные малочисленные народы Севера земли Томской:
судьбы традиций и языка» № 05-01-64102 а/Т*

В оформлении обложки использована картина
Г. Райшева «Стойбище»

ISBN 978-5-89428-503-0

© Н.В. Лукина, 2009–2010
© Издательство ТГПУ, 2009–2010

Предисловие

Настоящая книга является продолжением издания полевых материалов по традиционной культуре хантов, собранных в 1969–1990 гг. во время этнографических экспедиций Томского государственного университета¹. В предисловии к I тому изложены более подробные сведения обо всех экспедициях и о принципах подготовки данного издания. Здесь повторяем лишь самые необходимые данные. Экспедиции проводились под руководством Н.В. Лукиной, участниками были, в основном, сотрудники и студенты ТГУ. Всего состоялось 20 выездов. Посещено 65 стационарных селений и кочевых стойбищ.

Экспедициями был охвачен широкий регион Западной Сибири: север Томской области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа Тюменской области, а также районы перекочевков хантов-оленьеводов на территории Коми АССР. Сбор полевых материалов велся практически среди всех современных групп хантов, начиная с самой южной (васюганской), и кончая самой северной (приуральской).

Наши экспедиционные отряды были небольшими, по 2–4 человека. В целом во всех экспедициях участвовало 22 человека. В 6 экспедициях, кроме автора записи вели студенты (6 человек), готовившие курсовые и дипломные работы под руководством Н.В. Лукиной, и один лаборант. Личные записи автора составляют в среднем 70 % всей информации, полученной в экспедициях в целом.

¹ Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. Том 1. Васюган. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004; Том 2. Средняя Обь. Вах. Томск: Изд-во Том. ун-та. Книга 1, 2005; Книга 2, 2006.

В третий том вошли материалы следующих 4 экспедиций.

1. Река Большой Юган, 1973, январь – февраль. Индивидуальная поездка Е.М. Титаренко. Маршрут: Томск, Сургут, Угут, пос. Каюково.

2. Река Большой Юган, 1974, август – сентябрь. Состав: Н.В. Лукина, В.В. Бобров, А.М. Кулемзин, В.М. Кулемзин. Маршрут: Томск, Сургут, Угут, пос. Каюково, юрты Каюковы-Летние.

3. Река Большой Юган, 1980, август – сентябрь. Состав: Н.В. Лукина, А.Н. Михалев. Маршрут: Томск, Сургут, Угут, пос. Каюково, юрты Каюковы-Летние.

4. Река Большой Юган, 1983, март – апрель. Состав: Н.В. Лукина, А.Н. Михалев. Маршрут: Томск, Сургут, Угут, пос. Каюково, юрты Каюковы-Зимние.

5. Записи о юганских хантах, сделанные во время экспедиции 1975 г. на р. Тромъёган.

При подготовке к публикации полевые записи систематизированы по темам (разделам, подразделам), которые выделены в соответствии с обычной структурой этнографических монографий, посвященных традиционной культуре того или иного народа. Это «Занятия», «Семья и брак», «Верования» и т.д.

Публикуемые материалы собраны, в основном, Н.В. Лукиной. Часть записей сделана Е.М. Титаренко, и в этом случае указывается его имя как собирателя (в разделах: «Этнический состав», «Брак», «Социальное устройство», «Верования»). В конце каждой записи приводятся сведения о месте и времени фиксации, об информанте, указаны номера тетрадей и листов.

Во время экспедиций записи вел также В.М. Кулемзин, но они не входят в данное издание. В экспедиции 1974 г.

принимали участие сотрудники Кемеровского университета В.В. Бобров и А.М. Кулемзин; в 1980, 1983 гг. в экспедициях на Юган участвовал студент (позднее сотрудник киностудии «ТГУ-фильм») Томского университета А.Н. Михалев.

Рисунки выполнены в основном, Н.В. Лукиной; кроме того, Е.Н. Титаренко, В.В. Бобровым, А.М. Кулемзиным. Преобладающая часть фотофиксаций принадлежит Н.В. Лукиной, некоторые снимки сделаны А.М. Кулемзиным, В.М. Кулемзиным, Е.М. Титаренко.

Одним из приемов полевого сбора материалов на Югане был показ информантам фотокопий из книги: F.R. Martin. *Sibirica*. Stockholm, 1897. Информанты «опознавали» или не «опознавали» предмет, сравнивая современные изделия с теми, что изображены на фотографиях.

Публикуемые материалы хранятся в архиве Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ, сведения о них занесены в следующие инвентарные книги. «Инвентарная книга архива» (тетради с записями) 651–1, 3; 851–1; 921. «Инвентарная книга отдела рисунков и фотографий»: 651, 851–2, 3, 4; 951. «Инвентарная книга негативов»: № 283.

По итогам киносъемок в 1980, 1983 гг. Н.В. Лукиной и А.Н. Михалевым созданы 2 цветных кинофильма «Речные люди Ягун ях» и «Зима Речных людей» (по 35 мин). Оба фильма хранятся в Музее археологии и этнографии Сибири ТГУ.

В ходе экспедиций на Юган собрано 25 этнографических экспонатов для Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ.

В заключение хочу выразить благодарность всем информаторам и участникам экспедиций.

1. ДНЕВНИКИ

Е.М. Титаренко, 1973.

25.01.1973. Вылетел из Томска 24.01 рейсом № 3248 (Новосибирск–Томск–Сургут). Самолет вылетел в 19.20 (томского времени) прибыл в Сургут в 22.00 (20.00 тюменского времени). Остановился в гостинице «Нефтяник».

26.01. Навел справки о населении р. Юган. Сведения представила Г.Е. Вьюшкова – начальник районного статистического управления, которое находится в здании Дома Советов. От нее же узнал о транспорте, которым можно добраться на Юган.

Населенные пункты по Югану: пос. Юган, Угут, юрты Каюковы, Тауровы, Тайлаковы. В пос. Юган добраться трудно, хотя он находится всего в 60 км от Сургута. Очень редко (2 раза в месяц) из Сургута, от совхоза туда идет транспорт (трактор или лошадь), легче всего попасть в Угут. Туда ежедневно летает самолет в 13 час. До Каюковых из Угута можно добраться на лошадях или из Сургута на почтовом вертолете. Этот вертолет делает посадки в Угута и Каюково. До Тауровых и Тайлаковых юрт (верховье Югана) зимой добраться почти невозможно.

27.01. Вылетел самолетом в Угут.

29.01. Работаю в сельсовете. Выяснил список хантов, проживающих в Угута. Беседую с М.Н. Бисаркиным, Т. Камысовой.

30.01. Беседы с М.Н. Рыскиным, М.Н. Бисаркиным.

31.01. Беседа с М.М. Рыскиным.

02.02. Беседа с К.К. Кельминым.

03.02. Беседа с К.К. Кельминым, М.М. Рыскиным.

03.02. Нашел возможность попасть в Каюково (юрты Рыскины). В Угута находится Лазарь Ярсомов – житель пос. Каюково. Договорились с ним идти в Каюково на лыжах.

04.02. Вчера с трудом дошел до Каюкова. Я шел на лыжах медленнее, чем Лазарь. Под конец пути он оставил меня и ушел один. Началась метель, и я каким-то чудом все-таки дошел до Каюкова. Зашел в крайний дом и рухнул без сил.

05.02. Начинаю сбор информации в Каюкове (юрты Рыскины). Беседую с Е.П. Ярсомовым, Н.С. Ярсомовой.

06–08.02. Беседы с Е.М. Рыскиным.

09.02. Беседы с Е.М. Рыскиным, А.Н. Рыскиным.

10–12.02. Обратная дорога в Томск.

Н.В. Лукина, 1974.

25.08.1974. Выехали из Томска в составе: Н.В. Лукина, В.М. Кулемзин, А.М. Кулемзин, В.В. Бобров. Вечером этого же дня были в Сургуте. В этом году пароход не ходит от Томска до Сургута, мы летели самолетом.

26.08. Вылетели самолетом в с. Угут и здесь же встретили Ивана Павловича Каюкова из пос. Каюкова. Он не мог увезти сразу всех, и вначале поехали я и Бобров. На моторной лодке он довез нас до Каюкова.

27.08.1974. Пос. Каюково. Приехали из Угута В.М. Кулемзин и А.М. Кулемзин. В каюкове проживает около 30 семей хантов, русских только двое: продавщица и киномеханик. Поселок был выстроен в 1953 г., дома стандартные, но внутреннюю обстановку ханты устраивают по-своему. Некоторые дома пустуют, но все-таки здесь самое крупное скопление исключительно хантского населения, встреченное нами за годы поездок к восточным хантам. Здесь сосредоточено население из разных юрт, расположенных ранее выше и ниже по течению Югана. Старинное название этого

селения – юрты Рыскины, но в связи с тем, что на р. Тромъеган также есть Рыскины (официальное название – Рускинские), на Югане юрты Рыскины официально переименованы в пос. **Каюково**. (В народе их нередко именуют по-прежнему **Рыскины**). Кроме того, недалеко от пос. Каюкова есть **юрты Каюковы-Летние**, а также **юрты Каюковы-Зимние**.

В поселке имеется магазин, медпункт, клуб, почта и радиостанция. Дважды в день имеется радиосвязь с Сургутом. В эти дни в поселке оживление: идет сдача брусники, за которой должны прислать вертолет из Сургута. Вообще же основное занятие жителей – рыболовство и охота.

28.08–02.09. Беседую, в основном, с Д. Ярсомовой и ее родителями. Описываю одежду, нарты. В эти дни в Каюково свозят школьников из дальних юрт, чтобы отсюда отправить их в Угут, в школу-интернат.

03.09. Беседую с А.М. Ярсомовой, И.М. Рыскиным.

04.09. Беседы с М.Н. Рыскиным.

05.09. Беседую с А.М. Ярсомовой.

06.09. Описываю различные предметы материальной культуры.

07–08.09. Беседы с Л. Ярсомовой, А.М. Ярсомовой.

09.09. Беседы с Е.М. Рыскиным и его женой Шурой.

10.09. Поездка к священному лабазу. Проводник – Е.М. Рыскин.

11.09. Дописываю наблюдения прошлых дней.

12.09. Беседа с Е.И. Ярсомовым.

13.09. Беседы с П.Е. Ярсомовым и его женой А.М. Ярсомовой.

15.09. Описываю кладбище.

16.09. Беседа с В. Киняминой.

17.09. Беседы с П. Рыскиным, А.Н. Мултановым.

18.09. Беседы с С.С. Мултановой.

19.09. Беседы с М.Е. Ярсомовым.

20.09. Беседы с Е.М. Рыскиным.

22.09. Поездка в юрты Каюковы-Летние. Беседы с А.Н. Мултановым, П.Т. Каюковым.

23.09. Пос. Каюково. Беседы с Е.М. Рыскиной, Ньюкумкиной, М.Н. Рыскиным.

24.09. Беседы с Л.Е. Ярсомовым, Е.М. Рыскиной, Е.П. Ярсомовым.

25.09. Беседы с Е.М. Рыскиной. С.С. Каюковой.

26.09. Беседа с И.М. Рыскиным, Н.Т. Каюковым, Н.Г. Чалтомовым.

27.09. Беседа М.Н. Рыскиным.

30–31.09. Привожу в порядок записи.

01–06.10. Возвращаемся в Томск через Угут и Сургут.

Н.В. Лукина, 1980.

25–28 августа были в пути от Томска, через Сургут и Угут. Прибыли в Каюково вечером 28 августа. Приехали с А.Н. Михалевым снимать фильм, возможно, придет кинооператор из студии ТГУ – А.Д. Шаломов.

29–31.08. Встречаемся с разными людьми, определяем сюжеты для съемок. В Каюкове нас помнят по работе в 1974 г. Книгу «Материалы по фольклору хантов» многие получили и читали. Большой интерес к ней и сейчас, просят почитать.

01–02.09. Ведем первые съемки, записываем песни на магнитофон от А.Н. Рыскина и его жены Анисьи, А. Чалтомовой.

03.09. Перевод песен, записанных вчера, делает И. Сапаркин при участии исполнителей.

04–10.09. Съемки и сбор информации по разным вопросам, в основном, по пище.

11.09. Сегодня произошел несчастный случай: утонуло 4 человека. Присутствуем при похоронах.

12.09. Беседы с Е.М. Рыскиным, съемки священного амбарчика *Соҕ юҕ ики* в Каюкове.

13.09. Поездка к священному амбарчику *Кынь ики* и съемки. Проводник Е.М. Рыскин.

14.09. Поездка к оленьим избушкам, проводник Е.М. Рыскин.

18–19.09. Поездка в юрты Каюковы-Летние. Беседы и съемки у Л.П. Каюкова, его сына Михаила.

20.09. Пос. Каюково.

21–24.09. Возвращение в Томск через Угут и Сургут.

Н.В. Лукина, 1983.

22–25 марта были в пути от Томска, через Сургут и Угут, конечный пункт – пос. Каюково. Приехали с А.Н. Михалевым. Основная цель – снимать фильм, на этот раз с зимними сюжетами. Велся и сбор этнографической информации.

26.03. Съемки оленьих упряжек у Ф.С. Каюкова и его сыновей.

27.03. Беседы с И.М. Рыскиным, П.Е. Ярсомовым, Ф.С. Каюковым и его женой Степанидой, в основном, об оленеводстве.

28.03. Поездка в юрты Каюковы-Зимние. Съемки.

29.03. Беседы И.М. Рыскиным, И.М. Каюковой, Н.Г. Чалтомовым, Е.М. Рыскиным.

30.03. Присутствуем и ведем съемку на жертвоприношении, устроенном И.М. Каюковой.

01–06.04. Сбор материала и съемки у разных информантов.

07.04. Съемки зимних заповров. Проводник И.М. Рыскин.

08–11.04. Съемки, запись песен на магнитофон.

12–14.04. Возвращение в Томск через Угут и Сургут.

2. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ИСТОРИЯ¹

СПИСОК населенных пунктов в Угутском сельсовете (по состоянию на 1 января 1973 г.).

Название населенных пунктов	Всего хозяйств	Всего населения	В том числе			
			русских	хантов	ненцев	прочие
Угут	163	655	365	273	6	11
Кинямины	26	143	2	141	–	–
Каюковы	49	249	2	247	–	–
Тайлаковы	21	56	–	56	–	–
Тайровы	31	106	–	106	–	–
Мало-Юганск (лесоучасток)	136	446	424	–	–	22

Ханты в пос. Угуте. Темкин Степан Павлович, 1932 г.р. Бисаркин Михаил Николаевич, 1933 г.р. Кельмина Федосья Михайловна, 1918 г.р. Кельмин Валерий Васильевич 1940 г.р. Купложев Павел Васильевич 1927 г.р. Нюгломкин Матвей Федорович 1927 г.р. Нюгломкин Матвей Николаевич 1927 г.р. Кельмин Спиридон Устинович. Кельмин Степан Денисович, 1943 г.р. Каюкова Анна Михайловна, 1936 г.р. Чоускин Дмитрий Петрович, 1912 г.р. Камычева Федосья Исааковна, 1933 г.р. Рыскин Матвей Михайлович, 1936 г.р. Кельмина Мария Николаевна, 1924 г.р. Лянтин Александр Исаакович, 1941 г.р. Темляков Иван Николаевич, 1940 г.р. (учитель).

(Записал Е.М. Титаренко в пос. Угуте. 1973. Л. 2).

¹ Первая запись сделана Е.М. Титаренко, остальные – Н.В. Лукиной.

Ханты на Югане давно живут, здесь жили и татары – *татар*; *катань яг* (последнее название информанты вспомнили после того, как я произнесла его). *Нёрэм яг* – не знают. *Яраган яг* живут на севере, *сэрян яг* – возле Салехарда.

Иртыш – *Динал*. Возле Угута есть озеро *Келем сап*.
(Каюково, Е.П. Ярсомов. 1971–4. Л. 61).

Местные ханты знают о хантах, проживающих на Агане, Тром-Агане, Пиме и знают их отличия от себя. О пимских говорят: «У них *нир* внизу (у щиколотки) подвязывают, как у нас детям подвязывают». О языке аганских хантов говорят, что он трудный. Местные ханты один и тот же звук произносят как «л» («л» с придыханием) и как «т». Например, одни говорят – *луй*, другие говорят – *туй*, *лог* – *тог*.

(Каюково. 1974-1. Л. 28–29).

Ханты на Югане (*Ягун*) давно живут. До хантов жили *серянт*. Ханты на Юган пришли с Агана. Большой Юган – *Энтл' ягун*.

(Каюково, П. Рыскин. 1974-1. Л. 71).

Фамилии хантов, проживающих на Большом Югане: Каюков, Мултанов, Когончин, Ярсомов, Рыскин, Покачаев (?), Тауров, Епаркин, Лейков, Чегаевы, Тайлаковы, Курломкины, Лянтины, Караевы. На Малом Югане – *Ай-ягун* живут Кинямины, Сурломкины, Каймысовы. Ханты Малого Югана не отличаются от хантов Большого Югана. Это один народ, язык, одежда все одинаковое.

(Каюково, С.С. Мултанова. 1974-1. Л. 73).

Сюда приезжали на оленях *авуч яг*. У них кисы из лап, одежда из оленьих шкур. Они у хантов красивых женщин отбирали.

На вопрос: были ли в прошлом у хантов кольчуги из рыбьего клея? – ответили отрицательно и недоумевали, как это может быть. Кольчуга – *лэҕэл*.

(Каюково, Е.М. Рыскин. 1974-1. Л. 81).

На Югане жили *арэҕ* – старинные люди. Оленей они не держали. Ходили на охоту, устраивали загородки на лосей с узким проходом, у которого убивали лосей. Хлеба у них не было, вина, соли, чая тоже не было. Когда мы (ханты) стали жить, они потерялись. Ханты с Торумом вместе не могут жить [видимо, на земле – Н.Л.], ханты Торума не видят, это не положено.

Что старинные люди ели-пили, нам передали, только у нас соль и чай есть. Чувалы у них были. Они сделали, чтобы мы появились, ханты. Они жили-жили, думают: надо чтоб человек был. Они из глины людей сделали.

Великаны жили, они назывались *энель ики*. Когда ханты стали жить, большие люди к Торуму ушли. Ханты здесь всегда жили, не слышал, чтобы они откуда-то пришли. Их из глины сделали.

У хантов лодок дощатых *коран рыт* сперва не было, они два обласка вместе связывали. Потом кто-то у *серян* увидел лодки из досок, стали такие тоже делать.

Арэҕ-яг говорили по-хантыйски. В старое время ханты дурные были. Один от другого далеко жили. Это потом стало, хоть куда иди, начальство тебя найдет. Кроме *Таньи* не было у хантов начальников. В Сургуте русский был начальник. В юртах главных не было.

(Юрты Каюковы-Летние, П.Т. Каюков. 1974-1. Л. 87–89).

Хантыйские названия юрт: Каюково – *Дун пул*. Покачеевы – *Ол сэлэм пул*. Канэк пул (брусничная каша) – Ярсомовы. Тауровы – *Кэм сеяг пул* (прежде это были

Арантеевы). Угут – *Ут пул* (*ут* – берег). Рядом с пос. Каюково есть урья – *пэ́тэ́ порт уры*

На вопрос об истории появления хантов на Югане Н.Т. Каюков ответил, что сколько слышал – они все здесь жили. Рассказывали старики, что с *катан ях* воевали, но где это было – не знает.

(*Разные информанты*).

3. ЗАНЯТИЯ

3.1. Охота

Сегодня Ефим Михайлович Рыскин возил нас к оленьим избушкам. По пути он проверил капканы, установленные на ондатру. В одном обнаружил норку.

Поднялись на берег, откуда идет тропа к оленьим избушкам. По пути он проверил капканы, установленные на ондатру. Мы увидели вещи, принадлежащие отцу Ефима. Это был черкан, котелок из жестяной банки, набирка для дикорастущих ягод и кружка. Всё было развешено на кустах. Е.М. показал установку черкана. Его ставят на бревне. Белка бегаёт по земле по бревнам и попадает в черкан. Е.М. удлинил «дорогу», подложив ещё одну жердь. Тут же он рассказал, что в одну осень его отец поймал очень много норок. И говорил Ефиму: «Наверно, это к смерти». Так и получилось – он вскоре умер.

На территории ограды для оленей установлены слопец и петля на глухаря – силок. В землю вбиты в один ряд колышки, в середине проход. У прохода насыпан песок. Сюда прилетают глухари искать камешки. В проходе устанавливается петля из шпагата. Ее привязывают травинками к колышкам. Когда глухарь попадает головой в петлю, травинки обрываются. Петля затягивается, и одновременно глухарь вздергивается вверх. Петля подвешена на длинной жерди к тонкому концу. При попадании птицы тяжелый конец жерди перетягивает, и птица оказывается в воздухе. В таком виде мы

застали глухаря. Е.М. объяснил, что висящую добычу не расклюют вороны и не добудет зверь.

(Каюково, Е.М. Рыскин и личные наблюдения Н.В. Лукиной. 1980. Л. 9).

Иван Михайлович Рыскин ушел в урман в начале февраля. С пушным зверем стало совсем плохо. Добыть удается очень мало. На его участке с одной стороны проходит нефтепровод, с другой лесотрасса, дальше идти нельзя – там создается заповедник. Кроме того, на выходные дни приходят охотники-любители с буровых вышек. «Хорошо, хоть ягоды каждый год много бывает, можно на ней заработать, да в ПОХ'е делаем веники, топорища, черенки» – говорит он.

(Каюково. 1983. Л. 5).

На дикого оленя раньше охотились луком и с использованием изгородей. Возле юрт Каюковых-Зимних сохранились колья от изгороди. Филипп рассказывал, как однажды дикий хор шел за его оленями и дошел до *вели оч*. Филипп решил его загнать внутрь изгороди, и это удалось. Но когда он стал задвигать жерди, олень принял Филиппа за медведя и перепрыгнул через изгородь в семь жердей.

На вопрос: не охотились ли на оленя с оленем-манщиком, Филипп ответил, что не помнит и не слышал.

(Каюково, Ф.С. Каюков. 1983. Л. 14).

Убив лося зимой, охотники могут ночевать, завернувшись в шкуру лося. Шкуру кладут мехом наружу. Один неопытный охотник лег в шкуру, расположив ее мехом внутрь. За ночь шкура смерзлась, и он оказался в плену. Лишь через неделю его нашли, он был жив.

Установив самострел, ханты с обеих сторон на тропе втыкают в землю рогульки и на них кладут перекладину. Это

предупреждение. Даже ночью человек, идущий по тропе, наткнется на этот знак.

Приманкой для соболя служит пойманная в бутылку и протухшие змеи. Змеи заползают в бутылку, если туда бросить тряпочку, смоченную одеколоном. Наиболее популярная приманка для соболя – высушенная ондатра.

Осенью, когда медведь лакомится черемухой на песках, ханты накладывают в обласок веток и под их прикрытием плывут вниз по течению, чтобы настичуть и убить медведя.

При погоне за соболем ханты перепрыгивают через небольшие протоки, держась за куст черемухи.

(Записано на р. Тромъеган, пос. Кочевые у А. Иваненко. 1975-3. Л. 4, 5, 14, 29).

3.2. Рыболовство

Летом многие семьи выезжают на пески для заготовки рыбы рыбучастку. Сейчас некоторые семьи уже возвращаются в поселок. В прошлые годы хантов вывозили с песков на транспорте рыбучастка. Они ждали иногда до октября, до снега. Сейчас у всех моторные лодки, и каждый выезжает, когда хочет.

(Каюково. 1974-1. Л. 27-28).

В пути к оленьим избушкам Александр Мултанов проверял сети, поставленные на этом притоке. В обласок он сел, подогнув ноги под перекладину, опираясь немного и на перекладину. Перекладиной на конце рукояти весла он поддевал сеть и вытягивал из воды, затем вынимал рыбу (рис. 6).

(Юрты Каюковы-Летние. 1974-1. Л. 86).

3.3. Собаководство

Ханты видоизменили привязь для собак. Прежде (по Ф.Р. Мартину) это была деревянная колодка, на одном конце которой было отверстие для надевания на кол. Сейчас используется толстая, несгибаемая проволока, на конце делается кольцо, надеваемое на кол. Многие собаки на цепях. Когда хозяйева уходят в лес, собаки скучают и поднимают вой. Собак ханты хоронят в земле. К передней лапе (ханты говорят на русском языке: «к руке») привязывают красную тряпочку.

(Каюково. 1974-1. Л. 12).

Лиза Рыскина рассказывает, что будучи у сестры в гостях, в урмане она наблюдала, как собака реагировала на появление неподалеку глухаря. Собака лаяла, «как соловей поет», тоненьким голосом. Зять объяснил Лизе, что таким образом собака развлекает глухаря и отвлекает его внимание от охотников.

(Каюково. 1974-3. Л. 6).

Когда в 1980 г. мы были в Каюкове, здесь ханты стали впервые брать себе щенков от овчарки, которая была у русской семьи – работников магазина (рис. 10). Теперь у нескольких хантов выросли овчарки, которые используются только для перетаскивания нарты. Ханты отмечают большую силу овчарок. Они хорошо стерегут дом. Недостатком их является прожорливость – нужно в день ведро пищи. И, конечно, в отличие от хантыйской лайки, овчарка непригодна в охоте.

(Каюково, И.М. Каюкова. 1983. Л. 19).

Местные ханты не используют собак для загона оленей, держат собак в лесу на привязи.

Дми нац(в)ул – деревянная привязь для собаки. Окрик на собак чтобы они замолчали: *качи, кыча!* (На Вахе, Пиме – *пэррь*). Понукание при езде – *тэч*.

Клички собак. *Пуны* – Мохнатый. *Нидсико* – Соболь. *Канчеко* – Пестрый. *Вышкар* – Болячка. *Сапун, Сэмплэк* – одноглазый (вокруг одного глаза шерсть черная). *Ампэли. Неккат. Сойне.*

(Разные информанты).

3.4. Оленеводство

Многие семьи имеют по 20 оленей. Богатым называют одного старика, имеющего 50 оленей. Анна Ярсомова: «Он в песне поет, что у него 50 оленей. И старуха его тоже поет». Они помогают другим семьям, например, семьям Анны и Петра Ярсомовых. Когда эти старики приезжают в поселок, то останавливаются у Анны. На мой вопрос: «Платят ли этим старикам за оленей», Анна ответила: «Мы что-нибудь сделаем, чтобы они были рады. Они оленей нам дают, мы рады». Хозяйка этого большого стада не подкармливает оленей, так как их очень много и она не успевает. Некоторые семьи подкармливают оленей сухарями или сушеной рыбой, раньше больше подкармливали рыбой. Если оленей много, их можно не подкармливать: пока один в упряжке, другие отдыхают. Если поблизости ходят дикие олени, которых на Югане очень много, домашним животным обязательно надевают доску на шею или колодку на ногу, чтобы они не ушли к диким. По следу колодок на снегу хозяин узнает, куда ушли его олени. В середине декабря, когда глубокий снег, колодки можно не надевать.

Весной олени подходят к летним юртам, где для них позднее будут устроены дымокуры. Анна: «Они заходят, смотрят, не приехали ли хозяйева». То же и осенью, когда они уже

отпущены в лес и нет гнуса. Для оленьих дымокуров используют гнилушки или сырую осину.

Дикого оленя, считают ханты, нельзя поймать, он очень осторожен.

(Каюково, А.М. Ярсомова. 1974-1. Л. 33–34).

Кит ючдч кеви – молоток для замыкания и размыкания колодок, надеваемых на ногу оленям. Обращает на себя внимание бульшая по сравнению с виденными нами на других реках, величина колодок для оленей. Рукоять молотка деревянная, длиной 23 см, на одном ее конце молоток из кости, длиной 13 см. Используются оба конца молотка, но больше изработан тупой конец. На другом конце рукояти ременная петля продета в отверстие и захлестнута средней частью за деревянную палочку. Этой петлей молоток подвешивают на пальцы (рис. 11).

Рога убитого оленя бросают где-нибудь в сыром месте, чтобы люди это не видели; когда года 2–3 пролежат, можно взять их и использовать. Кости домашнего оленя нельзя бросать собакам.

По мнению хантов, домашние и дикие олени различаются рядом признаков. При охоте на дикого оленя к нему подкрадываются в тот момент, когда он опустит голову и ест мох. Время от времени он поднимает голову, в это время нужно замереть. Олень хотя и видит человека, как нечто новое в окрестностях, но «глазам своим не верит», вид недвижимого человека его не пугает. Домашний же олень как увидит даже неподвижную фигуру человека, так и убегает. Домашние олени особенно пугаются мужчин, так как те часто ловят их арканом. На Югане чаще всего оленей ловят женщины и дети, к ним олени относятся доверчивее. Ефим как о чем-то необычном рассказывает, что на Пиме собаки помогают ловить оленей.

Дикие олени могут легко передвигаться по глубокому снегу, у них длинные ноги, и они пружинят сильнее, выгибают спину.

(Каюково. 1971–4. Л. 58–59).

Оленей ханты покупали в северной стороне (*ыл' пёлёкна*), туда специально ездили. Оленей, наверно, диких приручили. Ханты у *ярээн яг* покупали, а те откуда взяли? Кто-то первый приручил диких.

(Каюков, А. Мултанов. 1974-1. Л. 72).

В этих местах много диких оленей. Иногда у важеньки из домашнего стада родится теленок от дикого оленя. Этого теленка можно приручить, если важенька сама с теленком не уйдет к диким. Домашние олени нередко уходят с дикими, например, в прошлом году у Егора Мултанова ушло все стадо. Дикого оленя приручить невозможно, можно маленького теленка, но никто этого не делает, таких примеров не помнят.

Хозяева живут с оленьим стадом лишь в период гнуса, разводят в это время дымокуры. Олени уходят из оленьей избушки (*веди кот*) вечером пастись, а утром приходят снова. Если избушка построена на новом месте, к которому олени еще не привыкли, то здесь устраивают изгородь *оот'*. Зимой для ловли оленей *оот'* не строят (как на Пиме). Собак для ловли оленей не применяют. Среднее стадо здесь 1–20 голов, желательнее иметь больше, но не удается. Много телят теряется. Когда рождаются телята (в мае), ханты в это время со стадом не живут (в отдельных случаях живут), так как нет гнуса. За рождением и состоянием телят не следят, только недели через две сделают метку на ушах.

В стаде из 10–15 оленей оставляют одного хора. Остальной состав стада зависит от того, какие телята рожда-

ются – самцы или самки. Оленей на убой не содержат, только ездовых.

Практически охраны оленей не производится, здесь даже не загоняют их ежедневно в загородку зимой, как это делается на Пиме. Они сами подходят к жилищу. Для предотвращения ухода оленей на далекие расстояния им надевают на ногу колодку с развилкой *кит' юг* (рис. 12). Летние колодки больше зимних, тяжелее. На шею подвешивают доски сапэль *перт* или рогульки (рис. 13) *сапэль юг, ёртау-сапэл-юг* (*ёртау* – рогулька, *сапэл* – шея, *юг* – дерево), которые бьют по ногам. В начале зимы, по первому снегу оленей собирают, ловят при этом чаще руками.

Домашних оленей ловят арканом, но можно их подманить хлебом или рыбой и взять за шею, а затем привязать веревкой. Подманивая оленя, протягивают руку с хлебом или рыбой и произносят: *т'а-т'а-т'а*. Отгоняют звуком *кэ́т!*

(Каюково, М.Е. Ярсомов. 1974-1. Л. 75–79).

Хорей *валэ́г* при остановке чаще всего ставят в снег либо кладут на снег. На мой вопрос: не означает ли лежащий на снегу хорей для оленей приказ стоять на месте (как на Вахе), ответили отрицательно. У некоторых хорей имеют на одном конце копьё.

Оленям подвешивают на шею колокольчики. Колокольчиков не хватает, поэтому подвешивают только самому «бойкому» оленю, который уводит стадо.

Во время глубокого снега оленей не подкармливают, они разрывают снег любой глубины. Во время наста олени кормятся мхом с деревьев, с кедра.

Оленей убивают ударом обуха топора по затылку. Когда убивают оленя для покойника, то его душат. Оленей не стреляют (домашних).

Знаки собственности (*пыльт-пос*) ставят на ушах – на левом, правом или на обоих. Их вырезают, у каждой семьи свои знаки. У родных братьев, живущих отдельно, метки одинаковые, такие же, как у отца. Все знают своих оленей по виду и могут различить оленей с одинаковыми метками. Изменить метку невозможно – она уже не зарастет так, как первая. Тряпочки в качестве меток не применяются. Зимой оленям украшают рога цветными тряпочками, они все равно оборвутся.

Бывают падежи оленей, их причины и меры борьбы хантам не известны. Лечить оленей они не могут, только перевязывают раны. Если олень серьезно заболел, его забивают.

При кормлении оленей пищу держат в руке, здесь не применяют сумок (как на Пиме), из которых олени едят сами, опуская туда голову.

(Каюково, М.Е. Ярсомов. 1974-1. Л. 75–78, 79–80).

Ханты называют оленей темных мастей («черных») *серян вели*. Недавно сюда перегоняли оленей с Тром-Агана, и там были *серян вели*.

Клички оленей. *Мэмикор* – Медведь. *Коленк ыки* – Ворон (черный). *Нёгос кар* – Соболь. *Ротын кар* – Пятнистый. *Вотым кар* – Выцветший. *Сорок не* – не переводится. *Очкор* – Овца. *Чычели*. *Вонткор* – Лесной. *Пегули* – Шишки. *Йинк ики* – Вода (в воде нашли). *Пойтик* – Куропатка (маленький был белым). *Кырым* – Дятел. *Синккар*. *Вокы* – Лиса. *Ай кор* – Маленький. *Вдрдоннт* – Ветвистые рога. *Кайун*.

Пошейный волос оленя (*тулэ́к*) не привязывают другому оленю, как это делают на Вахе.

(Каюково, разные информанты. 1974-1).

Сегодня Ефим Михайлович Рыскин возил нас к оленьим избушкам. Они принадлежат его брату Ивану Михайловичу

Рыскину. У него 5 оленей. Две олени избушки огорожены жердями. Дымокур на улице. Сейчас дымокуры не разводят, период гнуса закончился, олени ушли в лес. Но в нашем присутствии прибежали два оленя. Е.М. подзывал их звуками *та-та-та* и *нянь-нянь-нянь* (см. цветную вклейку). Он рассказал, что олени не подпускают близко к себе мужчин. Осенью, когда ловят оленей, мужчины переодеваются в женские халаты и надевают платки, но олени все равно к ним не подходят. Метки на ушах вырезают. Здесь много диких оленей, они смешиваются с домашними в одном стаде.

(Каюково, Е.М. Рыскина и личные наблюдения Н.В. Лужиной. 1980. Л. 9–10).

У Лисака Павловича Каюкова своих только три оленя, но есть еще несколько, данные займы двоюродным братом по матери (сын сестры матери). На диких оленей он не охотился, поэтому у него мало шкур. В другой семье – Петра Гавриловича Каюкова добывают много диких оленей. В эти дни, когда охотники пришли из урмана, шкуры сохнут около домов. Здесь же висят три грудные клетки оленей. После подвяливания на ветру их будут варить.

В эти дни ожидается уход оленей в лес на места летних дымокуров. Идет дождь, снег сейчас «висит» или «садится». Когда он осядет и наступит наст, олени уйдут. Перед этим нужно снять колокольчики, чтобы их звон не привлекал к оленям зверей и чтобы олень не зацепился ошейником за сучок.

(Каюково. 1983. Л. 10).

Домашний олень – *кандэҕ вэди*. Олень передовой – *сар вдыты*. Олень пристяжной – *пэ́лэҕ вдыты*.

Наконечник хороя из кости, с кольцевой нарезкой по внешней стороне.

Аркан – *вели катэльтэ нюр*. Здесь им пользуются редко, так как местность лесистая. Обычно женщины ловят оленей за ошейники. Ошейник висит всегда на олене; когда нужно, к ошейнику прикрепляют тормозную доску или рогульку.

(Каюково. 1983. Л. 2–3).

У отца Петра Егоровича Ярсомова было около ста оленей. Он купил первых оленей у хантов на Тромъегане. С оленями отец везде ездил, охотился и на Тромъегане. Сейчас от них не осталось ни одного. Своих оленей П.Е. тоже купил на Тромъегане, сейчас 7 оленей. На Тромъегане олени более крупные, а местные мелкие.

Мешочек из брезента с сухарями для кормления оленей – *вели лдпэптэ кырэх*. Сухарики сушат, когда живут в урмане. У сумочки длинная лямка-петля. Когда идут в лес кормить оленей, сумка висит через грудь на правом боку.

(Каюково. 1983. Л. 6–7).

По виду домашние и дикие олени различаются мало. На домашних оленях делают метки для того, чтобы их не приняли за диких и не подстрелили. Некоторые делают метки очень заметными, например, разрезают ухо до основания, а затем еще подрезают сбоку. Метки делают маленьким оленям, и тогда из уха не течет кровь. Во время жертвоприношения, на котором мы присутствовали, двум оленям сделали метки, так как своевременно это не было сделано.

При ловле оленей одного привязывают к другому, при этом у заднего оленя обротъ из веревки, а у переднего – уздечка с пластинами. Повод заднего оленя привязан к переднему (видимо, к уздечке?) и проходит у переднего между ногами. Ловят оленей обычно женщины (рис. 14).

Во время жертвоприношения все стадо оленей собрали, и оно стояло недалеко. Это делается для того, чтобы олени

знали, что одного из них забили, а он не убежал. Когда из стада уходит 2–3 оленя, стадо распадается и олени разбегаются. Олени живут только стадом, объясняют ханты.

(Каюково. 1983. Л. 14–15).

Ирина Михайловна Каюкова рассказывает, что один из ее оленей напал на нее и хотел ударить сначала рогами, а потом задними копытами. В наказание она привязала этого и других оленей и держала на привязи целые сутки. На другой день сказала оленю-виновнику: «Будешь так делать, еще целый день стоять будете». Из ее рассказа получается, что этот олень понял свою вину и то, что из-за него другие олени стояли голодные.

Ирина М. так и не дождалась свою дочь Раю, уехавшую в Угут. Олени уже пять дней стояли на привязи в ожидании отъезда. Отпустить их было нельзя, тогда они бы ушли по насту к местам летнего выпаса. Снег стал твердым, и они не могут пробить его, чтобы добыть ягель. Поэтому Ирина купила в магазине сухарей и подкармливала их. Обоз, который она собрала для отъезда в Пунцию, состоял из пяти упряжек оленей. Дорога занимает 2 дня. Одной женщине опасно ехать, так как могут напасть волки, поэтому ее поехал провожать муж дочери Валентин. Оттуда он вернется пешком. Когда Рая приедет из Угута, то должна будет добираться до матери пешком.

(Каюково, И.М. Каюкова. 1983. Л. 19).

При подкормке оленей сухари бросают на землю. Делают это женщины и дети. Олени их не боятся, а мужчин боятся.

Оленей кастрируют мужчины, через платок мнут зубами. Оленей и собак кастрируют мужчины, разрывая зубами семенной канал.

Некоторые ханты приобрели оленей на Тромъегане, у ненцев. Это было еще на памяти живущих сейчас людей среднего возраста.

В конце марта наступает время, когда оленей будут отпускать в лес. Ездить на них прекращают.

(Разные информанты).

По рассказам одного ханта, его важенка приводила к жилищу двух самцов диких животных, которых он и убивал. Важенка не была специально обученной для этого.

(Записано на р. Тромъеган, пос. Кочевые у А. Иваненко. 1975-3. Л. 13).

3.5. Собираательство

Осень – время, особенно занятое у женщин. Сбор ягод, почти целыми днями все в лесу. Весной работы мало, все отдыхают.

Бруснику женщины собирают в набирку руками (рис. 15), наклонившись, а когда устает спина, то ползают на коленях, если сухая земля. Некоторые знают богатые ягодой места, другим не говорят. Если видят на поляне других людей, собирающих ягоды, то поблизости не собирают.

Набирка для ягоды – *норон са(г)вун*. Коробка подобной же формы, но без ручки, называется так же, в ней хранят разную мелочь, у мужчин – гвозди и др. Бруснику насыпают из ведра или из набирки в обласок, установленный наклонно. Ягода сыплется вниз, а мусор остается на месте. Просеивают бруснику и через сито из жильника (рис. 16). Заготовленную ягоду сдают приемщикам (рис. 17, 18). Кедровые шишки растирают в деревянной емкости с рубчатыми жерновами (рис. 19).

(Каюково. 1974-1. Л. 15).

3.6. Орудия труда и домашнее производство

Нилынкы кар – пихтовая кора. Применяется для изготовления коробок. Выполняют эту работу женщины. В начале лета, когда у пихты отойдет сок (пока идет сок, кора получается не белая, а красная), делают на дереве продольный надрез ножом и снимают кору. Ее можно хранить сырой, а для изготовления коробок высушивают на солнце, положив наружной стороной к солнцу. Затем ее обрезают до нужных размеров, загибают, пришивают к гибким прутьям из черемухи и сшивают черемуховой саргой. Крышку делают из бересты, рисунок наносят в настоящее время магазинной краской или ручкой, а раньше – отваром лиственничной коры.

(Каюково. 1974-1. Л. 3, 5–6).

Сегодня застала Дашу за изготовлением коробки из пихтовой коры. Подсушенная кора, две пластинки сгибаются корой внутрь. Одна кромка накладывается на другую и сшивается нитками. Затем выстругивается тонкая черемуховая пластинка с корой. При строгании женщина сидит на пятке правой ноги, левая немного выставлена в сторону и колено приподнято. Нож в правой руке, рука прижата к бедру левой ноги. Пластинка в левой руке, ее протягивают под ножом.

Приготовив пластины, Даша приносит с улицы кусок необработанной бересты, отрывает руками пластину приблизительно по высоте коробки, вкладывает ее внутрь коробки и зажимает пальцами там, где нужно отрезать лишнее. Береста должна покрыть всю внутренность коробки, один ее край при этом заходит за другой. Излишек отрезает ножом. При работе с берестой она пользуется ножом и ножницами, а на мой вопрос отвечает, что старухи все делали ножом. Внутри коробки вставляет кольцо черемуховой сарги – *луй* (так же называется наперсток), отмеряет нужную длину и

отрезает остаток ножом. Снаружи коробки накладывает черемуховую пластину корой наружу и прошивает сухожильной ниткой все – внутреннюю саргу, бересту, кору и наружную саргу. Во время шитья постоянно срезает ножом выступающие части бересты. Пришив ободки, подрезает бересту еще раз. Затем прошивается другой край коробки. Сухожильную нитку отрезает ножом.

(Каюково. 1974-1. Л. 11).

Узор на табакерку наносят штампом из оленьей косточки – *чэкэм туяс вертд чоҕ*. Мы попросили Михаила Наумовича Рыскина показать его штампы. Он не стал искать готовые, а на наших глазах в несколько минут вырезал ножом 3 штампа из сухой сосновой палки (рис. 20). Один штамп обозначает след медведя *пуни лек*, другой – след собаки – *амп лек*, третий – без названия.

(Каюково. 1974-1. Л. 29–30).

Женский струг для гнилушек – *чап ол'тин*, меньше мужского струга. Мужским женщине строгать гнилушки нельзя. Сидит на пятках, полено зажато коленями, лежит на полу. Стружок берет двумя руками и строгает движением к себе. Строгают и ножом, полено держат в левой руке, строгают правой, движением от себя. Мелкие куски разрезает ножом поперек, разминает гнилушки руками.

(Каюково. 1974-1. Л. 32–33).

В настоящее время ханты на Югане прекратили изготовление циновок из камыша. Камыш съеден ондатрами, он растет лишь около юрт Мултановых на озере, откуда его нужно нести к реке около 2 км (рис. 21).

(Каюково, А.М. Ярсомова. 1974-1. Л. 34).

При изготовлении стружек *чип* нож затачивается особым образом: одна сторона лезвия как бы загибается на другую. У женщин раньше была специальная рукавичка из кожи для левой руки, нажимающей на лезвие. Березку для стружек срубают ровную, без сучков и хранят ее в снегу иногда целую зиму. Скоблить можно только мерзлую березку. Стружки сушат, а затем складывают в мешок.

(Каюково. 1983. Л. 11).

Для окрашивания оленьей шкуры размачивают кору лиственницы, затем ее кипятят и, обмакивая тряпочку в раствор, наносят на поверхность выделанной оленьей шкуры.

Швы на мехе, коже или при сшивании меха и ткани проглаживаются кромкой наперстка, выступающей над пальцем. Наперстки без дна надеваются на палец узкой частью, широкая часть выступает над пальцем. При шитье вытянутая с иглой нитка наматывается два-три раза на руку, а затем игла снова втыкается.

(Каюково, Д. Ярсомова и личные наблюдения Н.В. Лукиной. 1974-1. Л. 12–13).

В процессе шитья на указательном пальце женщины постоянно надет наперсток, все операции с ниткой выполняются большим и средним пальцами. Сухожильной ниткой шьют несколько иначе, чем обычной. Проткнув иглу с ниткой, берет нитку двумя пальцами у основания иглы и вытягивает почти всю нить, поддерживая ее остальными пальцами, затем берет нить у шва и вытягивает окончательно. Во время шитья женщина сидит, вытянув вперед ноги.

(Каюково. 1974-1. Л. 14).

Сейчас узоры на кожу наносят карандашом. В пос. Каюкове это особенно хорошо умеет делать Даша Ярсомова.

Некоторые не умеют рисовать и просят других, но не все соглашаются, так как не хотят, чтобы все ходили в красивой обуви. Кто не умеет делать рисунки, тот украшает вставку между головкой и голенищем полосками ткани разных расцветок. Анна Ярсомова, когда училась в школе в Угуте, умела делать рисунки по коже, а сейчас может рисовать только на бумаге.

(Каюково. 1974-1. Л. 26).

Ханты изготавливают несколько видов сухожильных нитей, различающихся по толщине. Самая тонкая нить служит для пришивания подшейного волоса оленя при изготовлении узоров на ровдужной обуви. Подшейный волос – *сурэм пун*, нитка – *сурэм ёнтэ понэ*. Далее идет нитка для сшивания мозаики из ровдуги – *канча ёнтэ понэ*. Далее – нить для сшивания отдельных частей (кроме подошвы) у летней и зимней обуви – *нир вэтэ понэ*. Далее – нить для пришивания подошвы к зимней и летней обуви (кроме дождевой обуви) – *нир вэтэ понэ* (может быть также более толстая нить для летней обуви – *котыцпи нир* и более толстая нить для зимней обуви – *тцтог нир*). Далее – нить для сшивания дождевой обуви – *йинк нир вертд понэ*. Эту обувь шьют очень мелким швом, чтобы влага не проходила. (Анна считает, что эту обувь лучше шить тонкой ниткой, так как от толстой остаются волокна у шва, но старухи шьют толстой). Еще толще – нить для сшивания частей оленьей упряжи, называется она, как и предыдущая.

(Каюково, А.М. Ярсомова. 1974-1. Л. 35–37).

Одним наперстком женщина может шить 1 год. Особенно быстро он приходит в негодность при шитье тонкими уголками. В настоящее время наперстки нужной формы (без дна) сюда не завозят. В Угуте одна женщина

привозит и продает их по 3 руб. за десяток. Ханты охотно покупают их и за такую цену.

(Каюково, А.М. Ярсомова. 1974-1. Л. 38).

Скобель *ютэҕ сэтү нырли* с длинной ручкой и металлическим лезвием квадратной формы из меди, которое вставлено в расщеп на рукояти и пробито насквозь гвоздями (рис. 22). Употребляется для окончательного размягчения лосиных и оленьих шкур, для камусов – нет.

(Каюково. 1974-1. Л. 40).

Старуха пришивает пуговицы фабричными нитками, обрезает нитку ножом, движением от себя. При вырезании изделий из кожи вначале проводит черту ножом движением от себя, затем режет к себе.

Рисунок на кожу вначале наносят карандашом, а затем режут ножом. Рисунок на пихтовой коре вначале обводят ножом, а затем красят корой. Если рисуют карандашом, то сразу наносят на кору и красят.

Изготовление ровдуги (*лутим нев нюр*). Шкуру опускают в воду, долго держат, потом кладут у печки, ворс выгнивает, затем шкуру прополаскивают в воде. Оленьи шкуры бывают разной толщины, на голенища обуви выбирают тонкую шкуру. Домашних оленей здесь почти не забивают на мясо и шкуры, жалеют. У кого много оленей, забивают еще реже, им больше жалко. На Югане много диких оленей, на одежду, обувь и другие нужды используются шкуры диких оленей.

(Каюково, А.М. Ярсомова. 1974-1. Л. 47–48).

Простой шов – *ёт* (*ёл*); швы – *ётэҕ*. Частый шов «на живую нитку» – *дт'и ёт(ёл)*. Простынный (двойной) шов – *кычим ёл*. Подшивочный – *чомы ёл* (косо идет). Шов по

аппликации из ровдуги – *ай ётди* (мелкий). Шов с прокладкой подшейного волоса оленя – *суром ёт*. Шов «впритык» на коже – *йинк ёл* (на *йинк нир*). Шов на подошве обуви – *йинк ёл*. Шов, соединяющий голенище и головку обуви – *нир взрти ёт*. Шов обметочный у верха голенищ из ровдуги – *ёл* (специального названия не имеет). Шов при стежке – *энэт ёт*.

Шить – *ёнтэ*. Шить на руках – *катпан ёнтэ*. Шить на машинке – *машичан ёнтэ*. Пришивать заплату – *ётэнтэ*. Простегивать – *кэчи*. Шить бересту – *кынт верти* (о бересте не говорят – *ёнтд*).

Нанизывать бисер – *пынч пуҕти*.

Кроить – *вантиҕсыты*. Выкройка – *тонтоҕ*. Резать (при шитье ткани) – *вачи*. Резать (при шитье шкур и кож) – *вачи*.

Одеваться (о женщине) – *тёмтэҕсыты*. Одеваться (о мужчине) – так же, и о детях тоже. Надевать платье – *ернас* томэти. Надевать рубаху – так же. Надевать обувь – *ниры пуҕти*.

(Каюково. 1971–4. Л. 62–63).

Изготовление сухожильных нитей. Высушенное сухожилие лон растирает пальцами на волокна, протягивает их через рот, смачивает. Держит волокно в левой руке, скручивает ладонью правой рукой на бедре, движением к себе. Держа скрученное на бедре волокно левой рукой в воздухе, скручивает его в воздухе указательным и большим пальцем правой руки, движением к себе; в левой руке нить проходит сквозь неплотно сжатый кулак. Так готовится первый отрезок нити. Второй изготавливается так же, затем накладываются концы готовых нитей один на другой, и один конец нити прикручивается к другому, движением большого и указательного пальцев. Затем прикладывается следующий отрезок и т.д., пока не будет готова нить нужной длины. Две нити нужной

длины кладет в рот, оставляя один конец для скручивания. Скручивает его ладонями, правая неподвижно, левая идет сверху вниз, нить закручивается вправо. Скрутив этот свободный конец нити, протягивает нить через рот, при этом нить выравнивается, если на ней были неровности, и скручивается вся целиком. Последнюю операцию делает 3–4 раза. Если мастерица левша, все движения выполняются в обратную сторону. Нитки – *понна*, из оленьих сухожилий лучше, чем из лосиных.

(Каюково. 1974-3. Л. 3–4).

Шкуру оленя или лося сушат, прибив гвоздями к стене дома или положив на снег и проткнув ее в выступающих частях палочками. Мездру *чунч* удаляют двуручным двулезвийным скобелем *олу* (рис. 23), движением от себя. Затем смазывают рыбьим жиром *кулд вой* и кладут в развернутом виде на ночь на улицу, мездрой наружу, чтобы она пропиталась росой. Затем на шкуру льют воду и растирают ее по шкуре рукой или инструментом в виде лопатки. Когда шкура станет такой же сырой, какой она была после снятия с животного, в нее втирают рукой гнилушки *тудэр*. Затем круговыми движениями левой руки (правая при этом является осью вращения) инструментом *юдтыш юг* (рис. 24) разминают шкуру, разложив ее на коленях и зажав один конец ступнями.

Золу от березовой губки оч разводят отваром лиственничной коры *кар йинк* («чтобы черный был») и этим раствором смазывают шкуру 3–4 раза стружками *чип*. Сушить крашеную шкуру можно только на солнце. Затем кроят обувь. На изготовление различных частей обуви идет обязательно крашеная шкура, лишь головку *сурэмэн нир* шьют из некрашенной. Шкуру для головки *сурэмэн нир* не смазывают при обработке рыбьим жиром, а только водой и размягчают ее с

мукой. В остальном, процесс обработки не отличается от обработки крашеной шкуры.

(Каюково, С.С. Каюкова, Е.М. Рыскина. 1974-3. Л. 9–10).

Шкура с ног оленя – *копэль*. Обрабатывают так же, как большие шкуры, при сушке их растягивают палочками (рис. 25). При размягчении так же кладут на колени, придерживая конец ступнями ног.

(Каюково. 1974-3. Л. 11).

Сегодня снимали кинокамерой сцены обработки шкур и нанизывание бисера. Удаление мездры показано на куске шкуры с головы лося. Она идет на подошвы обуви. После удаления мездры шкуру намажут рыбьим жиром. Затем жир удаляют, смывая ухой. Затем натирают гнилушками и размягчают косой, употребляемой при заготовке сена.

Для нанизывания бисера хантам нужны тонкие иглы. Но их нет, и они изобрели заменитель. Тонкую проволочку перегибают вдвое и закручивают – получается игла с ушком.

(Каюково. 1980. Л. 4).

Ножи в деревянных ножнах, переплетенных бечевками. Мужской и женский. Мужские ножны здесь только из дерева. Обшитые жемчугом ножи с подкладкой из красной ткани носят только женщины (рис. 26, 27). Ножи женщины носят справа, подвесив к поясу, а мужчины сзади справа, подвесив за один конец к поясу.

Сверло для дерева (рис. 28).

Ванч перт – доска для резания шкуры при шитье.

Ханты умеют изготавливать нити из крапивного волокна. Прядут их на веретенах с напояслом *йснэт*. Напоясло – из рога или дерева. Пряжу прикрепляют к потолку над нарами.

Это женская работа. Рыскин Михаил Наумович сам прядет. Из нитей вяжут сети и невода.

При изготовлении нитей сухожилия раздирают зубами на тонкие пучки.

Иглу при шитье держат между указательным и большим пальцем, наперсток находится на среднем пальце.

При стирке зимних сахов меховая полоса отпарывается.
(Разные информанты).

4. СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

4.1. Лыжи

Лыжи – голицы *лумп*, из сосны. Не прогнуты. Острый удлиненный носок и фигурный задник. Крепление: два полукольца укреплены в лыже с помощью деревянных шпонок, между ними двойная полоса лосиной шкуры ворсом внутрь, в середине верхней части завязка из бечевки (рис. 29).

Лыжи положены поперек навеса для нарт и придавлены доской.

(Каюково. 1974-1. Л. 19–20).

Мужские лыжи, подшитые лосиным камусом (рис. 30). С фигурным задником и остро-удлиненным носком с головкой. Защитный мешок из полотенца прибит гвоздями через полоску лосиной кожи. Описание крепления см.: л. 19–20. Под ступней – берестяная пластина.

Другой экземпляр подшитых лыж, с расширением книзу на 1 см. Носок и пятка остро-удлиненные. Крепление такое же. Это женские лыжи.

(Каюково. 1974-1. Л. 39).

Мужские подшитые лыжи и голицы (*куй лумп*) делают одинаковой формы, у голиц лишь нет шишечки на носке. Женские подшитые лыжи ниң *нимэ́л(т)* и голицы также имеют одинаковую форму, но голицы – без шишечек на носке. Женские лыжи с подставками не делали.

Женские лыжные палки не отличаются формой от мужских, называются *санкып*.

Женские лыжные палки, в отличие от мужских, имеют выгнутую лопатку. Палку при ходьбе на лыжах обычно держат в левой руке, в правой – топорик. Палкой разгребают снег.

Детали лыж: шишечка на носке – *нимэ́ль такы*; носок – *нимэ́ль нцл*; кольца крепления – *нимэ́ль нирк*; ремень крепления – *нимэ́ль ват*; береста под ступательной площадкой – *нимэ́ль полтета тонтог*; *нимэ́ль по́длэ́н* – высокая подставка под ступней («каблук»); *по́длэ́н нимцль* – лыжи с «каблуками»; *нимэ́ль корэ* – мешок для ноги; *нимэ́л лояк* – пятка лыжи.

Форма задника мужских лыж одинакова у подволоков и у голиц, «как рука привыкнет, так и делали». По форме задника лыж узнают, кто прошел. На голицах ходят по насту.

Лыжи с высокими подставками были у отца Ивана, сейчас их ни у кого нет. Для ходьбы на них нужна была особая ловкость ног, удержаться на них труднее, чем на современных лыжах. Подставки делали для того, чтоб снег не налипал на ногу. Сейчас их заменяют мешки, но они все-таки задерживают много снега. Лыжи не выгибают, загибают носок.

(Каюково, И.М. Рыскин. 1974-3. Л. 11–13).

Полозья нарт и лыжи здесь делают без срединного желоба, нижняя их поверхность гладкая.

Сейчас в пос. Каюкове (бывшие юрты Рыскины) нет ни одних лыж с «каблуками» – возвышенной площадкой для ступни. У родителей современных хантов в возрасте 40–50 лет такие лыжи были. Сейчас на подволоках защитные мешки. В одном из экземпляров лыж-подволоков крепление: ремень для носка широкий, закреплен на черемуховых дужках

и завязан. В него входят концы пяточного ремня, т.е. двухпетельное крепление.

Подклеенные камусами лыжи обматывают бечевкой, и так они сохнут 3–4 дня. Клей варят из рогов лося и оленя. Носок загибают с помощью палок, сложенных определенным образом. В эти дни, пока мокрый снег, лучше ходить на подволоках, а голицы сильно прилипают, т.к. быстро намокают.

Дети в школе-интернате изобрели езду на лыжах, которые тянет собака. Это возможно только на узких спортивных лыжах, а не на традиционно хантыйских. Между пос. Угут и пос. Каюковым 30 км зимней дороги. Маша Ярсомова рассказывает, что школьницей, она ехала на лыжах за собакой и приехала домой за 3 часа. Собаку невозможно остановить для отдыха, она рвется вперед.

Сегодня видела старика на лыжах с посохом: на одном конце кольцо, на другом лопатка с небольшим углублением. Посох – *санкып*. У одной старухи посох только с лопаткой.

(Каюково. 1983. Л. 3–5).

Некоторые ханты и сейчас делают лыжи с «каблуками», вырезая их из того же куска дерева, что и сами лыжи.

(Записано на р. Тромъеган, пос. Кочевые у А. Иваненко. 1975-3. Л. 13).

4.2. Нарты и упряжь

Ручная (собачья) нарта и упряжь.

Ручная нарта Киняминых (рис. 34). Разрез трапециевидный. Дуга проходит почти по одной линии с нащепами. Внешние кромки полозьев приподняты над землей. Передние загнутые вверх концы полозьев соединены с концами нащепов кожаными ремешками. Нарта косокопыльная. Внизу копыль вставлены в отверстия в полозе и закреплены

растяжками из сарги. В утолщении копыла вставлены поперечины, проходящие под дном кузова, в копыле они закреплены двумя деревянными шпонками. Верхняя часть копыла имеет отверстие, через него проходит сарга, прикрепляющая копыл к нащепу. Каждая пара копыльев соединяется перекладинами. Кроме того, на конце кузова, между перекладинами, соединяющими копылья, и в передней части кузова под дном кузова проходят планки шириной 1,5 см. Их выступающие за дно кузова концы соединены с нащепами саргой, переплетающей и планки стенок кузова. Дно кузова из планок, приплетенных к перекладинам саргой. Спинка привязана к кузову бечевками, в ней отверстия. В передней части кузова концы планок дна уложены в углубление в планке (головной вяз), соединяющей дугу у начала изгиба. Планка привязана к дуге саргой. В углублении имеются отверстия, а над планками дна кузова положена тонкая пластина, все это переплетено саргой. Концы дуги привязаны бечевкой к копылу ниже утолщения; части дуги, идущие вдоль кузова, приблизительно на середине их длины соединяются полукруглой планкой, проходящей над дном кузова, соединение – саргой.

У данного экземпляра нарт копылья окрашены краской для пола. У других нарт – не окрашены, у некоторых – просмолены. Особенно часто просмоленные копылья бывают у оленьих нарт.

Нарта для дров (рис. 35). Подобна ручной. Отличия: полозья расходятся меньше, чем у ручной и оленьей; они идут параллельно земле, и расстояние между ними одинаково в передней и задней части (у ручной и оленьей оно различается). К середине дуги одной из ручных нарт привязан потяг для человека: ременная бечевка шириной 1,5 м, оканчивающаяся петлей из мешковины. Длина петли 70 см, длина бечевки от петли до дуги 110 см. Лямку надевают на плечи.

Бечевка привязана к дуге двойным узлом, от одного отходит свисающий конец, за который, очевидно, тянет человек рукой. К передку кузова прикреплен потяг для собаки: петля из лосиной шкуры с ворсом наружу. Длина петли 35 см. Концы петли связаны с бечевкой длиной 180 см, шириной 1,5 см. На петле, на расстоянии 7 см от концов пришита веревка со свободными концами длиной 50 см.

У родителей Даши Ярсомовой есть оленья нарта с кузовом из досок, она привезена с Тромъегана, из юрт Рускинских. Местные ханты изготавливают оленьи нарты по типу ручных, но делают их больше по размеру.

(Каюково, Д. Ярсомова. 1974-1. Л. 6-7).

Полоз (из березы) – *авул ол*. Копыл (из березы) – *авул кура*. Кузов – *авул лыцпи*. Нащеп (из березы) – *авул ол*. Планки дна (из сосны) – *авул пытасол*. Вязки между копыльями (из березы) *авул ыл'т*. Переплет на кузове – *авул саглэ*. Перекладина на кузове тонкие (из березы) – *магэ юг*. Перекладина на передке (из березы) – *магэ юг*. Дуга (из черемухи) – *авул ан*. Спинка (из кедра) *авул пучи перт*. Связка у копыльев – *пой пицул*. Лямка-потяг для человека – *вон пицул*. Упряжь для собаки – *ам сагэ*.

(Каюково. 1974-1. Л. 20-23).

Собачья упряжка – *эйнам ампул авул* (замечу, что при переводе информатор затруднился, затем назвал 2-3 варианта, очевидно, в быту этот термин не имеет широкого хождения). Лямку упряжи надевают на шею и веревочками завязывают под животом. Веревку от самой сильной и умной собаки привязывают к середине дуги и к середине перекладки впереди нарты, на тот случай, если оторвется дуга. Остальных собак (2 или 4) привязывают к дуге по обе стороны от вожака так, чтобы одна шла немного впереди

другой, и ее хвост не мешал собаке, идущей сзади. Если нарту помогает тянуть человек, его лямку привязывают к перекладине передка нарты, а потяг передовой собаки делают еще длиннее (рис. 36, 10).

(Каюково, И.М. Рыскин. 1974-3. Л. 15).

Вчера поздно вечером в поселок пришел со своей семьей Иван Михайлович Рыскин. Они шли пешком, а нарты везли собаки. У И.М. есть несколько оленей, но прошлым летом он не делал для них дымокуры и осенью не мог найти животных. Думает, что их угнали с обычного места волки. С собаками ходить в урман труднее, чем с оленями. Собак нужно кормить, а рыбы у них не было. Кормились все убитым лосенком и магазинными продуктами. Собаки не могут идти по глубокому снегу сами, для них нужно вначале проложить дорогу на лыжах, а когда она подмерзнет – можно идти собакам.

У ручных нарт не вижу привязанной оглобелки. На вопрос о ней отвечают, что с оглобелками нарты – на Салыме. При двух–трех собаках человек может ехать на нарте. Собаки сами знают дорогу, если по ней ездят постоянно. Если нужно повернуть в новом направлении, то перед поворотом собак останавливают и показывают новую дорогу.

(Каюково. 1983. Л. 5–6).

Вариант упряжки: одна собака и женщина вместе тянут нарту, собачья постромка пропущена между ног женщины. Другой вариант: две собаки, между ними человек держит постромки обеих собак, пока собаки не выбежали на дорогу, по которой следует ехать. Затем они идут без человека.

(Каюково. 1983. Л. 11).

Цепь для привязывания собаки – *амп сапэлъ чончох*. Петля и постромки в собачьей упряжи называется одинаково *ам сагвэ*, о постромке можно сказать также: *ам сагвэ чончох*. Завязки на животе в упряжи – *амп кутэн чончох*.

Когда едут на нарте (а не идут рядом), для поворота приподнимают немного передок нарты, поворачивают его в нужную сторону и говорят: «*Тыцнам мэнта!*» («Сюда идите»). Подгоняют собак палкой или прутом длиной более 1 м, они называются *амп сахты юх*. Палка-оглобелка на ручной (собачьей) нарте – *уч юх*. Сейчас ими не пользуются (я не вижу ни одной в поселке), но с ней очень удобно, – считает Ирина. Когда держишь оглобелку (а в другой руке постромку собаки), то нарта не свернет и не налетит на пень. На вопрос: почему не стали пользоваться оглобелкой? Ирина ответила: в урман не на собаках ездим, а на оленях.

(Каюково, И.М. Каюкова. 1983. Л. 17).

При запряжке двух собак И.М. Рыскин берет их за постромки, подводит к нарте и привязывает обе постромки общими узлами к барану нарты. Одна собака бежит немного впереди другой (рис. 36, 1).

На плохих участках дороги Иван шел впереди нарты и держал постромки собак в левой руке. В правой был лыжный посох. По его объяснениям, левша идет слева от собак и держит постромки в правой руке. На хороших участках Иван садится в нарту. Если нужно повернуть собак в новом, непривычном для них направлении, то их останавливают и поворачивают передок нарт в нужную сторону. Собаки оглядываются, видят положение нарты и поворачивают туда. Можно повернуть, не сходя с нарты. Человек говорит: «*Тыхнам, тыхнам мэнта*», собаки поворачивают голову на его голос, а он кивком головы или рукой показывает, куда нужно повернуть. Для остановки человек соскакивает

с нарты, придерживает ее за передок, и собаки останавливаются.

Способы расположения собак в упряжке (рис. 36). В способах: рис. 36, 1–5 построжки собак привязывают непосредственно к барану, обычно к нарте бывает привязан и потяг, но он используется при 4–5 собаках. Потяг *ам чончох* привязан одним концом к головному вязу, затем к середине барана: на его свободном конце делают вначале узел, а затем на самом конце небольшую петлю. К потягу привязывают двух передних собак (рис. 36,6). Если потяг недостаточной длины, то построжку первой собаки привязывают к построжке второй, а еще двух собак привязывают к барану (рис. 36,7). Упряжка (рис. 36, 6–7) используется при езде по хорошей дороге. При езде по плохой дороге собак располагают, как на рис. 36, 8.

Схема расположения человека и собак, когда они вместе тянут нарту (рис. 36, 9). Лямка для человека *ван* пнохэль привязывается к середине барана. Петля одевается поперек плеч. Человек на лыжах должен стать так, чтобы лыжи сзади не задевали нарты, а впереди – собак. Вожак в упряжке идет первым.

(Каюково, И.М. Рыскин и по личным наблюдениям Н.В. Лукиной. 1983. Л. 18).

На собачьих нартах люди ездят по наезженной дороге, а по глубокому снегу – нет. Одна собака может везти около 1 центнера груза. Александр Мултанов на своей собаке везет 2 мешка рыбы, да еще сам становится сзади на полозья.

(Каюково. 1983. Л. 20).

Вчера приезжали на двух собаках Лена Рыскина и еще одна девочка из юрт Каюковых-Летних. Построжки обеих нарты привязаны к середине дуги. Одна девочка шла впереди

и держала построжки обеих собак в правой руке, другая шла сзади на подволоках.

(Каюково. 1983. Л. 24).

Оленья нарта и упряжь

Анна рассказывает, как они были в гостях на Пиме. Было очень непривычно и страшно садиться на их оленью нарту. Сидят они на нарте не так, как юганские. Анна: «У нас лес, и как у них – не проедешь».

(Каюково, А.М. Ярсомова. 1974-1. Л. 28).

Трогаясь в путь, толкают оленя хореем. Для понукания во время езды слегка хлопают вожжей по передовому оленю и произносят *кс-кс, кс-кс*. Для поворота вправо хлопают вожжей по боку передового оленя, для поворота влево – тянут вожжу на себя. Для остановки упряжки тянут вожжу на себя. На остановках оленей вожжей привязывают к специальному колу или к изгороди, в лесу – к дереву. Привязывают и к нарте, как у других групп хантов.

В большинстве случаев в нарту запрягают 2 оленя, иногда 3–4. «У нас дороги узкие». Ездят на нартах только зимой. Садятся на нарту верхом и мужчины, и женщины, и старшие дети. На нарту расстилают оленью шкуру, под ней еще что-нибудь лежит.

Передовой олень – *сарё веди*. Пристяжной – *пёллэк веди*. Упряжка оленей, вместе с нартами – *ведин авул*. Олени в грузовой упряжке – *винт веди*. Грузовые упряжки привязывают к впереди идущей нарте, веревку к уздечке и к нарте. Их упряжь не отличается от упряжи ездовых оленей. Обычно обоз состоит из 3–4 упряжек: «больше оленей нет».

Уздечка – *олдэн*. Ремень на шее – *улек*. Пояс – *солды*. Потяг – *улек нюр*. Вожжа – *олдэн*. Ремень, соединяющий пристяжного оленя с передовым, – *пёллэк нюр*. Блоки на нар-

тах – *лонки*. Налобные пластинки уздечки – *олнэн лок*. Нащечные пластинки уздечки – *пулём лок*. Крючок для вожжи из кости, железа – *сар нюр салды вэг*. Кольцо, к которому привязывается уздечка пристяжного оленя, – *пэлэк сир, йирты вэг лог*. Аркан – *вэди катэльта нюр*.

(Каюков, М.Е. Ярсомов. 1974-1. Л. 78–79).

Деталь упряжи – орнаментированный пояс *сэлэ*. Накладывается поверх основного пояса «для красоты». Наружная поверхность – мозаика из белой и крашеной ровдуги. Внутренняя сторона (подкладка) – из брезента, простегана с наружной сухожильными нитками. На одном краю подкладки, отступя 20 см от кромки, пришита полоска ровдуги, к ней пришит ремень длиной 45 см, на свободном конце которого пришита деревянная пуговица-застежка. Она вдевается в петлю из бечевки на другом конце пояса, на расстоянии 28 см от его края. Длина пояса 110 см, ширина 18 см. Изготовлен А.М. Рыскиной в 1972 г. в пос. Каюково.

(Каюково. 1974-1. Лист-вкладыш).

Оленья нарта. Шпеньки для закрепления в пазах – *нягэнкэли*. Баран оленьей нарты – *агул анюх*. Нащеп – *агул вол*. Полоз – *агул вол*. Перекладина под дном кузова (не вязки) – *махэ юх*. Растяжки для соединения копыльев с полозом – *агул пой пицул*; они закреплены в полозе через сквозные отверстия. Блоки – *лонқы*. Потяг – *улек нюр*. Бечевки для привязывания блока к нарте – *лонқы нюр*. Застежка тяжа с поясом и лямкой – *ники*; ее делают из дерева или кости.

Оленья упряжь. Пластина налобная – *олнэ-лок*. Пластина нащечная – *пэлэ-отнэу*. Ремни, их связывающие – *урпоч нюр*. Уздечка из пластин – *олнэн*. Уздечка из веревки (оброть) – *нюл чончэг*. Подбородочный ремень – *рок нюр*.

Ремень, соединяющий пристяжного оленя с передовым – *юртэ нюр*. Цепочка пристяжного оленя – *пэлэк сир*. Ошейник кожаный с колокольчиками для оленя – *ренкэнтэл*. Нагрудный ремень – *улек*.

Упряжка оленей – нет специального названия, просто говорят: «Запрягли оленей».

(Каюково. 1983. Л. 2–3).

Сегодня утром сыновья Филиппа Каюкова надели подволоки и ушли в лес за оленями. Привели 4 оленей. На двух были уздечки с налобными пластинами, обе изогнуты, к уздечке прикреплен повод-вожжа. Он привязывается к нижней части кола *вета йирынта тэнкэл* в ограде дома (рис. 40, 41). У двух других оленей на голове оброть из ремня (бывает также из веревки); на конце ремня петля, которую одевают на нос, в нее пропускается ремень, и образуется вторая петля для затылка (рис. 42). Петли соединяются под шеей, а свободный конец ремня служит поводом. На каждом из оленей – кожаный ошейник с колокольчиком.

При запряжке вначале на каждого из оленей надели лямку. Она из шкуры, ворсом наружу. На каждом конце – кожаная петля, застежка при соединении петли с поясом и тяжом. Немного отступя от конца лямки, пришиты бечевки, которыми лямка завязывается под грудью (пришитого прочно подгрудного ремня здесь нет). После того как на всех оленей надели лямки, к ним подтянули нарты. Тяж прикреплен к нарте, проходит через блоки. Между двумя «рабочими» блоками на тяже висит запасной, на случай поломки. Тяж прикрепил одним концом к передовому, а другим – к пристяжному оленю. Затем на каждого из оленей надели пояс и соединили его концы с тяжом и лямкой под животом оленя. Лямка проходит между передними ногами животного (нога не продевается в лямку), а тяж между задними (рис. 43). На дно кузо-

ва нарты положили подволоки, на них – мягкие вещи для сидения.

Оленей запрягают не только по два, но и по три. Для третьего среднего оленя на тяге между блоками висит металлическое кольцо. Если запрягают одного оленя, то конец тяга, предназначенный для второго оленя, завязывают узлами (рис. 44).

(Каюково. 1983. Л. 4–6).

Однажды ханты с Тромъегана приехали в гости на Юган. Попросили хозяев-юганцев распрячь оленей. Те распрягали очень долго, так как упряжь была непривычной (рис. 45). Дело в том, что на Югане ляжка, пояс и тяг не соединены между собой, а надеваются раздельно. На Тромъегане же они соединены. Юганцы стали распрягать оленей по-своему, т.е. развязывать все ремешки, соединяющие части упряжи.

Налобные пластины завязываются за ушами ремешками – простыми или сплетенными в косу. Под шеей они соединяются широким ремнем, на него надето кольцо, к которому привязан повод.

У П.Е. Ярсомова упряжь несколько отличается от упряжи, описанной у Ф.С. Каюкова. На передовом олене кроме налобных пластин отходят подглазные ремни (рис. 46). По объяснению П.Е., они нужны в уздечке безрогатого оленя, у которого соединительные ремни для надглазных пластин не держатся на затылке. Сейчас – время отпадения рогов у оленей, и поэтому надета эта специальная уздечка.

Встречаю уздечки (с нарезными пластинами) и на пристяжных оленях.

У оленей, идущих не самостоятельной упряжкой, а привязанной к передней нарте, на голове – недоуздки-оброты. Их концы привязаны к передней нарте: вначале пропущены под вязком, затем проходят с наружной стороны копыла и с

внутренней стороны нащепца, узел находится между копылом и нащепом.

Когда олени выпряжены, тяг остается на нарте. Его концы, выходящие из блоков, пропущены под нащепцами в середине нарты и завязаны во внутренней части кузова (рис. 47).

Пояс с узорами является самостоятельной частью упряжи, надевается без другого пояса (рис. 48, 49).

Крепление блока с нартой (рис. 50). Ремешок проходит серединой через верхнее небольшое отверстие в блоке, его концы проходят по обеим сторонам верхушки полоза. Над полозом они перекрещиваются, и затем один конец идет с внутренней стороны стенки кузова и нащепца, а второй – с наружной стороны барана; между бараном и нащепом концы связаны.

(Каюково, 1983. Л. 6–7).

В упряжках хантов, приехавших из юрт Каюковых-Зимних, есть упряжь, как у Филиппа (см. выше), и есть с отклонениями от нее. Так, у передового оленя не обе пластины изогнуты, а только первая. В этой же упряжке у обоих оленей ляжки имеют подгрудные ремни. Справа они пришиты к ляжке, а слева пристегнуты деревянной застежкой. У пристяжного оленя на голове оброть. Она привязана к кольцу на поясе передового оленя и еще захлестнута за крючок для вожжи. Крючок металлический, фигурный. Концы ляжки с подгрудным ремнем проходят не между ногами, а по бокам оленя и соединяются на животе с поясом и тягом.

По объяснениям Филиппа Каюкова, ляжка без подгрудного ремня, проходящая между ногами, «плохая», так оленю трудно тянуть. Ляжка с подгрудным ремнем лучше, считает он, оленю тянуть легче. Такую ляжку делают на Тромъегане. На мой вопрос, почему же он пользуется ляжкой без подгрудного ремня, он ответил: «Так привыкли».

У передового оленя на голове уздечка, ошейник ременной с колокольчиком + ошейник черемуховый для подвешивания тормозных досок или роголек. Упряжь пристяжного оленя отличается от упряжи передового только тем, что вместо недоуздка здесь веревочная обротъ. Но нередко у пристяжного тоже уздечка (как у передового), и тогда их упряжь ничем не различается.

При отсутствии груза в середину нарты кладут в качестве сидения оленью шкуру. Ее складывают вначале втрое, а затем перегибают поперек.

Наблюдала обоз из нескольких оленьих упряжек, позади которого бежала упряжка собак с нартой без груза и ездока. Собаки не привязаны к оленьим нартам, бегут сами следом за обозом.

Орнаментированный пояс надевают как на передового, так и на пристяжного оленя. У кого нет ровдуги, шьют пояса из тканей и украшают аппликацией, которую нашивают не только вручную, но и на машинке.

Уздечка передового оленя: левая налобная пластина прямая, правая изогнутая, на затылке они завязаны бечевками, здесь же кисточки из косичек, сплетенных из тонких бечевки. Подбородочный ремень, на нем кольцо, к кольцу привязан повод.

Уздечка пристяжного оленя: налобные изогнутые пластины + нащечные прямые, к подбородочному ремню прикреплена цепочка. Уздечка пристяжного оленя: трехконечные нащечные пластины (рис. 51) + затылочный ремень для их соединения; подбородочный ремень, на нем кольцо, на нем веревка для привязывания к передовому оленю.

(Каюково, Ф.С. Каюков и по личным наблюдениям Н.В. Лукиной. 1983. Л. 8–9).

Пластины для оленьей упряжи делали раньше из мамонтовой кости, а сейчас из лосиного рога.

На вопрос о том, не привязывали ли раньше олений тяж к дуге нарты, получаю отрицательный ответ. Прикрепляют только через блоки, чтобы тяж не скользил по дуге.

Обротъ из веревки *нюл чончок* (носовой ремень) надевают на «дурных оленей», т.е. непослушных, плохо прирученных. Из нее он не вырвется, а уздечку с пластинками может сбросить. Обротъ надевают также на оленей без рогов.

(Каюково, Ф.С. Каюков. 1983. Л. 14).

Недоуздок на носу оленя – *нюл чончок*. Он бывает из веревки или ремня, но лучше всего из капроновой веревки, которая не растягивается, в отличие от ремня. Такую обротъ надевают «дурным» оленям». Чаще всего это потомство от дикого оленя. В стаде Ирины Каюковой много оленей от диких хоров, так как в том месте, где живет ее семья, много диких оленей. В поселке, например, у Филиппа Каюкова, только один такой олень, потомок от дикого хора, а остальные хантыйские, т.е. домашние. Носовая обротъ держится на голове крепче, чем недоуздок с пластинами. Если олень приручен совсем мало, то обротъ на него надевают, когда он опускает голову в сумку с сухарями.

Оленя приучают ходить в упряжке с нартой, когда ему два года. Двухгодовалый олень – *сурты*. Вначале его привязывают сзади к нарте, в которую запряжена его мать. Вид недоуздка зависит от характера оленя: если он послушен, то надевают недоуздок с пластинками, а если «дурной», то обротъ из веревки.

На вопрос: не знает ли Ирина случаев, когда приручали дикого оленя, она ответила, что на Салыме такой случай был, она об этом слышала. Считает, что маленьким дикого олененка можно приручить, но после года не приручить.

Недоуздок с налобными пластинами – для передового оленя, а с налобными и нащечными пластинами – для при-

стяжного. Недоуздок из трех костяных пластин – *винт ол-нэн*. Он надевается только пристяжному оленю, но послушному. Перед обротью у него то преимущество, что легко снимается, а оброть трудно развязывать, и на морде ее иногда разрезают, когда не могут развязать. Третий олень в упряжке называется *пэлэк коломэт*. В такой упряжке среднего оленя привязывают накоротке – на расстоянии 30–40 см, а третьего бокового на большом расстоянии. Для третьего оленя на тяже висит запасной блок.

(Каюково, И.М. Каюкова. 1983. Л. 16–17).

В оленьем обозе женщина встала слева на полоз нарты и так едет. На остановке повод оленя привязывают к передку, около головного вяза слева.

На Югане ездят на оленьей нарте верхом. На нарту могут сесть до шести человек, если нарта выдержит. Запрягают до четырех оленей.

Оленью нарту не украшают, на уздечку оленям прикрепляют крашенные кожаные кисточки.

Блоки для упряжи двух оленей прикрепляют у концов полозьев нарт (рис. 52). Если в нарту запрягают дополнительных оленей, то для них подвешивают блоки на потяг, между концами полозьев. Блоки делают из березы и кости.

При езде на оленьей нарте лыжи на ноги не надевают. Верхом на оленях не ездят, груз не перевозят во вьюках.

(Каюково, разные информанты).

Разные нарты, упряжь.

Размеры нарт (в сантиметрах)

	Оленья нарта	Для дров	Ручная
Длина нарт	325	256	250
Ширина нарт сзади (включая полозья)	78	61	77
Ширина нарт впереди	73	62	63
Высота от дуги	56	41	40

	Оленья нарта	Для дров	Ручная
Высота переда кузова	50	42	37
Высота у задка	51		
Длина кузова	300	234	216
Ширина спинки внизу	44		37
Ширина спинки вверху	40		35
Высота спинки в средней части	16		14
Высота спинки по бокам			12
Длина копыльев	57		51
Ширина копыла у полоза	5		5
« в средней части	3,5		2,3
« вверху	4		3,5
Толщина в средней части	4		3
Толщина внизу	1,3		
Расст. между копылом и вязкой на полозе	13		12
Расстояние между копыльями	45		42
Ширина полоза сзади	7,5		7
« на изгибе впереди	10,5		9,5
Расст. от дуги до кузова	26		25
Толщина полоза сзади в середине	1,8		1,8
Толщина полоза сзади у кромок	1		1,2
Толщина полоза в центре сред. части	2,5		2,2
Толщина полоза в середине, у края	1,7		1,4
Расст. от внешней кромки полоза до земли	0,7		0,8
Ширина планок на дне кузова	3		3
Толщина планок в стенках кузова	0,8		0,8
Расст. между вязками на дне кузова	25		26
Стяжка дуги на дне кузова	3		2,7
Расст. от стяжки до передней кромки кузова	60		51
Радиус дуги (от копыла)	128		123
Высота кузова	12		

(Каюково. 1974-1. Л. 20–21).

Оленьи нарты – *вслин авул*. Собачьи нарты – *амп авул*.
Общая конструкция нарт одинакова, но оленьи нарты дела-

ют обычно с 4 копыльями. Собачьи тоже бывают с 4 копыльями. Собачья нарта легче оленьей, эту нарту часто тянет человек, она должна быть легкой. Легкость нарты зависит от массивности ее частей, у оленьей нарты полоз делают в три пальца толщиной, а у собачьей в 1,5 пальца. Копылья оленьей нарты толще, чем у собачьей. Угол наклона полозьев – у кого какой получится, специально не делают у оленьих нарт больше, чем у собачьих. Оленьи нарты бывают легкими – для езды зимой, а для осени – тяжелее, во время сбора оленей ездят по кочкам. В наших местах не проедешь на такой нарте, как у других хантов, здесь лес густой. Иногда такая чаша, что приходится срубить тонкие деревья, чтобы проехать. Сейчас, где есть просеки, по ним ездим.

Женская и мужская оленья и собачья нарты не различаются. Женщина ставит люльку с ребенком впереди себя.

Нарты хранят на подставках. Это обычно специальные опоры с перекладинами (рис. 57, 58). У некоторых нарты прислонены к столбам для привязывания оленей. В лесу кладут костром 4 тонких бревна, и на них ставят нарту. Летом место хранения – под амбаром.

(Каюково, И.М. Рыскин. 1974-3. Л. 13–15).

На собачьей нарте ездят так же, как и на оленьей, можно и верхом. На собачьей нарте мужчины ездят, сядясь верхом. Для торможения при спуске с горы человек становится сзади на полоз или садится на нарту – при одной запряженной собаке.

Женщины могут сесть на оленью нарту боком, спустив ноги на полоз. Так ехать неудобно – говорит одна женщина, лучше сесть верхом. Когда с мужчинами едешь, то сидишь верхом. Можно сесть в кузов, вытянув обе ноги.

(Каюково. 1983. Л. 24).

Высота стенок кузова практически не отличается у ручной и оленьей нарты. Полоз оленьей и ручной нарты сзади не загибают.

У собачьих и оленьих нарт верхний загнутый конец полоза резко сужается до 3–4 см и одновременно утолщается до 4 см.

(Каюково, разные информанты).

Волокуши. Волокуша из шкуры *кеврем*. Ее делают в лесу, когда убьют оленя или лося. Веревку-потяг привязывают к головной части шкуры, захватив кусок шкуры. В боковых сторонах делают отверстия, в них продевают веревку-шнуровку. Шкуру складывают так, чтобы внутрь не попадал снег, подгибают заднюю часть и бока.

(Каюково. 1983. Л. 17).

4.3. Лодки

Игрушечная лодка называется *серян рыт*. Заинтересовавшись этим названием, я стала спрашивать, что значит «*серян*», не народ ли так называли. Выяснилось, что ханты знают народ «*серянт*», но молодые не имеют о нем представления, а старик – отец Анны – уверенно ответил, что *серянт* жили под землей. Сейчас от их домов остались ямы, их везде много. Деревянные лодки, на которых сейчас плавают с моторами, тоже называются *серян рыт*. Крытые деревянные лодки – *корэн рыт*. Облас – *ай рыт*. Раньше облас тянули бечевой. Гребли на обласе взрослые и дети, были детские весла. Сегодня мы видели в складе в летних юртах маленькое весло, очевидно, это детское. На мой вопрос старику: не делали ли раньше лодки из пихтовой коры, он ответил отрицательно, но рассказал, что один старик делал лодки из бересты. Они очень хрупкие, делали их из двух слоев бересты: «наступишь ногой – ломается».

Крытая лодка (рис. 65). Каркас из прутьев, накрыт толем (раньше крыли берестой). Ширина в середине 130 см. Ширина кормы 80 см. Расстояние до каркаса 170 см. Высота борта 35 см. Длина каркаса 330 см. высота каркаса впереди 70 см, в середине – 78 см. Ширина каркаса спереди 120 см, сзади – 100 см.

Весло длиной 165 см, лопасти – 52, ширина лопасти – 11 см. Размеры небольшие. У переключины на рукоятке фигурные вырезы (рис. 68).

(Каюково, А.М. Ярсомова и ее отец. 1974-1. Л. 41, 44–45).

Наблюдала, как тянули дощатую лодку с дощатым же покрытием. На носу лодки прибили круглую палку длиной 1 м. Трос проходил сквозь борта лодки, под передней частью покрытия, через оба конца палки, далее его концы сходились. За них и тянули лодку. Такое же устройство было и раньше на лодках, когда их тянули с берега, использовали веревку. Раньше лодки с покрытием были больше, чем сейчас, там должна была поместиться вся семья.

(Каюково. 1974-3. Л. 6).

При охоте на уток на озерах и при заготовке камыша для циновок два обласка соединяют двумя тонкими жердями. Их прикручивают к распоркам. Одна жердь соединяет кормы обласков, а другая – носы.

Ханты Югана ездят в обласке, стоя на коленях. Тромъеганские ханты сидят в обласке на специальных беседках и смеются над обычаем ездить на коленях.

(Записано на р. Тромъеган, пос. Кочевье у А. Иваненко. 1975-3. Л. 15, 29).

5. ЖИЛИЩЕ И ДРУГИЕ ПОСТРОЙКИ

Усадьба Каюковых на окраине поселка (рис. 71). Хозяева сейчас находятся на рыбной ловле на Югане, ниже по течению. Дом – стандартный, построен в колхозе. На окнах орнамент. К длинной стороне дома, обращенной к поселку, пристроена загородка для оленей из 6–7 рядов жердей, прибитых гвоздями к кольям. Оленевязей (колья для привязывания оленей) нет ни внутри, ни снаружи загородки. Вход в загородку рядом с входом в дом. Здесь вход загорожен жердями. В загородке расположен новый дощатый амбар на стойках (рис. 72). Стойки в земле обернуты толем, у старых амбаров – берестой. Под амбаром настелены доски, на них стоят нарты, на нартах лыжи, лосиная шкура. Против амбара, вне загородки стоит навес *дзимэт* (*агут тымэт*) для установки нарт зимой (рис. 73); дальше по этой же линии – старый амбар. Способ рубки досок одинаков у обоих амбаров (рис. 74, 2). На окраине усадьбы, у кустов – печь для хлеба, еще дальше в кустах три собачьи будки с кольями для привязи. Очаг *т'ювал* близко к дому, он накрыт деревянной крышкой из досок (рис. 75). Дрова в поленице.

(Каюково. 1974-1. Л. 16–17).

В летних и зимних жилищах раньше пол был земляной. Потолка в летних жилищах не делали. Чувалы ставили слева или справа от входа, в углу. Сейчас большинство пользуется железными печами. Летняя срубная избушка отца Александра Мултанова имеет пол, потолок, справа от входа загородка, где хранится посуда, продукты.

Землянка и полуземлянка называлась *мыц кот*. «Если в земле, то *мыц кот*». В *мыц кот* старинные большие люди жили. У них большие дома были, из нескольких комнат. Зимняя избушка – *вонт кот*.

Избушек с входом к реке под землей не было, рассказывают, что были землянки с двумя входами. В юртах Каюковых-Летних есть летние избушки с единственным окном в крыше-потолке, у коньковой балки. Отверстие закрыто стеклом без рамы. Рядом отверстие для выхода трубы железной печи. Окно расположено у входа. Больше половины этой избушки занимают нары (рис. 76). В этих же юртах есть недавно построенные летние избушки с открывающейся рамой, покрытые шифером (рис. 77).

(Юрты Каюковые-Летние, А.Н. Мултанов, П.Т. Каюков и по личным наблюдениям Н.В. Лукиной. 1974-1. Л. 84–85).

В домах традиционные столики высотой 60–70 см, на 4 расходящихся ножках, изогнутых внизу. Ножки расходятся в обеих плоскостях: в боковой и торцовой. Во время еды столик ставят к нарам продольной стороной, а в остальное время – торцовой.

В старых домах на стенах висят шкафчики *чайан кот* для чайной посуды. Внутри они разделены на маленькие полочки для чайной посуды. Снаружи передняя стенка окаймлена резным узором. В новых домах тоже есть такие шкафчики, но без орнамента.

В старом доме, где сохранился чувал, рядом с ним ставили железную печь и трубу выводили в отверстие над зевом чувала. Печь ставили на скамейку, поверх которой накладывали толстый слой глины с травой. Таким же составом обмазывали стенки чувала.

(Каюково. 1983. Л. 11).

Хозяйственные постройки

К северу от поселка, на месте старого зимнего поселения, стоит необычный для хантов амбар – высокий, рубленый из бревен, задняя стена из досок, рубленых в паз. В амбаре хранятся нарты.

(Каюково. 1974-1. Л. 26).

В юртах есть амбар, стоящий на земле (рис. 83). Много амбаров на стойках.

В некотором отдалении от юрт за кустами наклонно установлены разрезанные обласки (рис. 86), это собачьи укрытия *дм кот*.

(Юрты Каюковы-Летние. 1974-1. Л. 85).

В юртах живут прирученные гусь (рис. 87) и лебедь. Дети построили для лебедя загородку из воткнутых в землю палок по типу летнего очага *т'ювал* (рис. 88).

Недалеко от юрт, на берегу небольшого притока Югана расположены олени избушки Мултанова Александра и его родителей. *Велди кот* стоят на высоком берегу, их 4, расположены полукругом, входом к центру круга. Это бревенчатые срубы, рублены в угол-чашечку, крыша на слегах, перекрытых дранкой и берестой (рис. 89). Избы размером 5 x 5 м, дверной проем расширяется кверху и загораживается решеткой из дранки *велди кот тарэс*, которую прижимают обрубком дерева, когда олени внутри *велди кот*. В настоящее время загородки для дымокура (*допытны дог*) внутри избушки нет, ее убрали, когда отпустили оленей в лес. Загородку строят из воткнутых в землю палок, против входа, почти на середине. Олени ночью уходят кормиться, а днем приходят к *велди кот*. В одной постройке помещается в среднем 10 оленей.

Против построек для оленей стоит каркасная постройка, крытая берестой – *вотл'* (рис. 90). Здесь живут «пастух» –

человек, который присматривает за оленями, делает дымокур. Вход его шалаша – против входов в олени избушки. Неподалеку стоит бревенчатая избушка-жилище.

(*Юрты Каюковы-Летние, А.Н. Мултанов и по личным наблюдениям Н.В. Лукиной. 1974-1. Л. 86–87.*)

Постройки для собак *амп кот*, полуконические из кольев, тонких бревнышек, щели заткнуты сеном (рис. 92). Над открытой входной стеной прибита поперечная доска. У всех жителей юрт Каюковых-Зимних такие постройки.

(*Каюково. 1983. Л. 10.*)

На зимнем поселении два дома находятся внутри ограды *вели оч*. Она построена из кольев и прибитых к ним жердей. На противоположных концах ограды имеется два выхода, закрываемых жердями. По бокам выходов колья стоят в два ряда, и между ними прибиты неподвижные жерди.

На одной из сторон *вели оч* висят три шкуры оленя, снятые вместе с камусами и головной частью (рис. 93). «Молились», – коротко пояснил молодой хант.

(*Каюково. 1983. Л. 10.*)

Первое, что бросилось в глаза в пос. Каюкове, это своеобразные очаги перед жилищем (рис. 94). В плане – это незамкнутый овал. Изготавливается очаг следующим образом. Мужчина срубает несколько сосновых палок и 2–3 черемуховых прута, остальное делает женщина. В землю втыкают несколько палок, к которым саргой прикрепляют поперек черемуховые прутья, один прут обязательно проходит по верхней кромке стены. Замешивают глину с сеном (траву рвут руками) в тазу или берестяной куженьке. Этим составом обмазывают стены. На противоположных концах в верхней части стен оставляются отверстия для вдевания палки,

на которую подвешиваются несколько крюков из толстой проволоки. На эти крюки подвешиваются котлы и чайники. Стены защищают огонь от ветра. Сверху очаг прикрывают иногда листом железа или крышкой из досок. Этот очаг называется *т'ювэл*. Смесь из глины и травы – *тад(в)уй*. Палки-стойки – *ончег юг* (*ончег* – сосна). Таган – *пут юг*. Крюки – *вин(г)ли*.

(*Каюково. 1974-1. Л. 2–3.*)

Хлебная печь под крышей (рис. 95). Бревенчатое основание печи – *кер юг лог*. Каркас печи – *керкосэ* (из черемухи). Чело – *кер оу*. Площадка перед челом – *кер алэгты*. Покрытие – *кер тонтог*. Отверстие для дыма – *кер пуклюнк вэс*. Трава для затычки – *кер пуляп*. Крыша над печью – *кер кор*. Лопата – *нянь понтпыл'л'и*. Бревенчатую подставку и каркас изготавливает мужчина, обмазывает печку женщина. Печь каждый год подмазывают изнутри и снаружи. Особенно долго держится печь под крышкой.

(*Каюково. 1974-1. Л. 16–18.*)

В заброшенном доме сохранился чувал. У него затычка-доска, которую подпирают палкой снизу, когда чувал протоплен.

В летней избушке окно в потолке, в стенках нет. *Воллэ* – нары.

В одном дворе стоит наружная печь *цювал*, прямоугольная в плане (рис. 96).

(*Разные информанты.*)

6. ПИЩА, УТВАРЬ

6.1. Пища

Наблюдала, как девочка 6–7 лет готовила болтушку из муки – *нянь пур йинк*. Сняла котел с кипяченой водой с крюка над очагом, поставила его на землю рядом с *тюгал*. В кухне у нее мука. Берет муку одной рукой и сыплет в воду, постоянно размешивая ложкой в другой руке. Девочка оставлена дома одна с младшими детьми. Родители ушли собирать бруснику.

При изготовлении хлеба кадушку с тестом ставят на свернутый вдвое кусок лосиной шкуры размером 40 x 40 см, «чтобы не замерзло». Названия специального не имеет. Сковороды мажут рыбьим жиром *кул вой*.

(Каюково. 1974-1. Л. 19).

На мой вопрос: едят ли ханты грибы, женщина ответила: «И старики едят, только надо вкусно приготовить». Раньше же грибов не ели.

(Каюково. 1974-1. Л. 27).

Для изготовления состава из табака используется губка березы *лев ляпот*. Ханты различают несколько видов березовых наростов и используют их по-разному. Кисет для табака – *канса кырэг*.

(Каюково. 1971–4. Л. 57).

Чомэг – вид приготовленной рыбы. Чебаков вспаривают, не снимая чешуи, нанизывают их ниже головы на заостренные сосновые дранки и укладывают вертелы на верхнюю кромку *цювал* (рис. 96). Несколько часов рыба подсыхает на воздухе. Если сразу развести под ней огонь – она будет обрываться с палок. Разводят огонь у чела очага, небольшой, жаркий. Рыбу сверху накрывают листом железа или дощатой крышкой. Готовую рыбу срывают снизу, головы остаются на вертеле, их отдают собакам.

(Каюково. 1971–4. Л. 60).

Жареная на вертеле щука – *пэлэк*. По-русски ее называют подовушка. Ефим Рыскин отметил, что только на Пиме известен способ приготовления щуки – непродолжительное обжаривание около огня, при этом щука остается сырой.

(Каюково, Е.М. Рыскин. 1974-1. Л. 81).

Я обратила внимание, что в юртах растет черемуха, но вся ягода на ней не тронута. На мой вопрос, ответили, что есть ягоду, растущую в поселении и рядом с ним – нельзя, от этого могут заболеть зубы.

(Юрты Каюковы-Летние. 1974-1. Л. 81–85).

Пища, еда – *литот*. В сыром виде едят щуку *няря сорт*, окуня *ехв*. Нельзя есть сырой сорогу *кильси* и ерша *лярэх*. Подогретую у огня щуку (как на р. Пим) здесь не едят. Навар из-под вареной рыбы ханты любят, ели его и старики. Уха – *кочим йинк*. Готовили *сел* так: очищенную от внутренностей рыбу нанизывали на деревянные стержни *нор юх* и сушили на солнце. Готовили *сел* для себя и для собак. Другой вид рыбы – *чомэг*. Очищенную рыбу нанизывают на *нор юх* и коптят над небольшим огнем внутри очага с глиняными стенками (рис. 96). Получается рыба горячего копчения. Для

хранения впрок ее сильно высушивают над этим же огнем или внутри глиняной печи для хлеба. *Пэлэк* – щука, поджаренная на вертеле у костра. Вертел – *сорянк*.

Рыбу жарят на сковородах в печах для хлеба. Очищенную рыбу надрезают поперек хребта, укладывают в сковороды без приправ, солят. Вытапливают печь как для приготовления хлеба, ставят сковороды деревянной лопатой, закрывают дверцу и плотно затыкают щели травой. Муку из сушеной рыбы здесь не делают.

Из рыбьих внутренностей готовят два вида пищи: рыбий жир *кул вой* и варку *рак*. Когда чистят рыбу, кишки сортируют. Кишки без содержимого, печень, икру, откладывают в одну сторону. Их вытапливают на медленном огне и получают варку. Готовят ее осенью, когда рыба жирная. Едят варку с хлебом, с толченой свежей черемухой. Кишки с калом откладывают отдельно. Их проквашивают и вытапливают на медленном огне, из этой массы вытапливают рыбий жир *выть*.

Барсучье сало используют для лечения туберкулеза.

Съедобные ягоды: брусника – *канэк*, голубика – *ленник*, черника – *савум сых*, клюква – *пан*, смородина – *чопчех*, черемуха – *ём*, красная смородина – *вырмыть*, рябина – *питер*. Ягоды едят обычно в свежем виде. Большую часть ягод хранят до зимы в свежем виде, не сушат. Рябину едят изредка зимой в мороженом виде. Из черемухи готовили лепешки *лись нянь*. Черемуху толкли в ступке *ём санта кури*. Полученную муку размешивали с водой, лепешки укладывали на доску и сушили на солнце. Кедровые орехи *нор сэм*. Березовый сок ханты пили, он называется *уль йинк*. Весной, когда идет березовый сок, снимали со ствола ножом мокрую пленку *уль*, она вкусная.

Грибы ханты раньше не ели, сейчас все едят. Белый гриб *куль акшин*. Сыроежка – *лекун акшин*. (Названий других гри-

бов Софья не знает). Грибы жарят в масле, очень редко солят. Мухомор *панк* едят шаманы, в сушеном виде.

Картофель – *картошка*. В 1974 г. в Каюкове картошка была только в 1–2 семьях. Нынче у каждого дома есть огород с картошкой.

Названия муки: высший сорт – *неви рак*, первый сорт – *тынин рак*, пшеничная – *пшенишна рак*, обойная – *айтинэп рак*.

Тесто старые ханты заводили на соде, сейчас многие заводят на дрожжах. Тесто на соде и дрожжах – *чуд*. Тесто пресное, без соды и дрожжей – *нянь чуд*. Не слышала, чтобы заводили тесто на крови и икре. Сейчас стряпают пироги с рыбой *кулдын пирик*, пироги с брусничным вареньем – *канакам пирик*. Варенье из брусники варят сейчас с сахаром, а по-старинному – без сахара. О прожаривании кусочков теста в жире – не слышала.

Из муки варят болтушки *рак*. Муку засыпают в воду и размешивают, получают жидкую массу. Так же готовят и *рак йинк*: муку засыпают в мясной или рыбный бульон. Из муки варят густую кашу *сорым рак*, едят ее с рыбьим жиром или с маслом. Готовят и еще одно блюдо – *нянь пул йинк*. Замешивают тесто на воде с кровью, с солью и ложкой опускают небольшие кусочки в мясной бульон. (Софья не слышала, что у стариков любимые сорта круп были крупными). Кашу *рак* варят из разных круп. О супе с крупой не слышала. Вступивший в разговор муж Софьи – Александр Мултанов сказал, что Мултановых раньше называли *рак роки*. Это, как будто, название людей, которые много едят.

Лепешки из черемухи *ём нянь*. Молотую черемуху едят с рыбьим жиром, это блюдо – *ём лис*. Черемуху раньше толкли в ступах из березовых чурок, а сейчас крутят в мясорубке.

Лосиное мясо вялили так. Брали мясо с лопатки или бедра и разрезали его так, что получался тонкий пласт, как блин.

Пласты подвешивали на жердях, укрепленных на столбах с развилками. Сушили мясо весной, на солнце и ветру. Называется оно *сором нядул*.

(Каюково, С.С. Мултанова, И.М. Рыскин. 1980. Л. 4–6).

Мясо и мороженая рыба всегда всплывают при варке. Мясо только что забитого оленя можно варить без соли, и оно будет вкусное. Если полежит хоть одну ночь, уже нужно солить при варке.

Йеркан сор – щука, у которой снята не только чешуя, но и тонкая пленка с кожи, сама же кожа остается.

(Разные информанты).

Желудок оленя освобождают от содержимого и наполняют его оленьей кровью. Выход (кишку) затыкают деревянной пробкой. Бурдюк подвешивают на стену у двери внутри жилища. Кровь свертывается, прокисает. Ее долго хранят и пьют перед чаем.

Мясо оленя и лося разрезают на полосы, среднюю часть полосы иссекают надрезами, оставляя, как бы, рамку по краям. Подвешивают над слабым дымом от горячей осины. Снаружи образуется тонкая корочка, а внутри мясо остается сырым. В таком виде его развешивают в амбаре или в доме, где оно засыхает. Если мясо готовят для длительной охоты, то его сушат сразу до полной готовности. Таким же способом готовят мясо дичи. Мясо соболей, ондатр едят.

Дичь тщательно ощипывают, но не опаливают на огне. Рябчиков иногда не общипывают, а выворачивают шкурку и снимают ее целиком. Тушки варят.

(Записано на р. Тромъеган, пос. Кочевые у А. Иваненко. 1975-3. Л. 14, 29).

6.2. Утварь

Табакерка *чакэм туяс* (рис. 99), из двойного слоя бересты, дно и крышка деревянные, в крышке ремешок с разрезом в средней части. Дно овальное, крышка выпуклая. На стенках нанесены узоры – сочетание полос и тисненых узоров. Узор наносится заостренной оленьей косточкой, на конце которой вырезан узор. Инструмент называется *чэкэм туяс верта лоҕ*. Инструменты и табакерки изготавливают мужчины.

Зола (ханты называют ее на русском языке «пепел») хранится в круглой берестяной коробке с накладной крышкой.

(Каюково. 1974-1. Л. 23).

Старую одежду хранят в большой круглой коробке из пихтовой коры с накладной крышкой. Стенки крышки выкрашены в черный цвет. Высота 70 см, диаметр 45 см. *Кар йиныч* – коробка из коры. *Нятынки* – пихта. *Наҕк кар* – лиственничная кора.

(Каюково. 1974-1. Л. 30).

Рыбу переносят из лодки домой в берестяных корытцах (рис. 100).

Набирка *онтэп* – для ягод, растущих на высоких кустах: черемухи, смородины (рис. 101). Подвешивается на веревочке на шею. Набирка с ручкой – *норон саҕ(в)ун*, для брусники, черники, клюквы (рис. 102). Ее носят в руке.

Большой кузов *кынт* (рис. 103). Некоторые имеют нашитое сверху полотнище бересты, пришитое саргой редкими стежками. Оно служит для упрочения стенок.

Бочка из бересты – *кучэм*, дно из бересты (рис. 104). Диаметр 46 см, выс. 76 см. Верхний край внутри шириной 5 см, имеет подкладку из бересты, снаружи приложен обруч

и обшито все саргой. Так же пришито дно. Для хранения вещей, сухой рыбы.

(Каюково. 1974-1. Л. 40).

Круглая коробка из пихтовой коры, с рисунком, нанесенным акварельными красками – фиолетовой и зеленой. Для блеска в краску добавляют немного сахара. Высота коробки – 12 см, диаметр – 15 см, в ней хранятся игрушки девочки 4 лет. *Пэки йиныйл*. Название узора на коробке – *судмыт ноҕ* (рис. 105).

Чэкэм туюс с узором. Информанты не знают определено, как называется этот узор, предположительно назвали его *мес лек* – след коровы (рис. 106).

(Каюково, А. Рыскина, Е.М. Рыскин. 1974-1. Л. 50).

При изготовлении состава из табака пользуются пестом *чэкэм вертд юҕ*. Это палка с заостренно-округлым рабочим концом, другой конец либо имеет утолщение, либо заканчивается шишковидным наростом, какой бывает на деревьях (рис. 111).

(Каюково. 1971–4. Л. 66).

Женщина занималась в этот день вытапливанием жира из рыбьих внутренностей. Котел с внутренностями медленно кипел в течение 1,5–2 часов, затем женщина черпала большой ложкой (*лэй*) и, слегка наклонив ее над маленьким котелком, сдувала в него жир, жидкость же выливалась обратно.

У большинства очагов здесь деревянные крюки *винли* с несколькими зарубками, на которые подвешиваются котлы (рис. 112).

(Юрты Каюковы-Летние. 1974-1. Л. 85).

Местные ханты пользуются во время еды столиками, чуть выше нар. Поверхность стола делается из очень широкой кедровой доски, ножки немного расходятся и скреплены поперечинами. В доме старых хантов видела низенькую табуретку на четырех расходящихся ножках. Сидение круглое, деревянное, недавно заменено пенопластовым.

(Каюково. 1974-1. Л. 89).

Выбивалки снега из одежды – *чочэҕтип* (рис. 113) изготавливаются из сосны мужчинами, но могут их изготовить и женщины. В каждом доме у входной двери висят на гвозде. Форма их почти одинаковая, у всех кинжаловидная, рукоятки различаются. Мужские и женские выбивалки не различаются.

Лопатка *пыл'л'и* для помешивания в котле, из сосны (рис. 114). Рукоятка с развилкой, ею снимают крышку с чайника.

Ложки и черпаки *луй* изготавливают из березы (рис. 114, I; 115; 116).

Лопаты для разгребания снега при установке палатки – *тцнт' пыл'л'ы* (рис. 117).

(Каюково. 1974-1. Л. 31–32).

Игольник намёт из сукна, с закругленными краями. Игольники делают и круглыми. Крепилки для сухожильных ниток – *панансатып лоҕ*, из бедренной кости соболя. Для удержания наперстка использован зуб лисы. В его середине просверлено отверстие, на которое зуб привязан к игольнику. Нити сплетены так же, как на Тромьёгане. Даше подарила эту связку ниток женщина, не умеющая делать мозаику на обувь. Даша сшила ей полосу с мозаикой. Для мозаики лучше использовать старую шкуру с вытершимся ворсом.

Мешки и платки применяются для хранения одежды, с ними ходят покупать продукты и товары в магазин.

Чайники ставят на подставку *щай пун омэтэ перт* – доску с ручкой.

(Каюково, Д. Ярсомова. 1974-1. Л. 13–14).

Игольник ндмэт (рис. 118), круглый из разноцветных кусков сукна с подкладкой из хлопчатобумажной ткани. В центре мозаика, узор – крест. По некоторым швам проходят ряды бисера, бусинки сгруппированы по две, с внутренней стороны пришиты кусочки ткани, на кромках – остатки кусков шкуры выдры, они были пришиты по всей окружности. На ремешке бечевке продето кольцо из белого металла, подаренное в прошлом году братом, и зуб лисы с просверленным в середине отверстием.

Крепилки для сухожильных нитей хранятся отдельно от игольника. Это косточки из лап соболя, белки («рука-нога»). Тонкие нити из сухожилий хранятся на косточке белки, толстые – на косточке соболя. Хранятся переплетенными по 100 штук. Тонкими нитками шьют мозаику из ровдуги, толстыми – обувь, еще более толстыми – сахи из шкур. Тонкие нити – *вать понё*. Толстые нити – *энё понё*.

Некоторые хранят нитки на глухаринной косочке. Пластинок из рога оленя, как на Агане и Пиме, здесь не делают.

(Каюково. 1974-1. Л. 24–25).

Мешок для выкроек – *нир тянк тонгы кырэг* (рис. 119). («Тонгы – потому что много» – объяснила Анна). Из кусков шкуры с подбородка лося ворсом внутрь. В боковых стенках и в верхней части сумки, немного отступя от кромки, вставки из крашеной шкуры лося мехом внутрь. К верхней кромке пришиты 4 ровдужные завязки, две к боковым стенкам и связаны петлей, две более короткие – к широким стенкам.

Мужская сумочка для кресала – *тистан кырэг* (рис. 119). Основная часть и верхний край – из шкурки вы-

дры мехом наружу. Боковые стенки и вставка между основной частью и опушкой из выдры – мозаика из светлой и крашеной ровдуги. Наружная стенка украшена белыми пуговицами, обе стороны – полосками малинового сукна. Мешочек затягивается с помощью ровдужных ремешков, продетых сквозь пластинки из пластмассы (прежде делали роговые) с обеих сторон мешка. Носили его на поясе, сейчас не носят. Данный экземпляр в настоящее время служит мешочком для игрушек девочки.

(Каюково. 1974-1. Л. 30–31).

Мягкие женские сумки из шкур с оленьих лбов берут обычно при поездке в урман. Дома рукоделье хранится в коробке их пихтовой коры.

(Каюково, А.М. Ярсомова. 1974-1. Л. 38).

У одной женщины вижу крепилку для сухожильных ниток – подъязычную кость молодого лося. У нее же, как и у остальных, имеется крепилка из кости соболя.

Банка для сплевывания состава из махорки – *чэкэм панка*, для окурков – *полчиг панка*.

(Каюково. 1974-1. Л. 39).

Крючки для детской колыбели делали из кости, с рисунком. Они могли служить подарком.

Сумка из кожи – *нюр кырэг* (так ханты называют мою сумку). «Раз без шерсти – *нюр*».

Полог – *олэп*. *Якки* – циновка.

Чакэм вертд анёг – маленькая ступка для приготовления состава из табака. *Чакэм вертд юг* – пест для растирания состава. *Чакэм чопита перт* – табак резать доска. Старик сам вырастил табак и резал его ножом на доске.

(Каюково. 1974-1. Л. 45).

Женская сумка для рукоделия, сшита из оленьих лбов со вставкой на боковой поверхности из ровдужной мозаики. Сумка – *ёнта кырәд; пун кырәд*. Ровдужная мозаика – *дав нюр канча*.

(Каюково. 1971–4. Л. 59).

Пирина – мешочек из старой хлопчатобумажной ткани, в ней лосиная шерсть. Ее можно выстирать и высушить, это удобнее, чем подстилка из оленьей шкуры в детскую люльку. Лосиная шерсть лучше годится и на подстилку в люльку, так как пропускает влагу.

(Каюково, П.Е. Ярсомов и его жены Анна. 1971–4. Л. 63).

Деревянная колыбель онтэп (рис. 120), используемая днем. Ребенку больше нравится находиться в этой колыбели, так как в ней ребенка раскачивают. Внутри деревянной колыбели вкладывают берестяную с невысокой спинкой *онтэп тыцти сац(в)ун*. В нее насыпана оленья шерсть и гнилушки. Ребенку (мальчику) на колени кладут берестяную крышечку *кур тонтог* и привязывают ее к стенкам колыбели. У мальчика моча выходит вверх и падает на колени, а береста защищает колени.

Берестяная ночная колыбель, без спинки – *кур сац(в)ун*. Снаружи вдоль боковых стенок у верхней кромки проходят деревянные планки, к которым иногда прикрепляют бечевки и подвешивают так же, как деревянную. В берестяную колыбель также ставят вкладыш – *кур сац(в)ун – тыцти сац(в)ун*.

(Каюково, А.М. Ярсомова. 1974-1. Л. 48–49).

Женщины в лесу переносят колыбели за спиной, надев лямки, как у кузова и скрепив их на груди. В лесу втыкают высокий кол с зарубкой, на него подвешивают колыбель, закрывают ее большим платком. Низко над землей колыбель

не вешают, так как может заползти змея, и внизу больше мошки.

(Каюково. 1983. Л. 23).

Шай понтэ кырәд – мешочек для чая, из ткани, во вздержке шнурок. Имеют мужчины и женщины. К мешочку привязана ложечка чайная – *пэн'*.

Ступка для табака – *чакэм анәд*.

Большие коробки из пихтовой коры называются *кар йи-ныч*. Их раньше делали с рисунком. Маленькие коробки – *йиныч*.

Подушки у хантов Югана – квадратные.

Заплечный мешок носят, соединяя ремни на груди костяной застежкой (как на Васюгане).

Лист для просушки ягоды (черемухи, смородины) – *ём сортэрд сац(в)ун*. Длина 40 см, ширина 28 см. Дно и бортики (высота 2 см) из дерева, на дне тоже бортики, но пониже (1 см).

Камыш для циновок.

(Разные информанты).

7. ОДЕЖДА

7.1. Женская одежда

Сах (сак) – женская летняя одежда, из красного сатина (рис. 121). Клин между спинкой и одной из полок вшит из-за нехватки материала; если материал достаточно широк, то клинья не вставляются. Вдоль правой полы и подола нашита сверху полоса темно-синей хлопчатобумажной ткани, на концах рукавов нашиты полоски из хлопчатобумажной зеленой ткани. Вдоль правой полы и по низу подола, на концах рукавов, немного отступя от нашивок из ткани, пришиты полосы бисера, частично использована нарезанная в виде бисера изоляционная проволока. Узор на подоле – *чегур пель* ‘заячьи уши’. Воротники к летним сакам не пришивают. Завязки из тканей разных расцветок, две – кожаные. На некоторых саках встречается застежка из пуговицы и петли, очевидно, это более позднее явление. Ханты говорят, что раньше пришивали только завязки, на пуговицу перенесено и название завязки (*кыцын*). На левой доле завязки пришиты не на кромке, а немного отступя от нее; чем ниже завязка, тем дальше она от кромки. Основные, конструктивные швы выполнены швом «на живую нитку», очень частым стежком; пройма, левая доля и верхняя часть правой полы – подшивочным швом. Внутренняя кромка нашивной полосы пришита на живую нитку, затем загибается к кромке полы. Кромка правой полы и подола, кромка конца рукава и наружная кромка нашивной полосы из ткани подогнуты

внутри, наложены друг на друга и прошиты по краю частым стежком «на живую нитку».

Полоса из бисера вдоль полы пришита к доле с обоих краев, а *пынт* пришит только у верхнего края. На изнаночной стороне саха делается длинный стежок, нитка выходит на наружную сторону, зацепляет нитку бисерной полосы и здесь же уходит на изнаночную сторону. На большинстве сахов уголок между полосами бисера зашивается пуговицами (рис. 122). Считается, что если этого не сделать, то ослепнет младший брат.

Летний сах носят только в теплое время года. Находясь в помещении и занимаясь домашними работами, особенно сидя, женщина снимает сах с левого плеча. Когда идут осенние дожди, женщины надевают зимние сахи, например, вчера многие женщины и дети были в зимней одежде.

(Каюково. 1974-1. Л. 7–9).

Воротник зимнего саха. Средняя часть из хвостов белки, боковые – мозаика из черных и белых камусов овцы с прокладкой из малинового сукна. Камусы подарила Даше одна старуха, здесь овец нет. Края окаймлены выдрой. Шкурки нашиты на матерчатую подкладку и простеганы.

Внутренний сах из шкурок зайца – *чегур сах*, однотипен с верхним сахом. На вопрос о покрое Даша ответила, что внутренняя часть из шкур шьется так же, как наружная. Сах старый, сейчас заячьих шкур нет, и внутреннюю часть шьют из стеганки. Наблюдала, что дети бегают в одном стеганом сахе, без наружной части.

(Каюково, Д. Ярсомова. 1974-1. Л. 18–19).

В дождливую погоду женщины носят сахи со стеганой подкладкой. Объясняют: «Теперь заячьих шкур нет, делаем такие сахи». Воротники у них из шкурок белки, со вставка-

ми зубчатых полосок из сукна. Женщины следят, чтобы полы саха не распахивались.

Платье женское *ернас* (рис. 123). Очень широкое, из цветного штапеля. Проймы рукавов спущены низко на предплечье. Рукава пришиты под прямым углом, ластовица из ткани другой расцветки. На нижнем конце рукав присборен, и пришита манжета: внутренняя часть из малинового плюша, наружная – узор из нарезанной проволоки. Застегивается манжета на две пуговицы, петли воздушные. К обеим кромкам нагрудного разреза пришиты планки, три прорезные петли и пуговицы. *Запбх* – налево. Воротник – стойка.

Кольцо из двух рядов бисера разных цветов.

(Каюково. 1974-1. Л. 15–16).

На подоле платья здесь не нашивают полос, как на Агане. Украшают только манжеты и нагрудный разрез.

Некоторые пришивают на нагрудный разрез нашивку из сукна, но без разреза. Она, как клапан прикрывает разрез (по устным описаниям). Такие обшивки любит делать старуха – жена Игнатия Ярсомова из юрт Ярсомовых.

(Каюково. 1974-1. Л. 26).

Женщины носят платок особым образом: складывают его вдвое углом и меньший угол оставляют наверху. На мой вопрос: не связаны ли способы ношения платка с возрастными различиями, отвечают отрицательно. У многих платок не завязан, а лишь накинута на голову (рис. 124). Платки с кистями встречаются редко, в магазин их не привозят. Некоторые надставляют платки полосами цветной ткани и делают кисти из ниток. Большинство женщин завязывают платок под подбородком, слегка прикрывая левую и правую части лица.

(Каюково. 1974-1. Л. 7).

Раньше носили в ушах длинные серьги из бисера – *пыл ронт*.

Волосы у старух выстригают на затылке, у ушей заплетают небольшие косы и связывают на затылке косоплетками из ткани. Молодые женщины тоже иногда выстригают часть волос на затылке, объясняя это тем, что от густых волос жарко.

(Каюково, А.М. Ярсомова. 1974-1. Л. 47).

Летняя женская обувь *доу нир* (рис. 129). Головка из окрашенной оленьей шкуры, ворсом внутрь, ворс подстрижен. Подошва из лосиной шкуры мехом внутрь, ворс подстрижен, направление ворса – назад. Подошва расширяется к носку, в пяточной части слегка присборена, подобие поршня. К головке пришита полоса мозаики из белой и коричневой ровдуги шириной 10 см, а к ней пришито (подшивочным швом) голенище из черной хлопчатобумажной ткани. Кроме того, полоса в середине пришита к голенищу – длинным стежком изнутри и очень коротким снаружи. Выше этой полосы нашит клин из красного вельвета, он пришит к голенищу по кромкам и тремя продольными линиями стежков. Вверху голенища подшивочный шов. Кромка подошвы и кромка головки приложены друг к другу и прошиты немного отступя от кромок частым швом «на живую нитку». К верхней кромке голенища пришиты две завязки. Эту обувь перевязывают еще под коленом, носят в теплое время, летом. В летней и зимней обуви имеется стелька из сухой травы.

В дождливую погоду надевают зимнюю обувь *тыцлэ́т нир*. Она отличается от вышеописанной летней тем, что имеет суконное голенище, ворс на головке пострижен более высоко, а подошва сделана мехом наружу. Части подошвы у носка – из шкуры, а далее – из щеток с ног оленя, ворсом назад (рис. 130). Любую обувь ханты носят на обе ноги, левая

и правая не различаются. Летнюю обувь надевают на босую ногу, а зимнюю с меховым чулком *кинч*.

(Каюково. 1974-1. Л. 10–11).

Варя Кинямина рассказала, что ее умершую сестру обули в *нир* и ступни связали веревкой.

Женская зимняя обувь *тӧлӧг нир*, *тэтыг нир*. Подошва из лосиной шкуры ворсом наружу, направление ворса назад. Поперек подошвы посредине нашита полоска шкуры *мэц(в)* для торможения. Некоторые пришивают две полоски под носком и под пяткой. Головка из крашеной шкуры, ворсом внутрь, он подстрижен. Голенище из серого грубого сукна, нижняя его часть украшена полосой зеленой хлопчатобумажной ткани с нашитыми полосками розовой ткани. Впереди выше полосы нашит клин из светло-зеленой ткани. Верх голенища обшит цветной хлопчатобумажной тканью, такие же и завязки.

Меховые чулки *кинч* (рис. 136). Подошва и головка мехом внутрь, голенище из темного старого сукна, служившего когда-то голенищем верхней обуви. Головка впереди и сзади расставлена клиньями. К голенищу пришиты завязки.

(Каюково. 1974-1. Л. 70-71).

7.2. Мужская одежда

Мужчины носят зимой в урмане и в поселке верхний *сах* – белый (рис. 141, 142), он называется *невтӧг сах*. Покрой, как у женского *сах*, но без каких-либо украшений, к рукавам пришиты рукавицы из камусов. На мой вопрос: белый же *сах* быстро загрязнится, ответили: «Так не один, а два–три есть».

Рукавицы из оленьих камусов с клапаном, пришитые к рукавам мужского *сах*, называются *ярӧгэн нос* – ненецкие рукавицы.

(Каюково. 1974-1. Л. 44).

Кумыш – *куныш* (рис. 143). Носят только мужчины поверх *сах* зимой, когда в большой мороз ездят на оленях. Женщины такой одежды не имеют. Из оленьих шкур на обшлагах рукавов – мозаика из меха ворсом внутрь. На спине поперек два ряда полосок сукна. Малицы – *молӧпсы*, здесь не носят.

(Каюково, П.Е. Ярсомов и его жена Анна. 1971–4. Л. 63).

Мужской домашний *сах* – длинный, с меховой опушкой (рис. 3, 144). На охоту мужчины надевают *вайкынче сах* – охотничий *сах*. Он короче домашнего, не имеет меховой опушки на подоле и полах, сшит так же, как домашний. Их шьют белыми, черными, любых цветов. Под него надевают *чедур сах* или стеганый *сах* (рис. 145). «Ленивые женщины купят в магазине фуфайку, в ней холодно на охоту ходить».

Рыскин Михаил Наумович скроил мужские штаны *ку ворэв* (рис. 146). Раскраивал ножницами. Сложив выкроенные части, прошил на углах одним стежком (на рис. – знак X). Сшили его жена и дочь, на руках, частым стежком «на живую нитку». Концы штанин подшиты. Во вздержку на поясе нужна веревочка.

(Каюково. 1974-3. Л. 2–3).

Охотники-промысловики получают в Пох’е спецодежду: стеганку длиннее обычной фуфайки и еще более длинную куртку из грубого сукна. К стеганкам пришивают традиционные воротники из собольих лапок. Воротники большие, прикрывают плечи и часть спины. Воротник не промокает и защищает плечи от влаги, снега.

(Каюково. 1983. Л. 23).

Обувь мужская – *сурэмэн нир*. Головка имеет узор, нанесенный растительной краской и обшитый подшейным воло-

сом оленя. Выше головки проходит полоса мозаики из белой и крашеной ровдуги. Голенище из темной хлопчатобумажной ткани, сверху ровдужные завязки. Изготовлены А.М. Рыскиной в 1975 г.

На мужские пояса ханты покупают ленты для фитиля в керосиновые лампы, берут сразу по 15–20 м.

Н.Т. Каюков носит обувь – голова и длинное голенище из крашеной шкуры, подошва из шкуры мехом наружу.

Мужчины носят шапки в виде капора. На фотографии шапка старика сшита из лапок лебедя.

(Каюково. Разные информанты).

7.3. Детская одежда

Платье девочки из цветной фланели (рис. 152). Основные швы сшиты двойным (простынным) швом. Ластовицы из ткани того же цвета. Воротник стойкой. Нагрудный разрез по всей длине обшит полоской красного сукна, на нем нашит рядами бисер и белые пуговицы. Данная нашивка – *мац(в)ут* прежде была пришита на маленькое платье, она была короче, но такой же ширины. Когда девочка выросла, эту нашивку удлиннили и вышили бисером других расцветок. В середине нагрудного разреза пришито по завязке на обеих полках. Воротник – стойка. Сзади у воротника присборено. Манжеты пришитые, из красного сукна, на них бисер и пуговицы.

(Каюково. 1974-1. Л. 25–26).

Родившегося ребенка заворачивают в заячью шкуру, если имеется выделанная шкурка. Сейчас чаще всего заворачивают в старые саки более взрослых детей. Первую рубашку шьют одинаково для девочек и мальчиков. Она аналогична по крою взрослой, но в ластовице делают маленькое

отверстие «пока зубов нет». Нагрудный разрез завязывается тесемками. Около года ребенку шьют платье или рубашку, а также сак: «Чтоб видно было, мальчик или девочка. Когда гости приедут, из люльки возьмешь, они видят». Сак для девочки шили, как для взрослой женщины, с нашивками на подоле и правой поле, но *пынт* не пришивали, пока не вырастут зубы. Сейчас этот обычай не соблюдается, стараются одеть ребенка красивее и сразу пришивают *пынт*. Мальчику сак шили так же, как взрослому мужчине без нашивок и *пынта*. Детям в колыбели уже шили *нир*, такие же, как взрослым. Голову завязывали платком. На спинку колыбели натягивали шкуру с головы оленя.

Когда ребенку шили *нир*, сразу же надевали и нательный пояс. Обувь подвязывали к нему, дети были без штанов, и нужно было защитить ноги от гнуса. С натянутыми голенищами было также теплее. Некоторые шьют детям в колыбели меховые чулки *кинч*. (Не могла получить ответ на вопрос о том, когда мальчики начинали носить штаны. Анна ответила неопределенно: «Наверное, когда ползать начнет»). Сейчас многие дети ползают без штанов.

(Каюково, А.М. Ярсомова. 1974-1. Л. 41–42).

Маленьким детям летом плотно повязывают на голову платок, завязывают на шею, для защиты от гнуса. Такой платок называется: *кайми суминьтэҕ*. Платок надевают и по-другому: вокруг лица делают вздержку, а на затылке пришивают пуговицы и стягивают, концы платка прикрывают грудь, плечи и спину. Такой головной убор – *кэврэм суминьтэҕ* (*кэврэм* – собранный на вздержку).

(Каюково, А.М. Ярсомова. 1974-1. Л. 45–46).

Украшение, подвешиваемое сзади на ворот детской одежды – *пут лыпыс*. Из 20 ниток нарезанной в виде бисера

изоляционной проволоки, к нижнему краю пришито несколько крупных бусин.

Шкурки гагары используют на подстилку в детские колыбели и на спинки детских сахов.

(Каюково, А. Рыскина. 1974-1. Л. 49).

7.4. Разные виды одежды

Дон нир – летняя обувь. *Нир вэй* – голенище. Кагвын – вставка треугольная. *Нир сор* – вставка между голенищем и головкой. *Дитип* – полоски из ровдуги между голенищем и головкой. *Нир оҕ* – головка. *Нир пета* – подошва. *Нир итым* – подошва. *Кыҕын* – завязки на голенище. *Чан ювэл* – завязки под коленом.

При изготовлении летней обуви вначале шьют головку и пришивают к ней подошву. Затем шьют голенище из ткани. Затем изготавливают полосу, вставляемую между головкой и голенищем, пришивают к ней полоски с обеих сторон. Затем пришивают ее к голенищу, а в последнюю очередь – к головке. Завязки пришиваются после полной готовности обуви.

Сак поч – спинки сака. *Сак кимел'* – полки халата. *Лыт* – рукав. *Дыт оҕ* – обшлаг. *Сак поч* – полоса из красной ткани вдоль полы и по низу подола. *Пэнт* – полоса из бисера по подолу. *Мэгут нам пэнт* – полоса из бисера. *Кыҕэн* – завязка на поле, пуговица на саке. *Дытон пэнт* – полоска бисера на нижней части рукава. *Кунэл* – ластовица. *Кыҕэн вэс* – петля для пуговицы. *Рок* – воротник. *Кинлинтэҕ* – полоса из меха на подоле. *Кимел' кот* – уголок между *пэнт* и *мэгут пэнт*, зашиваемый бисером или пуговицами.

При изготовлении сака вначале выполняется плечевой шов, затем боковой, затем шов на рукаве и здесь же вшивается двумя кромками ластовица, затем вшивается рукав.

Затем нашиваются полосы из ткани, завязки и пришивается заранее изготовленный *пынт*.

(Каюково. 1974-1. Л. 4–5).

Летне-осенняя влагоустойчивая обувь *йинк нир*, надевается в дождливую погоду. Покрой: подошва из камуса лося мехом наружу, головка – из шкуры лося мехом внутрь, голенище брезентовое. Носят мужчины, женщины и дети.

(Каюково. 1974-1. Л. 16).

Сурэмэн нир. Такую обувь обычно дарил молодая жена старшему брату мужа (от которого она «закрывается»). Он ей делал ответный подарок – недорогой платок или ткани на сах, на платье. Теперь народ стал богаче и «чтобы сноха не обиделась», ей дарят дорогой платок, за 18–20 руб.

Обычай дарить красивую нарядную обувь весьма распространен. Особенно ценится обувь, которую не умеют изготавливать местные ханты. Например, обувь из ровдуги с мозаикой шьют только на Югане, ее охотно приобретают ханты на Агане, Пиме. Юганские ханты ценят подаренную обувь из камусов – «кисы» зимние. Дарить старую обувь «неудобно».

(Каюково. 1974-1. Л. 27).

Раньше женщины пришивали к верхним *сахам* суконные воротники, сейчас носят без воротников. Меховые воротники пришивают к внутреннему *саху* из заячьих шкур или стеганых. К мужским *сахам* воротники пришивают и сейчас.

У женщины несколько поясов разных цветов, обычно из сукна. У мужчины только один пояс – из хлопчатобумажной ткани. Женщины обертывали пояс трижды и завязывают сзади, мужчины – дважды и завязывают впереди. Мужчины и мальчики носили, некоторые носят и сейчас «подтяжки»

тэкун-тотем, перекрещивающиеся на груди и спине. Они удобнее, чем нательный пояс для обуви в урмане, когда много приходится ходить, не давит на тело. Их шили из фитильной ленты. Сейчас мужчины предпочитают верхние пояса также из фитильной ленты, за такой пояс удобнее засовывать тушки убитых белок.

В детстве мальчикам и девочкам надевали нательные пояса, чтобы «место было». Анна: «Мне наверно не привязали пояс, я сейчас ношу (показывает на верхний пояс), и он все время туда-сюда ездит». Раньше некоторые женщины носили пояс на бедрах, ниже талии.

(Каюково, А.М. Ярсомова. 1974-1. Л. 34–35).

Выкройки из бересты делают для подошвы и взъема обуви, мехового чулка (рис. 138–140, 151), для рукавицы (рис. 172), Выкройка называется *тонтог* – береста. Детские выкройки не различаются у девочек и мальчиков, у выкроек для взрослых – больше размер у мужчин. Для увеличения выкроек расширяют подошву и носок, удлиняют головку, но высоту головки не изменяют. При раскрое измеряется палочкой высота головки и ее длина, но все-таки часто оказывается, что они различаются в одной и той же паре обуви. Иногда бывает другой дефект: верхняя окружность головки оказывается шире или уже голенища, тогда приходится при-сборивать то или другое, но со складочками получается некрасиво. Выкройки для зимней обуви больше по размеру, чем для летней, так как зимняя обувь носится с меховым чулком (увеличивают размер подошвы и длину головки, высота головки не различается у зимней и летней). В местах разрывов бересты выкройки сшиты сухожильными нитками накрест.

Обувь длинная из камусов, с неразделенной головкой и голенищем, называется *ярэҕэн нир*. Ненцы – *ярэҕэн яҕ*.

Части ровдужной обуви, изготовленные из белой кожи, чистятся мукой. Если имеется рисунок, нанесенный лиственничной корой, он наносится после чистки заново.

Выкроек для сака и других видов одежды, изготавливаемых из ткани и шкур, не существует. Сак выкраивают, прикладывая ткань к готовому саку и прихватывая места отреза пальцами. Кроить начинают с полка, от плеча. На усадку материала отрезают лишнюю длину в 1–2 пальца.

(Каюково, А.М. Ярсомова. 1974-1. Л. 35–38).

Мужчинам на летнюю обувь пришивают только полосы мозаики из ровдуги. Женщины делают на вставке нашивки лытип из полосок ткани.

(Каюково, Л. Ярсомова. 1974-1. Л. 44–45).

Мужчины летом не носят рубахи с капюшоном. Малиц здесь не шьют мужчинам, они носят только кумыш. Анна: «Если надеть здесь малицу и кумыш или такую женскую шубу, как у тромъеганских хантов, то в нашу нарту не влезешь».

(Каюково, А.М. Ярсомова. 1974-1. Л. 46).

Раньше женские платья и мужские рубахи имели застежку нагрудного разреза не по средней линии, а сбоку (косоворотка). Нагрудный разрез делали точно по срединной линии, но еще пришивали к полке планку, которая накладывалась на левую половину груди. Сейчас стараются делать застежку на срединной линии груди у женских платьев, так считается красивее, но детские рубашки шьют по типу косоворотки.

На Югане женщины не надевают больше одного платья, раньше тоже не было такого обычая. Прежде женщины надевали 2–3 саха из хлопчатобумажной ткани, если была

дождливая погода. *Чеґур сах* в дождливую погоду не надевали, чтобы он не промок. Сейчас шьют «фуфайки» – из простеганной с ватой ткани. Их изготавливают тонкими для дождливой погоды и более толстыми для зимы. Поверх *чеґур сах* и стеганой «фуфайки» надевают в сильные холода 2–3 саха.

Стеганые сахи не пришивают к верхним сахам, а надевают под них, когда это необходимо. Иногда стеганые сахи, фуфайки носят отдельно, особенно старики. Ханты называют стеганую нижнюю одежду «фуфайка», это одежда по покрою аналогична саху. *Чеґур сах* также покрывали хлопчатобумажной тканью и простегивали.

Подколенные подвязки ныриков – *чан юғул(т)*. У мужчин часто подвязки вязаные, у женщин – из полосок ткани. Завязывают впереди, обернув два раза.

Обувь привязывают к веревочке на теле. В период менструаций носят гигиенический пояс. Сейчас большинство женщин носит трусы, рейтузы, колготки.

(Каюково, П.Е. Ярсомов и его жена Анна. 1971-4. Л. 64–65).

В лабазе мужская и женская обувь хранится подвешенной на разных стенках. У зимней обуви подошву делают из щеток оленя, из камусов оленя, из шкуры со щек лося и из шкуры лося.

(Каюково. 1971-4. Л. 66).

Мужская и женская зимняя обувь с суконным голенищем и головкой из камусов различается тем, что вставка между головкой и голенищем у мужчин шьется из крашеной ровдуги ворсом внутрь, а у женщин на вставке нашиваются полоски ткани или их шьют из мозаики. Но некоторые ханты шьют и мужскую обувь, подобную женской, например, в Таурове так делают.

Подошвы мужской зимней обуви делают из щеток с ног оленя, на женской обуви это запрещено обычаем, однако некоторые делают.

У некоторых встречаются чулки кинч для зимней обуви, простеганные из ваты и с головкой до середины голени, без голенища. К меховым чулкам, к головкам пришивают бечевки для подвешивания на просушку.

(Каюково. 1974-1. Л. 70).

К верхним сахам из сукна или другой ткани, которые носят зимой, пришивают рукавицы из камусов. Если сах носят также в другое время года, то рукавицы отпарывают.

(Каюково. 1974-1. Л. 72).

При общем покрое обуви с головкой из шкуры и голенищем из ткани зимняя обувь отличается от летней тем, что имеет суконное, а не хлопчатобумажное голенище и подошву ворсом наружу. Однако некоторые шьют летнюю обувь также с подошвой мехом наружу.

(Каюково. 1974-1. Л. 73).

Ханты затрудняются объяснить значение слова *сурэмэн нир*. *Сурэм* – это нарядный, красивый, видимо, блестящий, так как приводится аналогия: русские любят золото, да серебро, а у нас *сурэм*. Лазарь Ярсомов: *сурэм* – это рисунок с оленьим волосом. Красивым считается олень, имеющий белый нос, его называют *сурэм нил*. (Но «белый» по-хантыйски «неви» – Н.Л.).

(Каюково. 1974-3. Л. 4–5).

Мужская и женская обувь *сурэмэн нир* различается рисунком на носке: у мужской наносят рисунок *кэнь кунни* ‘локоть песка’ (рис. 173), а у женской – *чуг оґ* ‘теста голова’

(рис. 174). Остальная часть головки заполняется любым рисунком.

(Каюково. 1974-3. Л. 11).

В обувь кладут стельки из травы *пом*. Есть мужская *куй пом* и женская *нин пом*. *Куй пом* растет на песках, у нее большая метелка, *нин пом* растет по берегам урий, из нее делают стельки.

(Каюково. 1983. Л. 9).

Пояса из яркого сукна, которые носят поверх сахов, на Югане не обшивают другой тканью. Нательный пояс – *тц-тем*.

Домашний сах – *саг пырли* (плохой). Праздничный сах – *йим саг*.

У внутренних саков – меховых или ватных – также пришиты завязки, как у наружных. Завязывается вначале внутренний, затем наружный сак. Сак = *саг*.

Меховой чулок с голенищем – *вэйин кинч*, без голенища – *кинч оҕ*. Последние шили из шкур, сейчас чаще всего из стеганки.

Ханты покупают в магазине плащи – *ём сах*. *Ём* – дождь.

На сах нашиваются полосы нанизанного бисера (пынч). Узоры имеют названия: *вели аҕэт* – оленье рога (рис. 177, 1); *ворып оҕ* – ронжи голова (рис. 177, 2); *кытынам* (не переведено) *ворып оҕ* – ронжи голова (рис. 177, 3). Вместо бисера сейчас нередко используется нарезанная проволочная изоляция (рис. 177,4).

На ровдужной обуви вставки между головкой и голенищем украшаются сложным орнаментом, один из них имеет название *наҕк торт* – корни лиственницы (рис. 178, 1).

В последние годы многие женщины создают новые узоры для украшения одежды и обуви (рис. 179, 180). Названия

некоторых из них: *ворып оҕ* – кедровки голова (180, 1); *энтл' суҕмэт ноҕ* – большая березовая ветвь (рис. 180, 2); *лаҕу нёл* – лошади нос (рис. 180, 3); *ай суҕмэт ноҕ* – малая березовая ветвь (рис. 180, 4); *наҕк дорт* – лиственничные корни (рис. 180, 5).

(Разные информанты).

8. БРАК И СЕМЬЯ¹

Ндм – имя. Хантыйские имена детям дают сразу после рождения. Отец с матерью имя дают. Русские имена дают, когда свидетельство пишут. Хантыйские имена даются один раз. У каждого ханта – одно житейское имя, одно русское. Несколько имен не дают. Родится человек – ему имя дадут, старым станет – то же имя останется. Имена дают разные. У одного рода определенных имен нет. Каюковы и Рыскины могут одни и те же имена давать своим детям.

Паҕэм (мужское имя) – Лазарь Ярсомов. *Авэл’и* (женское имя) – Анна Ярсомова. *Ай паҕ* (Младший сын) – Лисак Ярсомов. *Этэкэли* (ласкательно называют маленьких) – Владимир Ярсомов. *Йорам* – Антон Ярсомов. *Ал’и* (мужское и женское имя) – Ефим Михайлович Рыскин. *Ицyki* – Марья Каюкова. *Айем* – Татьяна Каюкова. *Ай эви* – Вера Николаевна Рыскина. *Йорум ко* (Главный человек) – Сергей Каюков. *Ай пити* (женское имя) – Нина Каюкова. *Йим ко* – Лазарь Епаркин. *Ай от* (Маленькая вещь) – Лена Рыскина. *Папи* (Кукла – женское имя).

(Записал Е.М. Титаренко в Каюкове у Н.С. Ярсомовой. 1973. Л. 37–38).

Мать жены – *кэнэм ими*. Отец жены – *кэнэм ики*. Старшая сестра жены – *кэнмэли*. Старший брат жены – *кэнмэли*. Отец мужа – *ики*. Мать мужа – *ими*. Жена сына – *меня*.

У меня нет хантыйского имени, у мужа хантыйское имя – *Пэгэли* (Сынок).

¹ Записи, в которых не указано имя собирателя, сделаны Н.В. Лукиной.

Я закрываю лицо от отца мужа, моя мать не закрывается перед моим мужем.

(Каюково, Д. Ярсомова. 1974-1. Л. 3).

Мать Даши – Акси́нья Кинямина (по отцу – Рыскина). Хантыйского имени у нее нет. Имя – *нэм*, отчество – *поч нэм*, фамилия *поч нэм*. Хантыйское имя ребенку дают родители на 5–8 день после рождения. У кого нет имени, к тому обращаются только по родне. Хантыйские имена не скрываются, вторых, тайных имен нет. *Ицyki* – имя девушки (русское имя не знаю), не переводится. *Пухлднки* – крестная.

(Каюково. 1974-1. Л. 11).

Детские игрушки у Анны Ярсомовой: деревянная колыбелька (рис. 183), бабки оленей (они служат детям оленями, «водят» и пр.), маленькие *нир*, расшитые на вземе бисером, лодка из пихтовой коры. *Кантаҕ пакыт* – хантыйские куклы. *Пакы онтэйп* – люлька для куклы.

(Каюково. 1974-1. Л. 44).

Имя – *ндм* ребенку дают родители на 6–7-й день. Хантыйские имена есть не у всех детей, в этом случае употребляют русское имя. К старым людям, не имеющим хантыйских имен, обращаются «по родне», т.е. употребляют термин родства. На вопрос: есть ли у хантов Югана прозвища, которые дают взрослым людям по какому-либо характерному внешнему признаку или внутреннему качеству, – ответили отрицательно.

Берестяной кузовок для последа (*ими*) делает будущая мать незадолго до родов. Этот кузов называется *пуглюг вонтэйп*. В него, кроме последа, кладут маленький сак, платок и пояс, независимо от того, родился мальчик или девочка.

Кузовок вешает в лесу *пукэл анки* – женщина, которая обрезала пуповину. Он должен висеть там, чтобы его содержимое было невредимым. *Пукэл анки* может быть любая женщина из числа находящихся при родах. Пуповину обрезают ножницами. После этого они не становятся запретными для обычных работ.

(Каюково, С.С. Мултанова. 1974-1. Л. 74–75).

Женщина, принимавшая роды, называется *пудл днки*. Ее мужа воспреемник называет *пудл ики*. Так называют и при обращении, и в разговоре о них.

(Каюково. 1974-1. Л. 90).

Имя выбирают и дают новорожденному родители, посоветовавшись между собой. Имя дают через 6–8 дней после рождения. Обряда называния не существует. Имена дают и живых, и умерших людей, можно давать любые. О связи с покровителем, носившем то же имя, не знают. Если ребенок получил имя умершего, то это не означает, что умерший – его покровитель. Мотивы выбора имени различны. Сам характер большинства имен таков, что трудно искать какие-то особые причины. Например: *Ай пэг* – Маленький сын; *Ай от* – Маленькая вещь. Иногда можно объяснить мотив выбора имени, например, *нэвисэ́д(в)* – Белая коса, так называли девочку, родившуюся с белой головой. Некоторые имена взяты из слов родного языка, другие – не переводятся, очевидно, их нет в живой речи.

Нет набора имен, присущих тем или иным семьям, родам; родов здесь нет. Некоторые имена могут быть и мужскими, и женскими, другие – различаются. Имя, данное при рождении, остается на всю жизнь и другим именем или прозвищем не заменяется. Имен-оберегов, употребляемых вместо подлинного имени, нет.

Существует ласкательная форма имени, например, *Папи* – *Па-анем*. О нарицательных формах не удалось выяснить. У всех хантов есть русские имена, фамилии, отчества. В разговорах на хантыйском языке обычно употребляют хантыйское имя, на русском – русские. На вопрос, существуют ли формы хантыйских имен, аналогичные русским (*Натька, Пашка*) – ответили отрицательно.

Женские имена. *Ал'ты. Ай-сир. Ицики. Нимы. Ниңэли. Папи. Ай-ю́д(в)и. Айа. Петос. Тати. А́д(в)э́ли* – Маленькая девочка. *Нэ́висэ́д(в)* – Белая коса. *Нэ́воғ* – Белая голова. *А́д(в)ем* – Дочь.

Мужские имена. *Куйали. Ай пэг* – Маленький сын. *Пэгэ́ли* – Сынок. *Ай куйэ́ли. Апэг. Йим ко* – Хороший мальчик. *Ай сир. Папи. Па-анем* (ласкательное).

(Каюково. 1974-1. Л. 91-94).

Прозвищ, кроме хантыйского и русского имени, не существует. Отчество употребляют лишь с русскими именами. Русские отчества употребляются, главным образом, в деловой обстановке по отношению к взрослым людям. Некоторые ханты, много общающиеся с русскими, бывают польщены, если их называют по отчеству. Русские имена употребляют в разговорах на хантыйском языке в нарицательной форме. Например, старика могут назвать *Пашка, Пашик ики*.

Ханты предпочитают называть друг друга «по родне», старые люди сохраняют этот обычай до настоящего времени. Родственники обижаются, если к ним обращаются не термином родства, а русским именем.

(Каюково. 1974-3. Л. 2–3).

На Югане приветствуют друг друга возгласом *печа!* Ответ на приветствие – *печа-печа*. Давно не видевшиеся

люди целуют друг друга, обычно инициаторами бывают женщины. Целуют также руку, обычно старшим по возрасту. Один из хантов приветствовал нас так: *п`етя в`олла*, разделяя эти два слова. На других реках «*пет`явола*» служит приветствием и произносится слитно.

(Каюково. 1974-3. Л. 30).

Ханты оставляют детей, у которых еще нет зубов, со старой собакой. Она их охраняет. Когда уходят и оставляют ребенка одного, кладут ему в колыбель спички. Если идут с ребёнком ночью, то мажут немного на лбу сажей. И спички, и сажу на лбу мы наблюдали у ребенка Ефима.

(Каюково, Е.М. Рыскин. 1980. Л. 2).

Лиза Каюкова (Рыскина) говорит о Петре Егоровиче Ярсомове, своем соседе, около 60 лет: «Не везет Петру на жен. Это у него уже третья, ей 21 год. Две жены у него умерло. Еще эта умрет, тогда, как говорят старики, четвертой женой будет сноха».

(Каюково, Е.М. Каюкова. 1983. Л. 31).

Терминология родства

Мать – *аңки*.

Младший брат матери (старше меня) – *чикэ́ли*. Жена младшего брата матери – *т`икоти*. Сын младшего брата матери (старше меня) – *чикэ́ли*. Дочь младшего брата матери (старше меня) – *ай чикэ́ли*.

Младший брат матери (моложе меня) – *эть пэ́эли*. Жена младшего брата (моложе меня) – *мень*. Сын младшего брата матери (моложе меня) – *колэ́г*. Дочь младшего брата матери (моложе меня) – *колэ́г*.

Младшая сестра матери (старше меня) – *ай инкэ́ли*. Муж младшей сестры матери (старше меня) – *ицлиңынэм*.

Сын младшей сестры матери (старше меня) – *эть пэ́эли*. Дочь младшей сестры матери (старше меня) – *эть пэ́эли*.

Младшая сестра матери (моложе меня) – *ајинкэ́ли*. Муж младшей сестры матери (моложе меня) – *ицтықэм*. Сын младшей сестры матери (моложе меня) – *этя́оллы*, *этыпэ́эли*. Дочь младшей сестры матери (моложе меня) – *этя́оллы*, *этыпэ́эли*.

Старшая сестра матери – *имэ́ли*. Муж старшей сестры матери – *икэ́ли*. Сын старшей сестры матери (старше меня) – *ай икэ́ли*. Дочь старшей сестры матери (старше меня) – *ай инкэ́ли*.

Старший брат матери – *икэ́ли*. Жена старшего брата матери – *имэ́ли*. Сын старшего брата матери (старше меня) – *тикэ́ли*. Дочь старшего брата матери (старше меня) – *очилды*.

Мать матери – *анка-анки*. Сестра матери матери (младшая) – *ай инкэ́ли*. Брат матери матери – *икэ́ли*.

Отец матери – *че́чи*. Сестра отца матери – *чечони*. Брат отца матери – *икэ́ли*.

Отец – *ачи*.

Младший брат отца (старше меня) – *леди* = *йейи*. Жена младшего брата отца (старше меня) – *аникэ́*. Сын младшего брата отца (старше меня) – *лели*. Сын младшего брата отца (моложе меня) – *мони*. Дочь младшего брата отца (старше меня) – *опэ́ли*. Дочь младшего брата отца (моложе меня) – *ниңы*.

Младший брат отца (моложе меня) – *итэ́кэлэм*. Жена младшего брата отца (моложе меня) – *мень*. Сын младшего брата отца – *мони*. Дочь младшего брата отца – *ниңы*.

Младшая сестра отца (старше меня) – *опэ́ли*. Муж младшей сестры отца (старше меня) – *воңэм*. Сын младшей сестры отца (старше меня) – *чегули*. Дочь младшей сестры отца (старше меня) – *очиллы*.

Младшая сестра отца (моложе меня) – *ниңы*. Муж младшей сестры отца (моложе меня) – *воң*. Сын младшей сестры отца (моложе меня) – *колоғ*. Дочь младшей сестры отца – *колоғ*.

Старшая сестра отца – *опәли*. Муж старшей сестры отца – *воңәм*. Сын старшей сестры отца (старше меня) – *чеғули*. Дочь старшей сестры отца (старше меня) – *очиллы*.

Старший брат отца – *икәли*. Жена старшего брата отца – *имәли*. Сын старшего брата отца (старше меня) – *ләли*. Дочь старшего брата отца (старше меня) – *опәли*.

Отец отца – *куйчечи* (назывная форма), *чечи* (звательная). Брат отца отца – *икәли*. Сестра отца отца – *имәли*.

Мать отца – *анки чечи*. Сестра матери отца – *имәли*. Брат матери отца – *икәли*.

Старший брат – *ләли*. Жена старшего брата – *аникә*. Сын старшего брата (старше меня) – *ләли*. Сын старшего брата (моложе меня) – *мони*. Дочь старшего брата (старше меня) – *опәли*. Дочь старшего брата (моложе меня) – *ниңы*.

Младший брат – *мони*. Жена младшего брата – *мень*. Сын младшего брата – *күдоғ*. Дочь младшего брата – *күдоғ*.

Старшая сестра – *опәли*. Муж старшей сестры – *воңәм*. Сын старшей сестры (моложе меня) – *чеғули*, *леғули*. Дочь старшей сестры (моложе меня) – *очиллы*.

Младшая сестра – *ниңы*. Муж младшей сестры – *воң*. Сын младшей сестры – *күдоғ*. Дочь младшей сестры – *күдоғ*.

Сын – *пәғ*. Жена сына – *мднем*. Отец жены сына – *кәнәм ики*. Мать жены сына – *кәнәм ими*. Сын сына – *моқ моқ*. Дочь сына – *моқ моқ*. Сын сына сына – *моқ моқ томби моқ моқ* (*томби* – затем). Дочь сына сына – *моқ моқ томби моқ моқ*. Сын дочери сына – *моқ моқ томби моқ моқ*. Дочь дочери сына *моқ моқ томби моқ моқ*.

Дочь – *дү(в)и*. Муж дочери – *воң*. Отец мужа дочери – *кәнәм ики*. Мать мужа дочери – *кәнәм ими*. Дочь дочери – *моқ моқ*. Сын дочери – *моқ моқ*. Сын дочери дочери – *моқ моқ томби моқ моқ*. Дочь дочери дочери – *моқ моқ томби моқ моқ*. Сын сына дочери – *моқ моқ томби моқ моқ*. Дочь сына дочери – *моқ моқ томби моқ моқ*.

Жена – *ими* (звательная и назывная формы). Отец жены – *ики*. Мать жены – *ими*.

Старшая сестра жены – *китәм ими*.

Младшая сестра жены – *китәм ими*. Муж младшей сестры жены – *китәм ики*. Сын младшей сестры жены – *котоғ* ($t = л$). Дочь младшей сестры жены – *котоғ* ($t = л$).

Старший брат жены – *ики*. Жена старшего брата жены – *ими*. Сын старшего брата жены – *колоғот*. Дочь старшего брата жены – *колоғот*.

Младший брат жены – *колоғ*. Жена младшего брата жены – *мень*. Сын младшего брата жены – *колоғот*. Дочь младшего брата жены – *колоғот*.

Муж – *ики*. Мать мужа – *оппәм ими*. Отец мужа – *ики*.

Старшая сестра мужа – *воң*. Муж старшей сестры мужа – *воң ики*. Сын старшей сестры мужа – *дүд(в)*. Дочь старшей сестры мужа – *олч*.

Младшая сестра мужа – *олчим*. Муж младшей сестры мужа – *воң*. Сын младшей сестры мужа – *кылдәм*. Дочь младшей сестры мужа – *кылдәм*.

Старший брат мужа – *ики*. Жена старшего брата мужа – *ими*. Сын старшего брата мужа – *дүд(в)*. Дочь старшего брата мужа – *олч*.

Младший брат мужа – *дүд(в)*. Жена младшего брата мужа – *мень*. Сын младшего брата мужа – *қолоғ*. Дочь младшего брата мужа – *қолоғ*.

Мачеха – *ай инки* (назывная и звательная формы).

Отчим – (моложе матери) *йейи*, (старше матери) *ики*.

Пасынок (для отца) – *пәлләһ* (назывная форма), (звательная – по имени). Пасынок (для матери) – *пәлләһ* (назывная форма), (звательная – по имени).

Падчерица (для матери и отца) – *аҫ(в)уләһ* (назывная форма), (звательная – по имени).

Родной – *мыңҗәмәҫ*. Сродный – *әнпәмьҗ*. Родня – *мыңҗәмәҫ*.

Родители – *эй яҫтәҫ*, *йаккәтәм*. Дитя, ребенок – *аймоҫ*.

Сводный брат – *канмәли*. Сводная сестра – *канмәли*. Сводный брат (мать одна, отцы разные) – *катәти*.

Вдова – *икитыҫвәҫ* (без мужа живет). Вдовец – *имитыҫвәҫ*.

Женщина – *не*. Мужчина – *ку*.

Самка (собаки) – *ниҗ* (*әмп*). Самец (собаки) – *куй* (*дмп*).

Старик – *пыри ики*. Старуха – *пыри ими*.

Девочка – *айне*. Мальчик – *пәҫ*.

Девушка – *дҫ(в)и*. Юноша – *ынәҫ пәҫ*.

Женатый – *имәм ку*. Жениться (собирается) – *ими выҫяеҫ*. Выходить замуж – *куя мен*. Пожениться – *юҫәменсәҫән*.

Невеста – *ики мәнвийиль*. Жених – *ими вийҫийиль*. Сват – *мой ку*.

Родня по мужу – *рәҫәм яҫ*. Родня по жене – *рәҫәм яҫ*.

Близкая родня – *ваньнә*. Дальняя родня – *куҫонә*.

Сирота – *йиҫтыҫтыҫ*.

Семья – *эмтпыкәт*.

Муж с женой – *имин икин*.

Чужая, приезжая женщина – *пырәс ими* (так ханты называли меня).

(Каюково, Е.М. Рыскина, С.С. Мултанова. 1974-3. Отдельные листы 1-6).

9. СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО¹

На Югане раньше только 3 рода жили. Род – *сир*.

1. *Пуни сир* – Медведя род. К этому роду принадлежали две фамилии – Каюковы и Рыскины. Раньше люди из *Пуни сир* не могли жениться и выходить замуж за людей из того же рода. Каюковы и Рыскины (т.е. фамилии, принадлежащие к *Пуни сир*) называют и сейчас медведя *мон'и* – младший брат, или младшая сестра. Другие фамилии так медведя не называют.

2. *Мдҫ сир* – Бобра род. К этому роду относились Когончины.

3. *Нәҫ сир* – Лося род. К этому роду относились – Курломкины (Григорий Курломкин с 1919 г.р.) сказал, что он принадлежит к роду *Нәҫ сир*.

Сейчас деления по родам нет. Экзогамия не соблюдается.

(Записал Е.М. Титаренко в Каюкове от Е.М. Рыскина. 1973. Л. 39).

Сир – род. Знает только 3 рода на Югане. *Пуни сир*, *Мдҫ сир* и *Нхҫ сир*. Сам себя относит к *Пуни сир*. Все Рыскины, Каюковы относятся к *Пуни сир*. Раньше *Пуни сир* на *Пуни сир* не женились, сейчас это не соблюдается. Люди из *Пуни сир* медведя называют *моньи* – младший брат, или младшей сестрой его зовут. Люди из *Пуни сир* могут медведя убивать.

Мдҫ сир – Когончины.

¹ Записи, в которых не указано имя собирателя, сделаны Н.В. Лукиной.

Нхг сир – Курломкины. У Ярсомовых не знает, какой род, они с юганской Оби сюда приехали. Они называют медведя *айинкэли* (моей сестры дочь). *Ядун ики* – главный юганский шайтан, раньше медведем был.

(Записал Е.М. Титаренко в Каюково от А.Н. Рыскина. 1973. Л. 62).

Я показала Е.П. Ярсомову тамги юганских хантов, срисованные с документов Тобольского архива. Он определенно опознал несколько фигур глухаря, соболя, в ряде случаев не мог определить соболь или выдра, глухарь или гусь. Целый ряд тамг вообще не опознал, сказав, что здесь такие не рисуют и он не видел.

У нас (т.е. среди известных информатору семей) рисуют глухаря, соболя, лягушку. В каждой юрте рисовали своего зверя, например, в Лейковых – соболя, в Ярсомовых – глухаря. На Малом Югане рисовали бобра. В пос. Каюково есть хант Егор Караев, он с Малого Югана. Рыскины рисовали соболя, Покачевы тоже.

(Каюково, Е.П. Ярсомов. 1971–4. Л. 60–61).

Пуни сир – Каюковы, Мултановы, Рыскины, Усановы. Ярсомовы – *Нёг сир*. О *Маг сир* точно не знаю, они на Тромъегане живут. *Маг сир* – это *памыц яг* (другой народ). О нижеследующих фамилиях отвечал не очень уверенно. Когончин – *Нёг сир*. Епаркины, Лейковы, Чекаевы – *Нёг сир*. Курломкины, Покачев, Тайлаковы, Тауровы – не знает. У малоюганских хантов тоже не знает, какой *сир*, может быть, *Маг сир*.

(Юрты Каюковы-Летние, П.Т. Каюков. 1974-1. Л. 89).

Многие ханты до настоящего времени вместо подписи ставили тамгу. Ярсомовы рисуют глухаря, Каюковы – соболя, Сапаркины – лягушку, Рыскины – соболя. Лиза Рыскина

нарисовала соболя, как его рисует ее мать. [В оригинал макете: здесь поместить две извилистые линии – *Н.Л.*]

В верховьях Югана Тайлаковы или Тауровы рисуют солнышко. Усановы – *Пуни сир*. [В оригинал макете: здесь поместить фигурку человека – *Н.Л.*]

(Каюково. 1974-1. Л. 90).

Караевы, Кинямины – *Мэг-сир*. Ньюкумкины – *Нёг сир*. У Ньюкумкиных старинная фамилия – Сорока. «*Мд* – Сорока» (*Я* – Сорока), – говорит эта женщина.

(Каюково, Ньюкумкина. 1974-1. Л. 91).

Покачевы, Купландеевы, Епаркины, Лейковы относятся к *Пуни сир*. Когончины – *Мэж сир*.

– К какому *сир* относится? – *Муғу сироп ях?*

(Каюково, М.Н. Рыскин. 1974-3. Л. 29).

Его отец относится к *Пуни сир*, а мать – *Маг сир*, она с Малого Югана. У матери есть и сейчас свой личный дух. Бобров (*маг*) сейчас на Югане нет, а раньше были. По рассказам стариков, бобры пришли с Демьянки (животные, а не представители *сир* бобра).

(Каюково, Е.М. Рыскин. 1983. Л. 20–21).

Тамга – *кот* понтэ (руку поставил). Рыскины рисуют соболя, Ярсомовы – глухаря.

Каймысова на Малом Югане – *Мак сир* (*Мак=Маг*).

(Разные информанты).

10. НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ

От головной боли многие ханты прижигают больные места: на затылке или на висках. Просят кого-нибудь подержать горящую бересту на больном месте. Анна: «Им не больно, и следа от огня не остается». Некоторые ставят банки, используя для этого стакан.

(Каюково, А.М. Ярсомова. 1974-1. Л. 47).

Состав из табака и золы кладут в рот при зубной боли. Состав из пороха и черного перца в отношении 1:1 также применяют от зубной боли.

У дочери Ефима и Шуры на лице много болячек. В этом случае нужно отделить кусочек засохшей болячки в мешочек, отнести в лес выше по течению реки и повесить на дерево.

(Каюково, А. Рыскина, Е.М. Рыскин. 1974-1. Л. 50).

Названия месяцев. *Тылэйтэ тылес* – середина зимы. *Сары курэ́к тылес* – ложного орла месяц. *Курэ́к тылес* – орла месяц. *Урны тылес* – вороны месяц. *Дон васе́г тылес* – гуси-утки-месяц. *Койм тылес* – нереста месяц. *Имтой тылес* – «нет ни рыбы, ничего, все растет». *Моксон тылес* – муксуна месяц. *Сарэ́к тылес* – сырка месяц. *Сы́г тылес* – налима месяц. *Ай йилу ку* – (не переводится). *Ай* – маленький, *йилу* – жертвоприношение, *ку* – мужчина. На мой вопрос: не называется ли так, потому что в это время делали жертвоприношение? – ответили утвердительно. Период длился 15–20 дней. *Энтль йилко* – то же, но «большой» –

энтль. Месяцев было 12, началом года считалась середина зимы. (Характерно, что есть месяцы муксуна и сырка, которые в Югане не водятся).

(Каюково, Е.П. Ярсомов. 1974-3. Л. 7).

Ефим Рыскин показал в лесу растение, которое они называют «подснежником», потому что оно зеленое под снегом. Ханты прикладывают его к ранам. *Дилэ́н юх дывэ́т* «живого дерева лист».

Грибовидный нарост на березе, который ханты перетирают и добавляют в табак, – *ревлятут*. Его добавляют для смягчения горечи табака.

(Каюково, Е.М. Рыскин. 1980. Л. 3).

Е.М. Рыскин объяснил, что изображено на дереве по дороге к тому месту, где он поставил шайтанчика: «Здесь мы охотились, убили медведей. Их было в берлоге три штуки. Потом делают изображение на дереве. Сверху – мать, ниже – двое маленьких, это по бокам. А вверху делаются зарубки, сколько было человек. Вот, здесь 6 зарубок. А внизу тоже три зарубки, значит, три медведя».

(Каюково, Е.М. Рыскин. 1983. Л. 32).

Перед наступлением дождя маленькие дети в колыбелях сильно плачут. Петр Ярсомов говорит, что у него перед дождем «как вши по телу ползают».

(Каюково).

11. ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ¹

11.1. Объекты и явления природы

Най – огонь. Огонь – женщина. Огонь почитают. Плохой сор нельзя в огонь бросать, нельзя плевать на огонь. Это *йим* – запрет. Почему этого нельзя делать, не знает. Кто дал человеку огонь, не знает. Легенды про это не слышала. Огню подарки раньше старики делали: в пламя бросали красные тряпки, примерно 1,5 м. Огонь из одного дома в другой переносить нельзя. Хозяин никогда не дает. Спички можно давать, а огонь нельзя. Если огонь даст, то счастья в этом доме не будет.

(Записал Е.М. Титаренко в Угуте от Т. Каймысовой. 1973. Л. 5).

Дерево – *юг*, *пдй* – гром, *ндй* – огонь; они живые. *Кав* – камень, *йенк* – вода; они неживые. Почему одни предметы являются живыми, а другие неживыми – не знает, чем они отличаются.

(Записал Е.М. Титаренко в Угуте от К.И. Кельмина. 1973. Л. 24).

Метеорит летит – это душа какого-нибудь лунга. Если звезда летит и длинный хвост – это *лунг ики* по небу ходит. За ним золотой след остается. Это золото на землю падает.

Солнце (*кдтль*) – *анки*, месяц (*тылэс*) – *ики*. Для них *поры* общие делают. Определенного времени нет. Люди всех

¹ Записи, в которых не указано имя собирателя, сделаны Н.В. Лукиной.

фамилий участвуют. Оленя забивают. Солнце – мать, оно всех греет. Солнце и месяц *Торум ики* создал, чтобы какой-нибудь дурак в лесу не заблудился и не замерз. Здесь не говорят, что месяц и солнце – муж и жена и что все *канти ко* – их дети.

Небо – *Торум ваг*. *Ваг* – город, деньги (много, значит). *Торум ики* дверь открывает – ночью светло, как днем, будет. Дождь, снег – Торум посылает на землю. *Санки иҗэн ики* – отец, это имя (*нхм*) Торума.

(Записал Е.М. Титаренко в Каюкове от Е.М. Рыскина. 1973. Л. 47, 57).

11.2. Души и духи, природные существа

Духи везде живут, их много. Мы их не видим. Шаманы могут духов видеть. *Кынь ики* (*кынь* – болезнь, *ики* – старик). Его еще называют *пыҗте сакэн ики* – в черном платье старик. Он людей собирает. *Кынь ики* болезнь приносит людям. Он живет под землей. Ночью он по земле ходит. Он идет туда, где люди близко есть. На кого *Кынь ики* похож, никто не знает. Простой человек его если увидит, то сразу умрет. Говорят, что шаман может увидеть *Кынь ики*. Он не умрет, если увидит *Кынь ики*. *Тирта ку* может вылечить себя. *Кынь ики* людям болезни насылает, поэтому для него делают подарки. Если человек заболевает, то к шаману не всегда обращаются. Люди сами делали подарки для *Кынь ики*.

Для *Кынь ики* шили черное платье (*пыҗте сак*) метра 2–3 длиной и вешали в лесу на дереве. Определенных мест для таких подарков не было. Могли вешать в любом месте, только обязательно подальше от деревни, чтобы люди не увидели *Кынь ики*, когда он придет за подарком. Оленей для *Кынь ики* не забивают. Смерть человеку дает не Торум, а *Кынь*

ики, он Торуму не подчиняется. Он хозяин под землей, а Торум на земле. *Илск кантаг от* – маячки. Это злые духи. Они подчиняются *Кынь ики*. Они тоже приходят к человеку перед смертью, как и *Кынь ики*. Если человек увидит *илск кантаг от*, то скоро умрет. Это тоже духи лунки, только злые. Сейчас они мало маячат, потому что шаманов меньше стало. Кроме шамана с ними никто не может обращаться. Шаман их если увидит, то не умрет. Простые люди сразу умирают.

Кдн ики – добрый бог, главный старик (*кдн* – главный). Он живет, как и Торум, на небе и подчиняется ему (четко определить функции информант не смог – *Е.Т.*). Для *Кдн ики* делали подарки, вешали материал на деревья в лесу, забивали иногда оленей, говорили, что жертвоприношение для *Кдн ики* ничем не отличается от жертв, которые делают для Торума. Все делали так же. Только просили о здоровье и удаче не Торума, а *Кдн ики*. Определенных мест для жертв *Кдн ики* нет. У него также просили удачу в охоте.

(Записал *Е.М. Титаренко* в *Угута* от *М.М. Рыскина*. 1973. Л. 16–18).

Кдн ики – Главный старик. Живет он на небе и подчиняется Торуму. Огонь по небу летит – это значит *Кдн ики* по небу ходит. Для него делали *поры*, и *ир* тоже делали. Ни одного места, где делают подарки только *Кдн ики*, не знает. Говорит, что в любом месте делали. Для него вешали материал на дерево, иногда забивали оленя. Раньше царя называли *Кдн ики*. У *Кдн ики* просили, чтобы он здоровья дал, удачи, счастья. Когда шаман *тирта ку* ворожит, он разговаривает со всеми духами и с *Кдн ики* тоже.

Дух – *лулк*. Духов на земле много. Сколько их, точно никто не знает. Они живут на небе, в воде, под землей. *Вонт лулк*, *йенк лунк*, *Кдн ики*, *Пудос анки* – добрые духи. Торум тоже как *лунк* считается, только его *лунком* никто не называ-

ет. Говорят просто: «Торум». *Пудос анки* – мать Торума, главная женщина. Она живет на небе, определяет судьбу каждого человека. Подарки для нее могли делать и мужчины, и женщины. Для *Пудос анки* забивали оленей.

Вонт лулк – лесной дух, добрый дух. Он не один, их много. Живут они в лесу. Он помогает охотнику в лесу, если тот *поры* сделает для него. Оленей для *вонт лулка* забивали, а материал не вешали. Просто, когда охотники приходили в лес, делали *поры*. Готовят еду, ставят бутылку вина и приглашают *вонт лулка* покушать с ними, чтобы он им побольше пушнины дал. *Вонт лулк*, как будто, приходит есть вместе с ними.

Раньше старики говорили, что *вонт лулки* есть мужчины и женщины. Они похожи на людей, только у них черная шерсть на теле. *Вонт лулки* иногда забирали охотников к себе и жили с ними. Женщин тоже забирали. Если баба в лесу пропала – значит, *вонт лулк* ее к себе взял. *Вонт лулк* подчиняется Торуму.

Йенк лулк – водный дух. Их тоже много. Они живут везде, где есть вода. У *йенк лулгов* есть главный дух – *Ась ики*. Для *йенк лулгов* перед рыбалкой делали подарки, берут кусок материи, привязывают к нему камешек и бросают в воду. Просят, чтобы *йенк лулк* рыбы много дал, чтобы не утонул никто. Оленей для них не забивали.

Кэбий – деревянный молоток. Из корней такие молотки (как на Васюгане – *Е.Т.*) не делали. (Культовых молотков не было – *Е.Т.*).

(Записал *Е.М. Титаренко* в *Угута* от *К.И. Кельмина*. 1973. Л. 19–21).

Раньше в домах *лунков* держали. Делали их из дерева. Одевали в кисы, *сак*. Хозяин делал себе только одного *лунга*. Если хозяин умрет, то *лунков* передавали живым родственникам; если жена или дети умрут, то не передавали.

Для лунгов устраивали угощение *поры* 1–2 раза в месяц. Их снимали с чердака и ставили на стол. На стол собирали еду, ставили вино. Потом угощали духов, просили их, чтобы они берегли здоровье членов семьи, счастья просили, удачи в промысле. Эти духи подчиняются Торуму.

Тень – *йипэл*. Душа – *ил'эс*. Человек умрет – душа его уходит. Если по болезни умрет человек, то *ил'эс* пойдет под землю. Если человека убьют, то *ил'эс* вверх пойдет. Кто собирает *ил'эс*, не знает.

(Записал Е.М. Титаренко в Угута от К.И. Кельмина. 1973. Л. 23–24).

Вонт луңк и *йенк луңг* подчиняются *Кдн ики*. Он за все отвечает. Он следит за всеми духами, правильно ли они добычу дают, во всем ли они Торуму подчиняются.

Раньше лунгов дома держали, и сейчас некоторые держат, только не показывают – боятся. Лунгов в семье было несколько. Для детей лунгов не делали. Только муж и жена имели духов. Если человек умрет, то лунгов отдавали родственникам. Отдают обычно брату или сыну. Как часто и зачем заменяли лунгов, не знает. Делал лунгов человек для себя. Идет в урман, выбирает большой кедр, делает две поперечные зарубки и откалывает чурку, из которой он делает лунга. От одного дерева два раза не откалывали – дерево засохнет. Лунгов делают только из кедра, из другого дерева нельзя делать. (Почему? Не знает). Лунгов одевают в кисы, подвязывают поясом. Эти духи защищают человека от беды. Счастье они тоже дают. Перед охотой охотник просит у них удачи, делают для лунгов угощение – *поры*. Охотник, когда идет на охоту, всегда с собой своего лунга берет. Он в лесу защитит охотника от маячки илэк *кантаг от*. Удачу в охоте тоже лунг дает. Если жену возьмешь, то сам ей лунга делаешь, она сама не приносит своего лунга к тебе в дом.

(Записал Е.М. Титаренко в Угута от М.М. Рыскина. 1973. Л. 28).

Сдрни кдн ики. *Сдрни* – золото, *кдн* – главный, *ики* – старик. Его считают старшим сыном Торума (*Торум паг*). Он смотрит за тем, как живет народ. Следит за всеми духами, смотрит, подчиняются ли они Торуму. *Сдрни кдн ики* определяет, кому сколько жить. Он людям хорошо делает. Он больным поможет. *Тирта ко* (шаман) может его увидеть. *Тирта ко* со всеми духами разговаривает. Простой человек *Сдрни кдн ики* не увидит. Он живет на небе.

В юртах Каюковых есть свой дух – *Нёрэм вонт ики*. (*Нёрэм* – болото, *вонт* – лес, *ики* – старик). Он же – *Кораң кдн ики* (*кораң* – вид, облик). Это главный лесной охотник. *Нёрэм вонт ики*, *кораң кдн ики* живет только в юртах Каюковых. (Юрты Каюковы от пос. Каюкова примерно 25 км). Общее *поры* и *йир* для него делают только там. Этого духа еще называют *Ягун ики* – самый главный дух по всему Югану.

В каждом юрте свой дух. Главный дух, который особенно почитается в юртах Рыскиных – *Соғ юғ ики* ‘Посох старик’. В Тауровых юртах главный дух – *Кдт мығ ики*. (*Кдт* – дом, *мығ* – земля, *ики* – старик). Там есть высокое место, где для *Кдт мығ ики* делали *йир* и *поры*. Он только в Тауровых живет, больше нигде. Ни *Соғ юғ ики*, ни *Кдт мығ ики* сыном Торума никогда не называют.

Йеңк лунг – водяной дух, они в Оби живут, здесь, в Югане – нет. *Ась ики* – Обской старик, главный водный дух. Он в Оби живет. В самом устье Оби, говорят, место есть, где *Ась ики* живет. Все *йеңк лунги* подчиняются *Ась ики*. *Ась ики* рыбу сам делает и гоняет по всем речкам. *Йеңк лунги* раздают рыбу людям, им подарки делают. Кусочек материи в воду бросят, и говорят *йеңк лунгу*, чтобы рыбы больше дал. Иногда оленя забивали, *поры* для него делали. *Поры* делали не в определенное время, хоть когда можно. В любом месте. Собираются все жители юрт, покупают оленя и ведут к берегу. На берегу оленя забивают. Перед тем, как забить оленя,

кто-нибудь говорил молитву. Просил, чтобы *йеңк лунг* рыбы много давал. С оленя снимают шкуру. Голову и ноги не отрезают. Шкуру целиком бросают в воду для *йеңк лунга*. *Йенк луңги* Торуму не подчиняются.

Ась ики считают сыном Торума (*Торум паг*), но так его никогда не называют. Торум – бог. Он создал весь мир. Животных, лес создал Торум. Людей тоже, говорят, Торум сотворил. Духов создал не Торум. Они сами на земле появились. Для Торума все ханты *йир* делают.

Торум анки – мать бога, мать Торума. Ее не почитают, ханты этому богу не молятся, *йир* для нее не делают. (Показал на висящую в доме икону Богородицы и сказал, что это *Торум анки*, она Торума на руках держит). *Пуҕос анки* и *Торум анки* – это не одно и то же. *Пуҕос анки* – главная женщина. Все ханты ее почитают. Живет *Пуҕос анки* на небе, ее душа на небе живет. Сама она живет в Варьегане. Там есть место, где ее поминают. Родится человек – *Пуҕос анки* определяет, долго или мало он жить будет.

Мыҕ анки – Мать-земля. Торум на небе главный, а *Мыҕ анки* на земле главная. Ее все почитают, подарки для *Мыҕ анки* делают во всех юртах. Сестрой или дочерью Торума *Мыҕ анки* не называют. У нее и у Торума одинаковая сила.

Кынь ики – злой дух. Его еще называют *Кынь лунг* (*Пыҕте сакэн ики*). *Кынь* – болезнь. *Кынь ики* считают сыном Торума (*Торум паг*), но он Торуму не подчиняется. Он наоборот все делает, назло Торуму. За это его бог и заточил под землю. *Кынь-ики* под землей живет. Он людям болезни делает. Простой человек его если увидит, то сразу умрет. Только шаманы (*тирта-ко*) может увидеть *Кынь-ики*. Шаман умеет от себя беду отвести.

Тирта-ко когда лечит человека, просит здоровья у Торума. С *Кынь-ики тирта-ко* не разговаривает. *Кынь-ики* собирает души всех умерших.

Ил'эс кул'эс – душа мертвого. Души умерших – злые. Они становятся маячками (*ил'эс-кантаг-от*). Они людей пугают.

(Записал Е.М. Титаренко в Каюкове от Е.П. Ярсомова. 1973. Л. 33–36).

Домашние духи-покровители. Каждая хантыйская семья раньше лунгов держала, да и сейчас многие держат. (Деревянные, маленькие идолы – это духи-покровители семьи). Для детей этих духов не делали, то есть идолов не вырезали. Как только мужчина женится, заимеет свой дом, так делает себе лунгов. Деревянных идолов вырезает два – для жены и для себя. Женщина, пока замуж не выйдет, деревянного лунга не имеет. Для нее муж делает духа – *луңк ими* (рис. 193). Этих идолов (семейных духов) от отца к сыну передают. Если человек чувствует, что умрет скоро, то везет идола туда, где взял дерево, чтобы выстрогать этого лунга. Их выстрагивают из кедровых дощечек. Не из всякого можно дерева лунга делать. Из кедрового полена, которое валяется на улице, нельзя делать лунгов. Когда отец лунгов делал, он ездил с матерью на *Нлҕус ях*. Там есть одно место, где все Рыскины кедровую древесину берут. Это место называется *Лунг яҕ кдт*. Оно находится в верховьях *Нлҕус ях*. Высокое место, окруженное кедром. Там живет главный дух *Лунг яҕ эвут ики*; *лунг* – дух, *яҕ* – народ, *эвут* – святое, *ики* – старик. Когда люди приезжают к этому месту, они делают *поры* для *Лунг эвут ики*. Обычно приезжают муж с женой. Ставят угощение для этого духа. Потом мужчина выбирает кедр возле этой горы и отрезает от ствола две небольших дощечки, из которых уже дома делает лунгов. Деревянных идолов наряжают в сак, кисы. Хранят их в доме. Если охотник на охоту едет, то он своего лунга с собой берет, чтобы удача ему в охоте была, чтобы не заболел.

Когда лунгов назад, на *лунг яг кдт мыг* привозят, также делают *поры*. Лунгов оставляют у подножья горы. На гору людям заходить нельзя: *Лунг яг эвут ики* накажет. Когончины тоже в этом месте берут дерево для лунгов. Другие фамилии не знаю, где берут дощечки для изготовления лунгов. На верхушку горы не лезут люди, потому что они нечистые. Лунги все чистые. *Лунг яг эвут ики* убьет человека, который на вершину горы залезает. *Поры* делают под горой, возле кедра, от которого древесину берут для лунгов.

У человека много духов-покровителей. Есть такие, которых люди сами не видят. Если человек умирать собирается, он говорит, что хочет своих духов кому-нибудь передать. Кто захочет, тот забирает у него духов. (Их тоже *лунг* называют). Только прежде хозяину духов надо подарить новую одежду (рубашу и брюки). После этого духи служат уже новому хозяину. Такие духи всегда на чердаке живут. Этих духов мужчина только мужчине может передать. Не обязательно, чтобы родственник взял духов. Любой человек может взять лунгов.

Тёрэс най анки – мать всех огней. (*Тёрэс* – огромный, много, море, *най* – огонь, *анки* – мать). Ее все ханты почитают по всему Югану. Она людям огонь дает, следит за тем, чтобы у людей всегда был огонь. *Тёрэс най анки* не должна видеть, как люди нужду справляют. Мочиться ходят далеко от костра.

Огонь из одного дома в другой переносить нельзя. Это атэм. Если человек взял огонь из одного дома и принес себе в дом – это все равно, что украл. Хозяину, у которого огонь украли, несчастье будет. Дети болеть будут, удачи в промысле не будет. Спички можно давать. Угли из очага нельзя. Если огонь в печи пищит, значит, из родственников кто-то в гости скоро приедет. Его огонь вперед пришел и шумит в печи.

Раньше ворожили на огне. Соберут в чувале золу в одну кучку. Хозяин берет целую пригоршню золы и говорит, что это рыба. Пойдет на рыбалку – много рыбы поймает.

Кроме духов-покровителей семьи во всех юртах держат общих лунгов (идолов). В каждом юрте – свой шайтан.

Самый главный дух и шайтан на Югане – *Ягун ики* (Реки старик). Его еще называют *Нёрэм вонт ики*, или *Коран кдн ики*. Все остальные духи, живущие на Югане, ему подчиняются. Все юганские шайтаны (идолы) от него зависят. *Ягун ики* – хозяин реки (Югана). Это Каюковский шайтан, все Каюковы приезжают на *поры* в честь *Ягун ики*. С Тромьегана, с Пима, с Агана Каюковы ездят каждый год сюда, в юрты Каюковы, чтобы сделать подарок *Ягун ики*. Для него делают общее *поры*. Оленей приводят и забивают. Сам идол находится в юртах Каюковых. Там в лесу стоит лабаз из лиственницы. В этом лабазе на оленьей шкуре сидит деревянный идол *Ягун ики*. На нем соболиный *сак*, шапка из выдры. Держать этого идола могут только Каюковы. Ежегодно назначается человек (из семьи Каюковых), который должен ухаживать за *Ягун ики*. Он чистит каждый месяц лабаз. Этот же человек собирает подарки для *Ягун ики*.

Если кто-нибудь захочет сделать подарок для *Ягун ики*, то дает деньги, шкурку или материал тому человеку, которого назначают ухаживать за *Ягун ики*. Только он может положить подарки в лабаз. Шаман (*тирта ко*) говорит, кому очередь ухаживать за идолом в этом году. Держат *Ягун ики* только Каюковы, но поклоняются ему все, кто на Югане живет. Душа *Ягун ики* живет на небе. У всех идолов души живут на небе.

Сог юг ики – Посох старика. Этого шайтана держат Рыскины. Сейчас его держит отец Ефима Михайловича Рыскина. Сам шайтан находится в пос. Каюково (Рыскины). Сам шайтан представляет собой посох, сделанный из метал-

ла. Хранят его в специальном лабазе (рис. 194). *Соҕ юҕ ики* подчиняется *Яҕун ики*. Все юганские шайтаны ему подчиняются. У *Соҕ юҕ ики* тоже хозяева меняются. Держат его только Рыскины. Они же для него *поры* делают. Оленя забивают, деньги в лабаз кладут. Если у человека сильно ухо заболит, это значит, что *Соҕ юҕ ики* колет его посохом в ухо. Человек этот говорит о своей болезни шаману *тирта ко*. Шайтан объясняет, что *Соҕ юҕ ики* к этому человеку просится – ему поручают ухаживать за лабазом, где *Соҕ юҕ ики* лежит. Болезнь тогда у него сразу проходит. Если люди из других юрт сюда пришли, то они дают материал или деньги Рыскиным, чтобы хозяин подарок сделал для *Соҕ юҕ ики* от их имени.

Вел колт ики. (*Вел* – красные пятна на коже (болезнь), *колт* – умирать, *ики* – старик). Этот лунг общий дух для всех Курломкиных. Он сейчас хранится в юртах Курломкиных в верховьях Югана. *Вел колт ики* – идол, сделанный из дерева. Его хранят в специальном лабазе на двух столбах. Для этого лунга *поры* делают Курломкины. Другие люди тоже монеты ему кладут. Кушанье ставят. Если охотники (не Курломкины) пришли на охоту в те места, они тоже этому идолу подарки делают, чтобы он их не тронул.

Выше Усть-Балыка, по Юганской Оби есть святое место – *Лукут эвут*. Там живет *Лукут эвут ики* – глухариный бог. Глухари, рябчики, куропатки – его птицы. Этому духу тоже ханты поклоняются. В юртах Ярсомовых младший шайтан *Лукут эвут ики* есть. Его Ярсомовы из Саратеевых на Юган привезли. Ярсомовы этому духу поклоняются. Сейчас он хранится у Егора Павловича Ярсомова, говорят, что он его держит. Он сам всем людям говорит: «Вы не обходите мой дом кругом». Дом обходить нельзя, если в доме шайтана держишь. Люди из юрт (Ярсомовы) просят Егора, чтобы он им идола отдал. Юрты Ярсомовы сейчас без шайтана остались.

Ярсомовские все *поры* делают для *Лукут эвут ики*. Другие ханты редко делают или вообще не делают. Ярсомовы – это юганские ханты. Они с Оби или с низовьев Югана сюда пришли, поэтому они и почитают *Лукут эвут ики*.

У *Яҕун ики* есть телохранители. Они людей тоже охраняют. Добрые духи. Если человек в лесу идет один, и ему кажется, что кто-то идет позади, то он вспомнит о телохранителях *Яҕун ики*, сразу боязнь проходит.

Медведь, лось – эти звери *Лунг ики* подчиняются. Он их хозяин. Ящерицы (*сошал*) – это завязки (*котэл*) *Яҕун ики*. *Котэл* – завязки, которыми нырики выше колен подвязывают. Змеи *коҕ вайаҕ* (длинный зверь) – это завязки *Яҕун ики*. *Чанч юҕул* – завязки, которыми подвязывают нырики ниже колен. Если юганские люди на Обь поедут и змею увидят, это плохо, беда будет.

Все шайтаны – дети *Торум ики*. Они ему подчиняются. *Торум ики* и *Санки иҕэн ики* – одно и то же. *Торум* – это икона. *Санки иҕэн ики* – дух бога. *Санки* – дух, *иҕэн* – отец. Когда молятся (*поры*), его так называют.

(Записал Е.М. Титаренко в Каюкове от Е.М. Рыскина. 1973. Л. 39–54).

Если охотник за день 7 соболей убьет, то ночью к нему обязательно *вонт-лунг* придет. Охотник приходит к своей палатке и около костра делает шалаш из мха для *вонт лунга* (*йий вотл* – шалаш для *вонт лунга*). Между палаткой охотника и шалашом обязательно костер должен быть. Охотник обдирает седьмого соболя, режет его на 3 части. Голову отрезает и задние лапы, сварит все это и в шалаш *вонт лунга* положит. *Вонт лунг* ночью придет и будет охотнику соболиное мясо давать. Сначала протягивает охотнику голову, потом заднюю часть тушки. Если охотник возьмет голову, то много зверей будет убивать, богато жить будет, но скоро

умрет. Если заднюю часть охотник возьмет, то добывать нечего будет. Будет ходить и ходить по урману. Среднюю часть тушки если возьмет охотник, то жить долго будет, ни бедно, ни богато. Изредка пушнину добывать будет. Охотник старается у *вонт лунга* среднюю часть соболя из рук вырвать. *Поры* для *вонт лунга* не делают. Так просто зовут их, когда едят в лесу.

Маленького ребенка не считают человеком до тех пор, пока он людей не начнет видеть. Но душа илэс у него есть. Если маленького ребенка, еще без зубов одного в доме оставляют, то на него нож или ножницы кладут, чтобы илэс кантаг от боялись. Если так не сделаешь, то маячки илэс ребенка утащат, он умрет. Когда в доме печь топится, и ребенка одного оставляют на несколько минут, то огню говорят: «*Самэл тывтеле* – следы», или «*тытсле* – храни». В каждой люльке обязательно должны спички лежать. Они тоже хранят детей. Если маленьких детей одних дома оставляют, то нос им сажей мажут. Маячки боятся сажи и углей. Маячки у людей *илэс* (душу) воруют. Маячки – это души умерших.

Душа человека – *илэс*. Еще душу называют *кайни* – комар. Человек спит – душа у него уходит. Сны видит – это его душа по земле ходит. Если человек ночь не спал, то он говорит: «*Нёл удти энтэ йауҕк*» (через нос не переходила).

(Записал Е.М. Титаренко в Каюкове от Е.М. Рыскина. 1973. Л. 56-59).

Ядун ики держат Каюковы, но он общий. Если человек уехал с Югана на другую реку, то он посылает подарки для *Ядун ики*, пригоняет оленя. И его дети так же делают. У *Ядун ики* на голове шапка надета набок. Он когда-то парик снял, чтобы вшей поискать, а в это время гром, он испугался, надел быстро шапку, но набок. Так и сидит. Справа от него маленький человек (антропоморфная фигурка).

Покачеев, приехавший сегодня из юрта Лейковых с женой Ньюкумкиной, родом с Малого Югана, купили бутылку вина специально для *Соҕ юҕ* и передали ее жене Рыскина Михаила Наумовича, который «держит» *Соҕ юҕ*.

(Каюково. 1974-3. Л. 5-6).

По мнению хантов, рождение людей происходит по воле *Пудос Анки*. Это лунг, живущий на небе. С просьбами о том, чтобы у бездетных появились дети, к *Пудос Анки* не обращались. Для нее держали у себя платок или ткань, никуда не вывешивали.

Если ребенок заболел, считалось, что «лунги чего-то хотят», им нужно сделать подарок.

(Каюково. 1974-3. Л. 29).

Наш отец Михаил Наумович (умер) завещал духа *Соҕ юҕ ики* Ивану. Иван говорит: «Теперь он считается духом Рыскиных. Ходим к нему, когда хотим отца вспомнить». Вчера они ходили на поминки отца на кладбище. Для *Соҕ юҕ ихи* подарки делают небольшие – ленту или носовой платок.

Для *Эут ими* и *Кынь ики пэҕ* в 1975 г. построили новый амбар. Старые стрелы выбросили.

Ядун ики находится в юртах Каюковых-Летних, он принадлежит Каюковым. Местные русские видели его и считают, что на нем действительно шуба из 40 соболей. Сейчас его «владельцем» является Михаил Каюков – сын Лисака Павловича Каюкова (брат Ивана Павловича, живущего в пос. Каюкове). Весной этого года для *Ядун ики* устраивали общественное жертвоприношение. Приезжали с Малого Югана. Пожертвовали оленя и барана. Женщинам нельзя видеть *Ядун ики*.

Сто железных человечков, принадлежащих Павлу Рыскину, исчезли из хранилища в лесу. Е.М. Рыскин предпо-

лагает, что их взял И.П. Каюков. Говорят, что шесть фигурок видели в Ханты-Мансийском музее.

(Каюково, Е.М. Рыскин, И.М. Рыскин. 1980. Л. 2).

У нас, у Рыскиных были *ди́дэн лу́к* «живые духи». Они живут на чердаке в темном месте. Бывают сильные *ди́дэн лу́к*. В войну, когда не было табака, они воровали у других в лабазе листы табака и приносили хозяину. Один *ди́дэн лу́к* украл рыбу в лабазе и принес хозяину. Потом хозяин рыбы обнаружил ее, и хозяин духа отдал ему два соболя.

12.09. мы снимали на кинолентку духа Рыскиных – Со́г ю́г ики. Это «правая рука» духа *Я́дун ики*, находящегося в юртах Каюковых-Летних. *Со́г ю́г ики* принадлежит Ивану Михайловичу Рыскину. Он с большими колебаниями и сомнениями согласился, чтобы мы сняли духа на кинолентку. И поставил условие, чтобы его не было в кадре. Но дела и гости постоянно его отвлекали. Наконец он сказал, чтобы духа показал нам его брат Ефим. Передавая ключи от амбара, Иван дал наказ, чтобы духа из амбара не выносили, и сам Ефим не снимался бы в кино. Ефим его не послушался и показал как самого духа, так и обращение с ним при жертвоприношении. По возвращении Ефима Иван спросил его обо всем. Ефим, естественно, всего не рассказал. Иван особо спросил, пили ли мы вино при угощении духа. Ефим сказал, как было: А. Михалёв выпил положенное при угощении вино, а я отказалась. На это Иван заметил, что мне следовало тоже хотя бы пригубить.

В этот день у Ивана были гости, и одна семья хотела сделать жертвоприношение духу, но сын был пьян, и дело было отложено. Иван: «Мы часто туда не ходим, как отца хотим вспомнить, так пойдем с Ефимом». Иван следит, чтобы на духе было не более 7 подарков. Подарки – головной платок и ленты, красные и белые. Повязывают их особым обра-

зом, и Ефим потренировался, прежде чем повязать наш дар – красную полоску ткани.

(Каюково, Е.М. Рыскин. 1980. Л. 7–8).

18–19 сентября снимали кинокамерой в юртах Каюковых-Летних. Здесь ханты живут недолго, основным поселением они считают юрты Каюковы-Зимние, в 3 км от Каюковых-Летних.

Остановились у Лисака Павловича Каюкова. Его сын Михаил, лет 22, является хозяином духа *Я́дун ики*. Его мы не видели в прошлый приезд. Лисак Павлович интересен был для нас и тем, что он знает песни медвежьего праздника и часто исполняет их. Они без долгих уговоров согласились провести А. Михалёва к *Я́дун ики*. По их последующим разговорам я поняла, что они не могли отказать гостю, пожелавшему навестить духа. Михаил должен провести к духу любого ханта, приехавшего принести жертву. Дух находится в амбарчике рядом с домом Михаила. Амбар всегда на замке. При рождении каждой новой луны духа окуривают чагой.

А. Михалев сделал набросок того, что увидел в амбарчике (рис. 195). У стены напротив входа построены нары. Слева от входа на доске лежит большой кусок чаги (1). Ею окуривают, когда кто-нибудь поднимается на нары. У левой стены столик на ножках, высотой около 50 см (2). На столике пустая рюмка. В нее наливают вино, когда угощают духа. Под нарами лежат оленьи шкуры (3). Они прежде лежали под духом *Я́дун ики*, теперь «износились». На нарах в центре лежат 3–4 шкуры (4), на них куски белой ткани (5), встречается и цветная. На ткани лежат в ряд фигурки медведей (6). Фигурка в центре изготовлена из шкурки, по бокам от нее по 7 деревянных фигурок медведей из дерева. Далее – тарелочка, на ней деньги: монеты и бумажные до 25 рублей (7). Далее сидит дух *Я́дун ики* (8). Это деревянная антропо-

морфная фигурка. На ней синий халат, на шее повязано несколько белых платков. Один из них сняли и подарили А. Михалёву. На голове шапка из выдры (шапка одета прямо, хотя не раз приходилось слышать, что она одета набекрень).

Позади духа стоят 2 помощника и 2 помощницы. Их не видно из-за спины *Ядун ики*, и А. Михалёв их не видел. Слева и справа от *Ядун ики* по две группы стрел (9). Большие стрелы связаны в пучки по 7 штук, число маленьких не установлено. К стене позади *Ядун ики* прибиты веревочки. Ими привязывают шкуры, на которых сидит *Ядун ики*, чтобы они не съезжали с нар.

В левом углу нар – куски ткани (10), узлы (11) и сундучок (12). Сюда положили подарок, принесенный А. Михалёвым – белую ткань. Справа на нарах узлы и антропоморфная фигура из дерева (13). Ее два помощника и 2 помощницы находятся за спиной *Ядун ики*.

Фотографировать и снимать на пленку ханты не разрешили. Уверяют, что от этого будет несчастье и для владельца духа – Михаила, и для того, кто фотографировал.

(*Юрты Каюковы-Летние. 1980. Л. 10–11*).

На мой вопрос о том, откуда появились олени у хантов на Югане, в один голос ответили: их пригнал с Тромъегана *Ядун ики* («Бог» – называют его по-русски). *Ядун ики* – это муж *Казым ими*. По не вполне ясным рассказам Филиппа и Степаниды дело было так. Его (*Ядун ики*) окружили нартами (или санями, так как здесь же были упомянуты лошади), поставленными одна на одну. Натянуты были веревки с колокольчиками, чтобы при перепрыгивании они зазвенели. *Ядун ики* хитрый, и он полез внизу. У него был небольшой щенок, которому он перерезал горло, чтобы тот не запищал.

Когда пришел на Юган, то разбрасывал из сумки камни, теперь на этих местах перекаты. Он же создал боры.

«Дальше Каюкова боров нет», – говорят ханты. В какой-то связи с ним находится *Эвут ими* (как будто, жена его). Возле юрт Каюковых он создал небольшую речку *Пен сан* и населил ее ершами, которых он создал из стружек. Первые люди кормились ершами.

Один раз в месяц, когда луна на ущербе, хранитель *Ядун ики* должен посетить духа. Я повторила вопрос об оленях: «*Ядун ики* пригнал оленей сюда от *Кызым ими*?» Мне ответили, что он сам придумал их здесь: «Из головы вышли». У *Ядун ики* есть еще имя *Сэрки* (*Сергей*).

(*Каюково, Ф.С. Каюков и его жена Степанида. 1983. Л. 7–8*).

Кошка *кёска* считается духом лунг. Ее нельзя бить. Этот лунг как-то связан с *Казым ими*, как будто, ее дух. В пос. Каюкове кошки появились в домах несколько лет назад.

(*Каюково, И.М. Каюкова. 1983. Л. 15–16*).

Для *Пуҕос анки* дарят женщины платок. После этого платок носят на голове, как обычный. Ирина М. рассказала, что ее муж как-то написал на углу платка букву П., знак того, что он был пожертвован для *Пуҕос анки*. В моем присутствии Ирина стала искать этот знак на платке, но не нашла и решила, что он исчез при стирке.

(*Каюково, И.М. Каюкова. 1983. Л. 15–16*).

В этот приезд уже третий раз слышу от Ефима Михайловича Рыскина рассказ о живых духах *л'ил'эн лунг*. Есть и новая подробность. Человек, владеющий этими духами, перед смертью может отдать их любому другому. Предлагает кому-либо определенному: «Хочешь – бери». Затем скажет: «Отдаю такому-то своих духов». За это получивший должен дать новые штаны и рубаху. Можно отдать и не перед смертью, в любое время. Просто объявляет: «Кто

хочет взять духов?» Тот, кто возьмет живых духов, будет пользоваться их помощью (они могут приносить хозяину нужные вещи, забирая их даже в закрытых лабазах), но сам долго не проживет. Ефиму известен один случай, когда на такое предложение никто не согласился.

Отец Ефима умер 4 года назад, а мать жива. Мать говорит ему, что нужно отнести шайтанчика отца к протоке Рыскиной (фамилия отца – Рыскин), что недалеко от Каюкова (бывших юрт Рыскиных), и поставить там. Шайтанчик (так называет его Ефим на русском языке) сделан из кедра, растущего у этой протоки, поэтому его нужно вернуть туда. Это личный дух, его не может взять себе никто другой, в том числе и сыновья. У отца были еще две фигурки: лося и медведя. Сейчас они у матери, Ефим хочет их взять.

Личный дух Михаила Наумовича Рыскина, отца Ефима (рис. 196). Фигурка из кедра, тщательно обработанная, на лице следы угощения, видимо, крови. Нос выступает от верхнего края головы. Глаза и рот – углубления. Уши – точка-углубление + резная линия – раковина.

Верхнее одеяние – кусок цветастой ткани, сложенной углом, перекрещивается на груди, завязывается на спине. Под ним накинута кусок цветастой ткани прямоугольной формы. Под ним – кусок цветастой квадратной ткани, сложен по прямой, накинута на голову и туловище, как и предыдущие. Далее – распашная одежда из черной ткани (рис. 197). Под ним – распашная одежда из белой ткани, покрой такой же. Под ними – распашная одежда из цветастой ткани, покрой такой же. Все части одежды – из прямоугольных кусков ткани, которые оторваны без использования ножниц. На плече шва нет, в боках – швы, рукава пришиты под прямым углом, у них шов вниз. В плечах сделаны разрезы, в них шит воротник, его длинные концы свисают на грудь прямоугольни-

ми лопастями. Завязки пришиты немного ниже верхних кромок пол. У одного из халатов в одном боку шит клин с расширением вниз.

Сейчас лабаз с духом *Ядун ики* передан молодому 20-летнему Сергею Филипповичу Каюкову. Он живет в Каюкове.

Вчера Ефим М. отнес фигурку личного духа своего отца и поставил к урье Рыскиной. Поставил со словами: «Твой хозяин умер, возвращайся, откуда пришел». Для этого духа время течет сейчас в обратном направлении, и день равен году.

(Каюково, Е.М. Рыскин и личные наблюдения Н.В. Лукиной. 1983. Л. 20–24).

Ефим Михайлович Рыскин показал нам фигурку медведя из дерева и две фигурки, видимо, ящериц, вырезанные из кости (рис. 198). Эти фигурки принадлежали его отцу, а после смерти хранились в лабазе. Теперь мать решила передать их с кем-нибудь в лабаз *Ядун ики*. Е.М. просил ее не передавать, пока не покажет нам. Они завернуты в тряпичные полоски. Жестяные пластины завернуты в одну тряпочку, затем вложены в тряпочку, обертывающую фигурку медведя. Затем все это обернуто еще одной полоской ткани и завязано веревочкой, на конце которой привязан компас. Компас когда-то подарил отцу Ефим, и теперь он хочет взять его назад. Голова медведя и концы тряпок вокруг нее пропитаны кровью. Весь комплект называется *ай нупэли лунг*. Жестяные фигурки – *ваяг кынь*. Ящерицы считаются бечевками, которыми привязывают голенище обуви к поясу, а змея – подвязками обуви под коленом.

У Павла Рыскина есть фигурка орла *карэс* и орлана *курэк*, которые считаются птицами *Ядун ики*. В юрах Лейковых у Бисаркина есть дух *Тором сџви* (каково его изоб-

ражение, Ефим не знает). У Егора Мултанова был дух в виде соболиной шубы, принадлежащей *Ядун ики*. Я спросила: «Что же, отдельные части *Ядун ики* были во владении разных людей?» Ефим Рыскин ответил, что нужно каждой деревне иметь что-то от *Ядун ики*. В Рыскиных это *Соғ юғ ики* – копьё *Ядун ики*. В этом году для *Ядун ики* сшили новую шубу из соболей.

(Каюково, Е.М. Рыскина и личные наблюдения Н.В. Лукиной. 1983. Л. 31).

В дни нашего пребывания в Каюкове Е.М. Рыскин решил отнести фигурку духа своего умершего отца к тому дереву, из которого отец в свое время изготовил фигурку. (При этом присутствовал А.Н. Михалёв). Ефим М. рассказал об этом так: «Поставил шайтанчика на место, откуда брал его хозяин. Хозяин умер его давненько, очень давно. Нужно было сразу после его смерти поставить шайтанчики на место, откуда он брал его. Но вышло так, что прошло лет десять. Поставил на место шайтанчика, поклонился и сказал, что жили тут твои предки, отсюда тебя взяли, и тут живи с ними вместе, я привел тебя домой».

(Каюково, Е.М. Рыскин. 1983. Л. 32).

Я помню, у нас дед рассказывал, брат моего отца, что *Касым ими* здесь была, в этих краях и олени как раз были. Потом эту *Касым ими* украли. А она же должна быть с оленями. И вот эти олени в те края ушли, а здесь осталось, в общем, немного. Большие были олени. Когда он еще молодой был, ему лет 20 было, у них в вершине Югана даже штук по 30 было. Там у каждого тогда были олени. Это недавно не стало оленей на вершине, раньше, даже я помню, видел: в этих краях оленей было много. Колхозные даже были. И у некоторых свои были олени, а сейчас ни у одного там нет.

Касым ими не деревянная была, вечная. На Малом Югане дочери ее есть, тоже вечные. Они такие, как куколки, я их видел. Как человечки, только маленькие. Украли ее. *Казым ях* приехали и украли, нагрузили и увезли. На оленях увезли.

Мёнк ики в лесу жили. Такие люди, вроде бы. Конечно, людоеды. В сказках есть: *мёнк ики* женятся на человеках, вроде человека он был тоже. Они в лесу живут, на голом месте. Они обычно юрты, вроде, искали. Попадут к людям – все, там ничего не останется. Поедали людей. В лес кто уходит, который раз – с концом. Когда *арэх ях* были, тогда это было, наверно. Сейчас не слышно о них. И *мёнк ими* были, тоже людей ели. *Менк ики* женщин брали в жены, утаскивали в лес. Дети потом рождались, тоже *мёнк ики*. Они здоровые, больше человека.

Есть рассказ. Мужья все в урман ушли, а женщин двое остались. Одна с ребенком была. Этот *мёнк ики* как раз приходит, увидели женщины, спрашивают: «Наших [мужей] не видали?» Он говорит: «Видел, видел, давно уж были». Похантыйски как-то складно говорят. И вот он пришел к этим женщинам. Уселся на порог, одну ногу туда, другую растопырил, чтоб не ушли. А они как могут уйти? Одна женщина ребенка положила за пазуху и люлечку с гнилушками, вытаскивать надо. «Дед, – говорит, – ногу отодвинь, я куженьку вынесу». Он отодвинул, думает – не уйдет. А она убежала. А одна там осталась, он слопал ее. Та-то ушла.

В лесу вот тоже случай был. На охоту ходили, след какой-то увидели. Это, правда, было, не сказка. След какой-то, а потом глазами увидели. Идет впереди, бегаёт. И ростом небольшой, в трыпках весь. Охотники стали за ним охотиться. Думают, что он какой-то, ведь не черт, не человек, какое-то чучело. За ним, а он близко не подпускает, убегает от них. Люди развели костер, а он кидается в них палками. Ростом с человека.

Вэс – это водяное чудовище какое-то. *Вэс* с рыбы бывает или с лося, с собаки. С рогами встречаются щуки, это *вэс*. У нас на вершине озеро. Я там один год жил в юртах Кыколевых. Мне тогда было лет 10–11, двадцать лет с лишком прошло. Там озеро большое. В одну зиму, местный дед говорил, зимний лед раскалывает *вэс* на части. Я говорю: «Зачем раскалывает?» – Он говорит: «*Вэс* там есть». Я сперва не верил. В одну зиму там жили, тоже там шум, грохот пошел. Я часто там проходил. На следующий день пошел – лед раздолбленный. Действительно, может, есть? Когда там гуси, лебеди садятся, то щуки здоровые их хватают, под воду уносят. В нем не рыбачат. Глубоко там. Ниже говорили, что в одном озере тоже есть. Там собачий *вэс*. Мне не верилось. Я там несколько раз был, никакого *вэс* не видел, ставил сам сетки там. Мамонтов называют *мёнк ики*.

(Каюково, Н.Г. Чалтомов. 1983. Л. 32–42).

11.3. Священные места и жертвоприношения

Торум – бог. Живет на небе. Он создал землю и людей. Мать Торума – *Торум анки*. Для Торума в год 2–3 раза делали *торум йир*. Те, у кого оленей больше было, чаще делали *торум йир*. Делали в определенных местах. Название этих мест не знает. Хозяин оленя приглашает на *торум йир* всех, кого он хочет. На жертвоприношение приходят только приглашенные. Пригласить могли людей любой фамилии. Женщины могли присутствовать. Хозяин оленя просит у Торума счастья и удачи в промысле, а после этого забивает оленя. Оленьё мясо тут же варят и едят. Голову оленя оставляют, а оставшееся мясо делят между собой поровну и везут в юрты. После жертвы Торум дает счастье только тому, кто сделал жертву, а не всем присутствующим.

(Записал Е.М. Титаренко в Угута от М.М. Рыскина. 1973. Л. 11–12).

Говорит, что сам ни разу не видел *торум йир*, но видал место, где делают подарок Торуму. На реке Нёгус-ях есть самое высокое место огура *рат*. Там на березу вывешивают материю. Привязывают к стволу примерно 2 м.

(Записал Е.М. Титаренко в Угута от М.Н. Бисеркина. 1973. Л. 12).

Для *Сдрни кдн ики* ханты *йир* делают, в любом месте. Почитают *Сдрни кдн ики* все ханты. В любых юртах по Югану ему молятся. Для него вешают на деревья белый материал. Иногда, если делают общее *поры* в честь *Сдрни кдн ики*, забивают оленя. Кто-нибудь один из присутствующих читает молитву. *Сдрни кдн ики* просят, чтобы он дал всем долгую жизнь, чтобы все были здоровые, чтобы удача была в охоте и рыбалке. В прошлое лето в один день шум большой был, все небо гремело. (Лазарь Ярсомов говорит, что это реактивный самолет был). Все, кто услышал шум, вышли из домов и стали молиться. Это *Сдрни кдн ики* был. Каждый человек, выйдя из дома, снимает шапку и начинает молиться. Обращаются к *Сдрни кдн ики*: «Я тебя слышал, видеть – не видел. Здоровье мне дай и моим детям. Много пушнины и рыбы мне дай. Сделай так, чтобы мы много жили». Когда человек молится, он смотрит в ту сторону, откуда шум был. Говорят, что людям, которые *Сдрни кдн ики* слышали, большая удача будет. Один раз молитву человек скажет, круг обойдет и на то же место встанет. Три раза молитву говорит и три раза круг обходит. Круг делают так, как солнце ходит (по солнцу, чтобы впереди все было светло, а не темно).

Ниже Сургута по Оби есть место *Лукут эвут*. *Лукут* – глухарь, *эвут* – святой. Там царь глухарей живет – *Лукут эвут ики*. Косачи, глухари, рябчики – это его птица. Он их людям дает. В тех местах это самый главный дух. Подарки для него делают везде. На Югане тоже делают. Иногда специально делают *поры* для *Лукут эвут ики*.

Когда ребенок родится, *поры* делают. Еду ставят для *Пудос анки* и просят, чтобы она жизнь дала новорожденному, чтобы он долго жил. *Пудос анки* женщинам рожать помогает. Для нее материал вешали. В любом месте можно *йир* для *Пудос анки* делать. Материю вешают на дерево любого цвета. Мужчины тоже могут подарки делать для *Пудос анки*. Если общее *поры* делают, то для *Пудос анки* забивают оленя.

Мыц анки все почитают, подарки для нее делают во всех юртах. Собираются люди в поселке и идут куда-нибудь в лес делать *поры* для *Мыц анки*. Когда приедут, расстилают материю на земле (обязательно новую) метров 5. На землю ставят еду, вино ставят. Кого-нибудь просят молитву сказать. Молитву мог говорить любой человек, не обязательно *тирта ко*. Этот человек говорит, что пришли с подарками для *Мыц анки* и просят ее, чтобы хранила всех людей, чтобы здоровыми все были, чтобы удача была в охоте. После молитвы забивают оленя. Шкуру и голову оленя кладут на землю для *Мыц анки*. Потом варят мясо. Едят и пьют. *Поры* для *Мыц анки* в разных местах делают. Женщины тоже приезжают и участвуют в жертвоприношении.

(Записал Е.М. Титаренко в Каюкове от Е.П. Ярсомова. 1973. Л. 31–33).

Для *Тёрэс най анки* общее *поры* делают. Собирается все, кто желает, из любой семьи человек мог быть. *Поры* делают в любом месте. Собирают деньги, покупают материал и оленя для жертвы.

В прошлом (1972) году, в начале зимы делали *поры* для *Тёрэс най анки*. Купили 15 м красного сукна, женщины из него сшили, 4 больших белых платка вместе сшили. Двух оленей привели для жертвы. Продуктов и водки покупали. Народ собрался со всех близлежащих юрт. На снегу

материал расстелили, разложили все продукты. Костер большой сделали. Огонь спичками разводить нельзя, когда *поры* делают. Кремнями обязательно поджигали. На большую рогатину надевают сак и платок. Большая женщина получает. Рогатина метра 3–4.

Одного человека назначают *мудте ко*. *Мудте* – созывать духов. *Мудте ко* может стать любой человек. Он обращается к *Тёрэс най анки*, говорит молитву. Просит ее, чтобы лучше жилось, чтобы удача была, чтобы ханты не умирали, не воровали. Сначала просит, чтобы у людей всегда огонь был, чтобы пожаров не случалось. Говорил: «Мы не знаем, где ты родилась, ты накажи всем шайтанам, чтобы люди хорошо жили». Молитву только мужчины могут говорить. Женщинам нельзя. После того, как *мудте ко* произнесет молитву, рогатину с сакom ставили в костер. Огонь забирал подарок. Потом еще раз молитву говорит и после этого оленей для *Тёрэс най анки* забивают. Мясо варят, едят, водку пьют.

Женщины в *поры* участия не принимают. Все делают мужчины. Если приедут на *поры* женщины, то они в стороне сидят и закрываются платками. Во время жертвоприношения шаман (*тирта ко*) не ворожит. Он участвует в *поры* наравне со всеми. Дочерью или сестрой Торума *Тёрэс най анки* не называют. Если для нее *йир* делают, то шкуру жертвенного оленя в костер бросают.

Огонь – *най*, это женщина. *Най анки* – живой хозяин-огонь. Огонь – покровитель дома. Каждый год для *Най анки* делают *поры*. Рядом с печкой ставят угощение. Женщины шьют маленький сак из красного сукна (0,5 м примерно). Сак надевают на маленькую рогатину и ставят на стол. Потом хозяин дома молитву произносит. Просит *Най анки*, чтобы пожара не было, чтобы огонь себя хранил, говорит: «Если тебя уронят (горящие угли), ты, мать огня, не сердись, не делай пожара, береги нас от несчастья». После этого сак в

печь бросают и три раза водки на огонь плеснут. Когда огню (*Най анки*) *поры* делают, просят у нее удачи в охоте и рыбалке, здоровья.

(Записал Е.М. Титаренко в Каюкове от Е.М. Рыскина. 1973. Л. 42–45).

Когда *Ядун ики* к другому хозяину переходит (они ежегодно меняются) делают общее *поры*. Новый хозяин должен оленя (обязательно быка) забить для *Ядун ики*. Шаман *тирта ко* назначает нового человека. Новый хозяин собирает деньги для *поры*, покупает материал, продукты, водки, 2–3 оленя покупает. На *поры* съезжаются все Каюковы, но могут быть люди и из других фамилий. Новый хозяин *Ядун-ики* читает молитву. Просит, чтобы он всем лунгам приказал делать хорошо людям: удачу давать в охоте, здоровья, долгую жизнь. После того как молитву скажет, оленей забивают, разделывают тут же, варят, едят. Оленьи шкуры кладут в лабаз, где *Ядун ики* сидит. Он всегда на оленьей шкуре сидит. Женщины на *поры* в честь *Ядун ики* не ездят. Если приедут, то сидят в сторонке. В обряде жертвоприношения они не участвуют. Женщины к лабазу, где *Ядун ики* сидит, не должны подходить. Подарки – деньги или пушнину в лабаз только мужчины кладут. Если для *Ядун ики* оленя забивают, то сначала его окуривают. Сушеный пенис оленя поджигают и этим дымком живого жертвенного оленя окуривают. *Ядун ики* берет только чистых оленей. Если для *Ядун ики* или для любого другого духа, который на небе живет, оленя забивают, то бьют по голове и в сердце нож сразу втыкают. Олень бьется, ногами перебирает, это значит, что его душа идет к духу. Это хорошо считают.

Ядун ики подчиняется Торуму. Когда *поры* для *Ядун ики* делают, просят, чтобы он всех лунгов позвал на жертву. Сам идол (*Ядун ики*) сделан из дерева. Говорят, что однажды

Торум сказал *Ядун ики*: «Пока я уйду, ты вшей у себя поищи». Торум ушел. *Ядун* только шапку сдвинул набекрень, вдруг гром и шум услышал. Испугался *Ядун ики*. Это *Торум ики* вернулся. Торум ведь быстро ходит. Так и сидит идол *Ядун ики* и сейчас: шапка набекрень сдвинута, а сам вверх, на небо смотрит. *Ядун ики* в Каюковых держат. Каюковы – на левом берегу Югана. Если все охотники едут в урман надолго, то *Ядун ики* с собой берут. Если идут на охоту на правый берег, то идола с собой не берут. На правый берег редко все уходят охотиться. *Ядун ики* нельзя через Юган перевозить: рыба совсем не будет ловиться, удачи совсем не будет, болеть люди будут.

Поры для *Ядун ики* делают только в юртах Каюковых, там 5 медных котлов лежит. В них мясо варят, когда оленей забивают. Недалеко от Каюковых по дороге в урман стоит дерево *Ядун ики* – большой кедр. Каждый человек, проезжающий мимо этого дерева, должен ствол кедра материей обвязать. От Чигаевых юрт – второй песок вверх по Югану называют *Не ваңтлэҕ сый*. (*Не* – женщина, *ваңтлэҕ сый* – тащить бечеву). Говорят, что *Ядун ики* здесь когда-то сидел, охотился на уток. Сейчас женщинам нельзя ходить по этому песку (лодку тащить) – *атэм*. Несчастье будет. *Ядун ики* сердиться будет.

(Записал Е.М. Титаренко в Каюкове от Е.М. Рыскина. 1973. Л. 46–50).

В Чигаевых есть святое место *Ядун эвут* – гора. Там лабаз стоит. У лабаза этого нет дверей, там два шайтана сидят: мужчина и женщина (мать и сын). Как называют чигаевских идолов, не знает. Из Чигаевых юрт только один старик остался, он-то и держит этих идолов.

Недалеко от Рыскиных, на втором песке есть место, где стоит большой кедр, а на кедре висит куженька. В этой ку-

женьке сто человекков железных лежат. *Дадрэн* – в кольчу-гах народ. Сам это место не видел.

(Записал Е.М. Титаренко в Каюково от Е.М. Рыскина. 1973. Л. 53).

Ефим Михайлович Рыскин согласился свозить нас к священному лабазу – *луң лунас*. От Каюково поехали на моторной лодке вниз по Югану, затем шли пешком по лесу километров пять. К этому лабазу есть путь ближе с урьи, но там сейчас обмелело. В пути к лабазу мы пересекли низкое заболоченное место, бывшее, очевидно, когда-то рекой, называется *сиц(в) вонтри* (налим-выдра). Это священная река, и при переходе через нее, особенно впервые, нужно бросить туда монетку. Мы шли впервые, и жена Ефима с детьми тоже. Ефим бросил монету, мы тоже выразили готовность принести жертву, но у нас не было денег, поэтому В. Кулемзин приколол к дереву значок. На обратном пути Ефим решил, что значок – слишком ценный подарок, и предложил заменить его монетой, а значок отдать ему. Так и сделали.

На священном месте стоит лабаз из широких кедровых досок (см.: цветная вклейка). В его устройстве нет отличий от обычных дощатых амбаров, кроме того, что вместо дверцы вход закрыт платком, подвешенным на кольцах, которые обычно носят на пальцах. Кольца подвешены на железной скобе, проходящей над входом внутри лабаза. На настиле перед входом в лабаз и под лабазом лежат три медных котла, больших, с плоским дном и расширяющимися кверху стенками. В этих котлах варят пищу при общественных жертвоприношениях. Следы от кострища видны перед входом на расстоянии 4–5 м. Отодвинув занавес, мы увидели справа от входа фигуру, накрытую цветным шелковым платком, а слева – фигуру в черном колпаке. Ефим пояснил, что правая фигура – *Эвут ими*, а левая – ее сын *Кынь ики пэд*. В левом углу у входа стоит несколько маленьких котелков современного вида.

Это общественное место, оно не принадлежит никому, все ханты с рек Югана, Тромъегана, Пима, Ваха могут здесь делать жертвоприношения. Видимо, для собственного оправдания он сказал, что место доступно и русским, вместе с тем, он многократно с нами договаривался, чтобы мы не выдали его, не рассказали бы другим о том, что он нас сюда водил. Мы обещали говорить всем, что ездили смотреть ягоду. Посещается это место в любое время. В пути Ефим заметил, что видны следы от посещения лабаза другими людьми: протоптана тропа по траве, под лабазом лежат недавно выпитые бутылки.

В амбаре много стрел (рис. 199). В левом ближнем к входу углу стоят две стрелы необычной толщины – 3 см. Как и все остальные стрелы, находящиеся в этом лабазе, они украшены – обернуты красной или цветастой тканью. Здесь же в углу лежат две уплощенные палки – *нюртылтли юг* длиной около метра (см.: цветная вклейка). В них просверлены два неглубоких отверстия со следами огня. Здесь же лежат две круглые палочки *ягунт юг*, длиной 30 см, заостренные на конце и также со следами огня. Ефим объяснил, что эти палки предназначены для добывания огня во время жертвоприношения. На круглую палку надевают ремень и крутят.

Разведенным огнем поджигают кусочек пениса оленя – *ведимоу*, обрезаемый ножом, и березовую губу *оц*. Пенис, оц и спички хранятся в платке, подвешенном к крыше лабаза. Разжигается этот состав в деревянной, грубо обтесанной лопатке с углублением – *соголи* (рис. 200). Забитого жертвенного оленя окуривают дымом. Оленя забивают ударом обуха топора по темени (не режут и не стреляют), затем упавшего оленя тянут ремнями в разные стороны, чтобы олень дергался и Торум видел бы это.

Как уже упоминалось, в левой половине амбара располагается *Кынь ыки пэд*. Это антропоморфная фигура (очевид-

но, бюст) высотой около полуметра (см.: цветная вклейка). Черты лица крупные, нос длинный, надбровные дуги выступают сильно, вместо глаз вставлены белые монеты с серпом и молотом и надписью РСФСР. Характерной особенностью фигуры является длинная заостренная голова. На наш вопрос, почему голова заострена, Ефим ответил, что это сын Кашея Бессмертного [Нужно учитывать образованность информатора, он окончил педучилище, был на курсах в Ленинграде в пединституте – *Н.Л.*]. На голове фигуры надето более 20 матерчатых хлопчатобумажных колпаков, половина из которых черных. Чередуются цветастые и черные колпаки. По объяснениям Ефима я поняла, что семь верхних колпаков должны быть черными, за этим следит очередной «хозяин» святилища, который меняется через два года. Кому быть хозяином и когда изготавливать новую фигуру *Кынь ыки пэҕ*, это определяет шаман.

Тут же Ефим заметил, что у его отца есть священный посох соҕ юҕ, который является семейной святыней Рыскиных. Этот посох считается правой рукой *Ядун ики*, хранящийся в юртах Каюковых. После смерти отца Ефима посох должен перейти к нему или брату Ивану. «Говорят, шаман мне завещал» – сказал Ефим.

На шее духа повязано много хлопчатобумажных головных небольших платков, все сложены углом вдвое и завязаны под подбородком. Перед духом лежат свернутые, как в магазине рулоны хлопчатобумажных тканей, среди них много черных. Все это помещается на двух оленьих шкурах с копытами, головами и даже рогами. Шкуры лежат одна на другой. В самом углу за фигуркой духа стоит множество стрел, обычных размеров и устройства, но с повязками из красной или цветастой ткани.

Против входа у противоположной стены стоят один на другом два столика, на ножках более высоких, чем у охотни-

чьих столиков. Каждый столик покрыт двумя платками или кусками ткани. Ефим объяснил, что при загрязнении или устаревании скатертей их заменяют из запаса тканей перед фигурками. Столики во время жертвоприношений вынимают из лабаза и ставят на них пищу на улице. Позади столиков у стены также стоят стрелы, аналогичные вышеописанным. У одной стрелы был костяной наконечник.

В правой половине лабаза помещается *Эвут ими* (рис. 201) – мать *Кынь ыки пэҕ*. Это также антропоморфная фигура, насколько я могла понять, аналогичная первой, но не остроголовая. На ней повязано множество платков, их было очень трудно снять для фотографирования, поэтому не удалось снять. Сверху накинута самая красивая и дорогой платок в развернутом виде. Перед фигуркой также лежит много кусков хлопчатобумажной ткани, преобладают светлые яркие тона. На верхнем куске, как и перед первой фигуркой, лежат металлические деньги. В правом углу, ближе к входу, стоят две толстые стрелы и коробка из пихтовой коры, какие обычно используются женщинами при рукоделии. В коробке лежат три игольника, типичных для этих мест. Под *Эвут ими* лежат одна на другой 5 оленьих шкур, подобные вышеописанным, итак, под обоими духами лежит 7 шкур.

(Каюково, Е.М. Рыскин и личные наблюдения Н.В. Лукиной. 1974–1. Л. 51–57).

При езде на лодке по реке ханты делают разворот «по часовой стрелке» (так выразилась Шура – жена Ефима). При нарушении – несчастье. Так, Шура предположила, что несчастные случаи, происшедшие при общественном жертвоприношении для *Ядун ики* этой весной, были связаны с неправильным разворотом на воде. Во время жертвоприношения один молодой хант застрелился, а через неделю

застрелилась помолвленная с ним девушка. Там же мужчина всадил своей жене нож в спину и вскоре сам утонул.

По объяснениям хантов, все беды из-за того, что во время жертвоприношения оторвался и убежал баран. Об одном из случаев, когда мужчина вонзил в себя нож, а затем прыгнул в воду, ханты тоже говорят, что предвестником несчастья было неудачное жертвоприношение оленя. Его должен был забить Иван Ярсомов. Он не смог сделать это.

(Каюково, Е.М. Рыскин, А. Рыскина. 1980. Л. 2–3).

13.09.80. Ездили к священному лабазу, где находятся два духа *Эвут ими* и *Кынь ики пэҕ*. Возил нас Ефим Михайлович Рыскин. Три года назад ханты построили новый лабаз для этих духов, но на том же месте и по типу прежнего лабаза. Новое по сравнению с 1974 г., когда мы посещали этот лабаз, было в том, что под каждым из духов было только по одной шкуре, а не пять и две, как прежде. Выброшены старые стрелы – они лежат недалеко от амбара – и вместо них сделаны новые. Новые стрелы трех видов. Одни представляют собой только древко, они связаны цветастой тряпкой. Другая группа – стрела с наконечником, они стоят слева от *Кынь ики пэҕ*. Третья группа стрел, с наконечниками и оперением стоят в лабазе справа от духа. Мы вынесли все находящиеся в лабазе предметы на настил перед дверью лабаза и сняли кинокамерой. На *Кынь ики пэҕ* было четыре колпака. Этот лабаз принадлежал и принадлежит Чагаевым, живущим в юртах Чагаевых на другом берегу Югана. Сейчас хозяином является Дмитрий Чагаев. На мой вопрос: если здесь находится сын *Кынь ики*, то где сам *Кынь ики*, он ответил, что в юртах Каргатеевых в устье Югана. Его хозяевами являются Каргатеевы. Прошедшей зимой ханты устраивали жертвоприношение этим духам.

По обычаю, огонь можно развести только трением, не от спички. В тот раз не удавалось добыть огонь трением, и

Ефим М. предложил зажечь от зажигалки. Его мотивировка была: «Не от спички же». Ханты согласились с таким предложением. Был сшит халат из красного сукна, длиной 7 м. Шили его мужчины, а не женщины. Швы выполняли очень широкими стежками. Халат сожгли на костре.

На мой вопрос, как Михаил Лисакович Каюков стал хозяином духа *Ядун ики*, Ефим М. рассказал следующее. В юртах Мултановых живет Егор Николаевич Мултанов. По словам Егора, у него даже колья для привязывания собак, и те шаманят – такой он сильный шаман. Однажды он ехал по реке, ему показался над землей старик и сказал, что *Ядун ики* должен принадлежать Михаилу и Саше Каюковым (дети двух братьев – Лисака и Ивана). Так и получилось, что очень молодой человек – Михаил Каюков стал хозяином *Ядун ики*. У *Ядун ики* несколько домов. Летом он живет в лабазе в юртах Каюковых, зимой – в урмане. Есть и другие дома. Хозяин *Ядун ики* не может переехать на другую сторону Югана – он должен взять с собой *Ядун ики*, а перевозить этого духа через Юган нельзя. На *Ядун ики* соболиная шуба. Другая его соболиная шуба – у Егора Мултанова.

(Каюково, Е.М. Рыскин и личные наблюдения Н.В. Лукиной. 1980. Л. 8–9).

Когда устраивали жертвоприношение оленя в честь какого-нибудь духа, оленя вначале били топором в лоб, а когда он свалится – кололи ножом в сердце. Олень должен упасть на правый бок. Из раны бьет кровь, и в это время подносили фигурку медведя (тот, кто из *Пупи сир*) к ране и произносили *хр-хр-хр* (носовой с придыханием). «Медведь ведь давит оленей», – объяснял Ефим.

Сейчас у младшего брата Ефима – Ивана есть личный дух. Он хранится в мешке, где обрезки тканей, приносимые в жертву.

Когда делают жертвоприношение *Террас най*, то срубают березку, обрубают все ветки, оставляя только две, как бы, руки. На верхушке вырезают черты лица и накидывают красную ткань-жертву на «руки» березке.

Когда убивают оленя в жертву, то ставят фигурки личных духов неподалеку, они «присутствуют» при этом. В Каюкове оленей забивают на определенном месте, недалеко от поселка, на священной гриве.

(Каюково, Е.М. Рыскин. 1983. Л. 21).

30 марта семья Каюковой Ирины Михайловны (рис. 202) проводили жертвоприношение (*йир*) для *Пугос анки*. За несколько дней до того нам рассказал о предстоящем жертвоприношении Ефим Михайлович Рыскин. «Кто-то» (имеется в виду шаман или другое подобное ему лицо) в Угуге сказал Ирине, что нужно устроить жертвоприношение. Ее муж Ефрем погиб, попав под прицеп машины по дороге из Угуга в Таурово. Теперь она – глава семьи и должна сама делать жертвоприношение. Она приурочила его к школьным каникулам, чтобы приехавшие дети поели оленьего мяса.

За два дня до этого мы спросили Ирину, разрешит ли она снять кинокамерой этот процесс. Она сравнительно легко согласилась. Получив согласие, мы отменили поездку в другое место и стали ждать. На другой день Ирина, видимо, забеспокоилась, и нам передали, что она не хочет съемок во время развешивания жертвенных платков. Я пошла к ней и заверила, что мы будем снимать только те моменты, которые нам разрешат. Ефим Михайлович подкрепил мои заверения, сказав, что мне можно верить. Мы ждали приезда брата Ирины – Ивана. 29 марта он приехал, и назавтра должно было состояться жертвоприношение. Накануне вечером я еще долго убеждала дочь Ирины Раю и зятя Валентина, что ничего плохого от этого не будет. Пришлось пообещать, что

мы поставим для духа три бутылки водки. У Ирины были свои три бутылки, но нужно ставить два раза по три.

30-го с утра мы подготовились и стали ждать. Видели, как Ирина ходила приглашать на жертвоприношение, кого она сочла нужным. В это число не попал ее родной брат Ефим Михайлович, так как люди говорили, что он сказал нам о жертвоприношении. Другой – брат Иван Михайлович отказался, когда узнал, что мы будем снимать. Я снова и снова убеждала то Ирину, то ее дочь Раю, делала мелкие подарки. Думаю, что помогла мне мать Ирины – моя давняя знакомая, которая при каждой встрече со мной твердит «*йем ими!*» («хорошая женщина»).

Наконец за нами зашла Рая и позвала. Мы пришли с нартой, на которой была киноаппаратура, к дому Ирины. У них на нарте лежала посуда, котел, продукты. Рая сердилась, что долго не едем, но на мое предложение выехать, не дожидаясь всех, ответила: «У нас отца нет, мать главная, когда она скажет, тогда и поедем». Они запрягли в нарту двух собак, предложили и нам собак, но мы решили тянуть нарту сами, чтобы не повредить аппаратуру. В нашей группе были: Рая, ее сестра Оля, их родственница (дочь сестры матери матери), мать Ирины и ее мать, т.е. это была женская группа, если не считать Аркадия Михалева, снимавшего фильм.

Мы проехали, точнее, прошли километров 5 к тому месту, где Рая накануне нашла своих оленей. На месте, где должно состояться жертвоприношение, стояла оленья нарта. Рая сразу же встала на подволоки и ушла искать оленей. Вскоре подъехали на собаках Саша Каюков – муж Ириной сестры Лизы и Валентин – муж Ириной дочери (рис. 203). Они срубили тонкие деревца и надели на высокие пни кольца собачьих поводков. Женщины рубили сухие деревья, пилили их на дрова (рис. 204).

Прибыли все-таки Иван Михайлович с женой и дочкой и еще один мужчина. Вскоре показались олени. На подволоки встали Ирина, Саша и Валентин. Ирина и Рая гнали оленей к площадке, надевали оброти, как уздечки, тянули их к нужному месту. Тех оленей, что были без уздечек, подманивали *та-та-та*, кидали им на тропу кусочки сучков, чтобы олени приняли их за сухарики. Многим оленям надели на шею доски-тормоза, некоторых привязали к деревьям. Все это делали Ирина и Рая, а Саша и Валентин не принимали активного участия, лишь не давали оленям уйти в лес. Пока оленей привязывали, они стояли неподалеку в лесу в том направлении, откуда пригнали оленей.

Олени держатся всегда кучкой, и если в небольшом стаде исчезнет 2–3 оленя, то стадо разбегается. Поэтому на жертвоприношение собрали всех оленей, чтобы они знали, что одного забили.

Во время жертвоприношения оленя ставят головой к жертвенным платкам. Сторона света особого значения не имеет. Во время описанного жертвоприношения не были выставлены у дерева и затем не «накормлены» кровью забитого оленя фигурка медведя и другие (какие? – точно не известно), так как мужчина, глава семьи умер. Такую фигурку медведя из дерева нам показывал Ефим Михайлович Рыскин (рис. 198).

Собрав оленей, Ирина развела костер. В это время Валентин вбил два кола с развилками наверху, высотой более 2 м, на них положил перекладину и повесил 5 отрезков хлопчатобумажной ткани: красные, белые, цветастые. Я спросила, можно ли нам повесить тряпку, Ирина сказала: «можно», и Валентин повесил нашу шестую тряпку. Схему жертвенной площадки см. на рис. 205.

Перед этим сооружением поставили оленью нарту, на нее поставили таз с нарезанным хлебом, сушками и кусочка-

ми сахара. Справа поставили в ряд 6 бутылок с водкой, бутылки были открыты. Слева от навеса Ирина поставила срубленную тонкую березку, на которой был повешен ее личный подарок – платок, снятый с головы (рис. 206).

Исполнителем жертвоприношения был Саша Каюков. Валентин подвел жертвенного оленя. Это была важенка, у нее есть олененок, и он должен был, по словам хантов, видеть, что его мать убили, чтобы потом не искал. На важенке была оброть, как у пристяжного оленя. Валентин передал повод Саше, стоящему лицом перед навесом с платком. Бабушка (мать Саши и Ирины) принесла сумочку с сухарями, из которой кормят оленей. Сумочку поставили перед оленем, и он начал есть. Иван взял плоское полено, положил на него угольков, придавил их толстой лучиной и окурил дымом сначала нарту, затем навес с платками и затем оленя; полено с углями положил под передок нарты.

У оленя поменяли оброть на уздечку для передового оленя. Саша выбрал топор, его тоже окурил. Члены семьи Ирины подошли один за другим и провели по туловищу оленя рукой – попрощались. Мужчины сняли шапки и кинули их в общую кучу на дрова. Мужчины встали группой в два ряда лицом к оленю. Женщины – так же, но позади мужчин. Все начали часто кланяться, наклон небольшой, некоторые шептали, другие негромко произносили молитвы. После молитвы все повернулись по часовой стрелке. Некоторые женщины отвернулись и закрыли уши руками.

Держал оленя за поводок Валентин, Саша ударил обухом топора в затылок, олень упал на левый бок, его быстро перевернули на правый, и Саша добил его ножом в сердце. Иван выдернул березу с платком Ирины, наклонил над оленем, выдернул клочок окровавленной шерсти и положил на сучок березки выше платка. Саша, Валера и Юра (мальчик 10 лет, сын Ирины) с некоторыми промежутокками брали в руку по-

водок и слегка ударяли им по туловищу оленя: это понукание оленя, отправленного к небесному богу. Саша и Ирина прикладывали руку к животу важенки; как выяснилось, у нее был плод.

Убедившись, что олень мертв, мужчины встали такой же группой и произнесли несколько раз *yo-o-o!* Женщины стояли такой же группой, но молча. Каждый должен стоять во время всех молений на одном и том же месте. При втором молении все становились на колени и низко кланялись один раз. Оленя снова окурили, и была сделана небольшая передышка. Мужчины закурили, сняли верхние белые саки. Ирина взяла первую бутылку и обнесла всех водкой (рис. 207), угощая по хантыйскому обычаю: по очереди из одной рюмки. Саше она подала первому. Таз с хлебом сняли с нарты и поставили позади костра. Все брали из него хлеб, сушки и другое. Взавший как бы брал кусок счастья, – объяснили мне.

С оленя сняли уздечку и закинули ее на березу выше платка Ирины. Началась разделка туши (рис. 208). Первый разрез – от подбородка до ануса сделал Саша, затем участвовали и остальные. Отрезали ноги, Ирина их распределила между женщинами. Затем их снова положили вместе и сняли с них камусы. Плод закопали в ямке под березой, внутренности поместили около березки и закидали снегом. Пока шла разделка туши, женщины наполнили котел снегом, делали воду. У огня стояли и чайники. Тем, кто разделял тушу, Ирина поднесла вторично водку.

Голову оленя разодрали руками, затем обе части разрубили топором, иначе они не входили в котел. Топор предварительно был поднесен Иваном к огню. В котел с горячей водой положили куски мяса. Оно всплыло. Валентин выстрогал палочку с зарубками и утопил ею мясо в котле, уперев одну из зарубок в дужку котла, мясо больше не всплывало.

Вскоре кто-то из мужчин сделал второй навес, подобный первому, но ниже. Он был поставлен слева от первого навеса перпендикулярно ему. На второй навес Иван повесил шкуру оленя. Она была без ног, но вместе с головной частью, которая и была обращена к первому навесу. На головную часть была повязана оброть, как у пристяжного оленя; повод вначале проходил слева, а затем был перекинут на правую сторону (так бывает перекинут повод передового оленя). Пока варилось мясо, Ирина поднесла к костру и поставила у снежной стенки кусочек хлеба. Помешиванием в котле, т.е. процессом варки мяса занимались мужчины.

Когда мясо сварилось, мужчины сняли котел, и Саша черпаком стал вынимать мясо. Позвоночник и голову он сложил в один таз, а остальное – в другой. Приготовили 4 половинки тонкого бревна. Две из них положили расколотой частью вверх у костра, на них – лодыжки и сверху сырое мясо. Две другие раньше использовались для разделки туши оленя, теперь их поместили у головной части шкуры, и на них поставили таз, в котором были вареная голова и позвоночник. Рядом положили куски мяса и поставили маленький котелок с топленным жиром, принесенный из дома.

Костер отодвинули к снеговой стенке от места жертвоприношения, а у ближней поставили котел с бульоном. В костер подбросили много дров, и он сильно разгорелся. Снова все встали для моления, уже третьего. В руках у всех были монетки, Рая дала мне одну монетку, одна женщина попросила монетку у Аркадия. В этом молении (и, кажется, во втором тоже) Ирина стояла в первом ряду, рядом с Сашей. Все что-то шептали и часто-часто кланялись. Все сделали полный поворот, а Саша только до костра, подошел к нему поближе и все сгруппировались (после поворота) лицом к костру. Бросали монетки и молились. Одна женщина объяс-

нила мне, что просят, чтобы не было пожаров. Можно бросить в костер рубль (но тройку мне посоветовали не бросать). «Бог вернет», – сказала женщина.

После окончания этого моления Саша пошутил: «Можете, Надежда Васильевна, завтра прийти и собрать деньги, чтобы водка окупилась». Вообще поведение было даже во время молений непринужденным. Иногда женщины переговаривались, старуха убегала с моления к костру, чтобы снять высохшие штанишки внука. Когда стали бросать деньги, началась небольшая перепалка о том, как это делать. Рая повысила голос, Саша в ответ прикрикнул на нее «Не кричи!». Когда варилось мясо, мужчины впервые заговорили со мной (они мои давние знакомые, но до этого отводили глаза, так как им явно не нравилось наше присутствие). Рассказали, как здесь заблудились грибники, прилетевшие на вертолете, и другие истории. Вообще они заметно повеселели, когда олень упал «правильно» на правый бок, не вырвался, как это иногда бывает, т.е. самая важная часть жертвоприношения прошла хорошо.

После последнего моления обстановка полностью разрядилась. Саша крикнул: «Начинайте есть!». У костра поставили оба таза с вареным мясом, в кружки налили бульон из котла. Мясо варили без соли, а бульон потом посолили. Положили бревнышки, сели на них и стали есть, кому что досталось (рис. 209). Таз с головой был у мужчин. Саша разрезал язык и раздал детям. Аркадию сказали, что можно брать любой кусок, ему попала часть головы, он отдал ее Ивану, и тот был рад. Саша принес сырую печень и кровь, стал предлагать всем, кто хочет. Разговоры шли непринужденные. Наевшиеся отходили. Саша сказал: «Кто хочет, может ехать и идти домой». Во время еды кому-то показалось, что недалеко прошел по дороге вездеход. Теперь стали спорить, оставлять ли жертвы до утра или снять сейчас. Ирина

сказала мне: «Возьми свою тряпку, будем все снимать». Но потом решили все оставить на месте. Ирина дала мне и Аркадию по большому куску мяса. «Вы ведь бутылки ставили» – объяснила она. Она еще что-то говорила, что нужно приходиться к ним домой есть мозги, но я не поняла когда – сегодня вечером или завтра утром.

Домой пошли около 8 часов вечера, а пришли сюда в 12 часов, т.е. в. общем, жертвоприношение длилось 8 часов. Все это время Аркадий Михалев мог вести съемку, и не разрешили только снять развешивание платков и моление, когда все кланялись.

(Каяуково, личные наблюдения Н.В. Лукиной. 1983. Л. 23–31).

Йир – кровавое жертвоприношение, *поры* – бескровное. *Йир* делают общим духам, а для домашних духов – *поры*.

Выше Угута имеется на берегу бугор, о котором ханты говорят, что здесь похоронен *мэнк ики*.

На мой вопрос, жертвовали ли ханты собак, Е.М. Рыскин ответил отрицательно.

(Разные информанты).

На жертвенном месте на березах были развешаны отрезки сукна длиной 6–7 м. Интересно, что деревья, на которых находились жертвоприношения, имели гладкие стволы, на которые непросто взобраться. Очевидно, ткань поднимали на шестах, но они должны быть очень длинными.

Ханты из юрт Тауровых недавно купили в пос. Угут лошадь и везли ее для жертвоприношения.

(Записано на р. Тромъеган, пос. Кочевые у А. Иваненко. 1975-3. Л. 5, 14).

11.4. Почитание животных

Не слышал о запретах убивать какое-либо животное. Убивать можно всех зверей и всех птиц. Лося и медведя тоже можно убивать. Лосиные праздники на Югане не делают. Убьют лося и сразу везут в юрты. Лось – *вояҕ*.

Медведь – *пуни*. Медведя не называют *моньи* (младшим братом). Он не был человеком. Говорит, что не слышал, чтобы медведя называли сыном Торума. На медведя болтать нельзя – сдачу даст. Он понимает человеческую речь. Говорить о медведе плохо – это *йим* (запрет). Ханты вместе с русскими на медведя редко ходят. Если медведя убьют далеко от юрта, то можно оставить в лесу на ночь. Ружье или топор при этом на медвежью шкуру не клали, такого обычая не было. Убитый медведь не может ожить.

Каждый раз, как убьют медведя, делают праздник (*пуни поры*). Говорит, что бывал дважды на этих праздниках. Когда охотники, убившие медведя, подъезжают к деревне, то начинают кричать и стрелять. Если убили самца – 5 раз стреляют, если самку, то 4 раза. Жители деревни выходят встречать охотников. Затем все подходят к дому охотника, который убил медведя. Он заносит в дом голову и передние лапы медведя и кладет их на стол. Потом заходят в дом все остальные и обязательно целуют медвежью голову. Присутствовать на празднике могли не только ханты, но и русские. Праздник продолжался 1 день и ночь. Во время праздника пели, рассказывали сказки, играли. Как расскажет сказку, так делает зарубку на специальной палке (*чомэл юҕ*), которую делает хозяин. Все, кто рассказывал сказки и пел, надевали берестяные маски *тонтоҕ ванч*, надевали женскую одежду, подвязывали платки. Женщины же не пели и не рассказывали сказок. Они просто смотрели и слушали. Содержание песен и сказок не знает (не запомнил).

В конце медвежьего праздника варят и едят голову медведя. Только после того, как съедят голову, можно есть остальное мясо. К трапезе допускались и женщины. Череп медведя кладут на чердак, а зачем – не знает. Специальных ящичков для черепа медведя не делали. Не видел.

Пуни велта – убивать медведя. *Пуни няҕлита* – есть медвежье мясо. Выражений, заменяющих эти фразы, не знает.

Медвежий праздник делали лишь тогда, когда убьют чистого медведя. Тушу медведя разделявали в лесу. Вначале вынимают внутренности. Если в желудке медведя найдут человеческий волос, то всю тушу здесь же целиком сжигают, даже не сняв шкуры. Медведь, задравший собаку, тоже считается поганым. Его тоже сжигают сразу, *пуни поры* в таком случае не делают. Если медведь чистый, то его разделявают до конца, разрубая тушу только по суставам, дробить медвежьи кости нельзя.

(Записал Е.М. Титаренко в пос. Угута от М.Н. Бисаркина. 1973. Л. 3–5).

Специальных ящичков для хранения костей медведя не делают. Медвежьи кости собирают и уносят подальше в лес. Черепа обычно оставляли у себя охотники, кладут их на чердаки. Кости дальше уносят от дома, чтобы человек их не топтал и чтобы собаки не таскали. Медведь за это быстро рассудит. Он все понимает, только говорить сам не может. Медведь понимает человеческую речь. Один раз видел по телевизору, что медведи на гармошках играют. Всю землю: людей и животных создал бог Торум. Медведя тоже создал Торум. Медведь раньше человеком был, но чем-то провинился перед Торумом, и Торум превратил его в медведя. С тех пор медведь – второй человек. Он все понимает, только не может говорить. Сыном Торума медведя не называют. Такого не слышал. Самца-медведя ханты на-

зывают *мдни* – (младшим братом), а самку – *ниңы* (младшей сестрой).

На медведя идти может любой человек. Если охотник найдет берлогу, то идет в юрты и зовет кого-нибудь с собой. Отметку на том месте, где найдут медведя, не делали. Прямо нельзя говорить: «Пойдем медведя убивать». *Пуни велта* – медведя убивать. Это не на белку идти. Медведь такие слова услышит и поймет. Кто смелый, тот и говорит. Все ханты говорят: *мемэль вылте маҕ* – медведя пойдем убивать. Медведь слышит, его называют *пуни*. Кто боится медведя, тот называет – *мемэль*. Убитого медведя разделявают в лесу. Снимают шкуру, кишки вытаскивают, потом тушу разрубают на части. С головы и передних лап шкуру не снимают. Их оставляют для медвежьего праздника (*пуни поры*). На убитого медведя железные предметы не кладут. На ночь медведя в лесу не оставляют, сразу в юрты везут. Когда охотники возвращаются с медведем в юрты, стреляют. Если самца убили, то 5 раз, если самку, то 4 раза. Все выходят встречать охотников.

Если хозяин (охотник, убивший медведя) согласится, то делают *пуни поры* – медвежий праздник. Если не согласится, то не делают. Раньше, говорят, всегда делали. Только, если нечистого медведя убьют, тогда медвежий праздник не делали. Медведь нечистый тот, который человека задрал или собаку. Такого медведя сжигали там, где убьют. Шкуру с этого медведя снимали, то у себя дома не держали, а сдают в ПОХ. Если медведя днем в юрты привезут, то сразу и делали *пуни поры*. Если ночью, то нарты ставят около дома охотника, убитого медведя, так, чтобы голова была обращена к дому. Голову медведя покрывают платком, говорят, что он спит. Утром народ собирается около дома. Хозяин снимает с медвежьей головы платок. Все – мужчины, женщины, дети подходят и целуют голову. После этого хозяин заносит голову в

дом. Там он кладет голову и передние лапы медведя на маленький столик. Женщины украшают голову медведя бусами, воротником, расшитым бисером. На глаза медведя кладут трехкопеечные монеты, чтобы он все мог видеть.

Праздник продолжается 2–3 дня. Хозяин обливает водой каждого проходящего и говорит, что дождь идет. Зачем это делали, не знает. Хозяин же выстрагивает специальную палочку *соҕ юҕ*, на ней делают отметки: сколько песен спели. Иногда до 300 отметок делали. Содержание песен не знает. Говорит, что обо всем пели. *Соҕ юҕ* кладут рядом с головой медведя. Потом пляшут, только мужчины. Ни разу не видел, чтобы женщины на *пуни поры* плясали.

Мужчины, которые поют, надевают женское платье, большие платки. На лица надевали *тонтоҕ ванч* (берестяные лица). Песни пели и плясали все мужчины, которые знают песни. Кто не знает, тот сидит и просто слушает. Женщины на празднике закрывают платками лица, чтобы медведь их не видел. Поют весь день. Когда наступает ночь, голову медведя накрывают платком и говорят, что медведь уснул. После этого все ложатся спать. Утром платок с головы медведя снимают, и праздник продолжается.

Под конец праздника кто-нибудь из присутствующих наряжается филином (филин – *пуните йипыҕ*). Любой человек мог нарядиться филином. Он надевает на себя кумыш, подвязывает его поясом, на живот накладывает много тряпок, чтобы живот толстый был, а к ногам привязывает солому. Наряжается филин на улице. Другой человек прячется в доме с луком и стрелой наготове (*яҕул, нёл* – лук, *лднк* – стрела). Филин входит в дом, размахивает большой палкой и кричит: «*Пуҕу, пуҕу*». Он пытается подбежать к медведю и ударить его по голове, но тут человек, который скрывается, стреляет из лука в живот филину, и между ними начинается борьба. Охотник бьет филина луком, сваливает его пол.

После этого все тащат филина из дома. Ему так и не удается ударить палкой медведя.

После этой игры от головы медведя до порога расстилают чистую материю: делают дорогу медведю. Медведь уходит туда, где он жил. Все женщины стоят по одну сторону дорожки, мужчины – по другую.

Прощаются с медведем, говорят: «*Пупи ментаяг* – медведь пойдет в лес». Потом снимают шкуру с головы и лап медведя и варят их. Едят медвежье мясо все, кто присутствует. Сырое мясо медвежье есть нельзя. Медведь сердиться будет.

После праздника хозяин убирает в доме. Он складывает медвежьи кости в большую куженьку и уносит их далеко в лес, чтобы собаки не таскали.

(Записал Е.М. Титаренко в Угута от М.М. Рыскина. 1973. Л. 6–10).

Лосиные праздники не делали, такого обычая не было. Если охотник убил лося, то сразу его разделывает и везет тушу в юрты. Совместной трапезы не устраивали. Если охотник первый раз в году убьет лося, то срезает его нос (*нюштумп*) и режет на семь частей. (Почему именно на 7, не знает). Затем охотник угощает и благодарит всех духов за добычу и сам съедает *нюштумп*. *Канта ку* (человеком) лось не был.

Зверей всех можно убивать. Какие в лесу водятся звери – всех стрелять можно. Говорит, что кукушку нельзя убивать. Кукушка – женщина (*ими*).

(Записал Е.М. Титаренко в Угута от К.И. Кельмина. 1973. Л. 21–22).

Лось – *вайаг*, или *нёг*. Охотник, если лося убьет, дома *нёг поры* делает. Обычно семьей собираются. Варят лосиную голову целиком. Едят. Перед трапезой благодарят духов за удачу, просят, чтобы еще зверей давали. Всех духов уго-

щают. Язык и сердце лося можно резать только вдоль волокон. Поперек нельзя – удача у охотника пропадет. Нос лося охотник в сыром виде сам съедает, чтобы ему и дальше удача была в охоте.

(Записал Е.М. Титаренко в Каюкове от Е.П. Ярсомова. 1973. Л. 37).

Если медвежий кал в лесу увидят, то сорвут несколько ягод, бросят в него и скажут: «Видишь, я тоже ягоду собираю. Ты меня не пугай в лесу». Если мало народу пошло на медведя, то возле берлоги натягивают две толстые веревки, чтобы медведь запутался, как выскочит. Один охотник берет длинную палку и сует ее в берлогу. Медведь лапами палку схватит, а охотники ему кричат: «Отпусти (*ильсле*)», и медведь отпустит. Если медведь кричит сильно, то охотник говорит: «Мы к тебе в гости пришли, хозяин, а ты кричишь». Медведь сразу перестает кричать. Медведя и лося Торум на землю опустил. Зверей и птиц всех убивать можно. Рыскины тоже медведя убивают.

(Записал Е.М. Титаренко в Каюкове от Е.М. Рыскина. 1973. Л. 55).

На медвежьем празднике после каждой исполненной песни делают зарубку на специальной палке. Ефим М. Рыскин рассказывает, что на одном празднике присутствовали русские женщины. Они пели частушки, и каждая считалась песней, после нее делали зарубку. На палке, которую мы нашли в одном из домов, сделано 103 зарубки (рис. 210). Значит, на этом празднике было спето 103 песни. На одном конце палки вырезана голова медведя. Основная часть разделена на 5 участков поперечными зарубками. Это означает, что убит был медведь-самец. На участках проделаны были продольные бороздки. Зарубки сделаны на ребрах.

В первую ночь медведь, как будто, ночевал на крыше, затем недалеко от дома в кустах, затем еще дальше и в послед-

нюю ночь – у своей берлоги, где его добыли. Он, как бы, вернулся домой.

(Каюково. 1983. Л. 15).

Кошка *кёска* считается духом *лунг*. Ее нельзя бить. Этот лунг как-то связан с *Казым ими*, как будто, ее дух. В пос. Каюково кошки появились в домах несколько лет назад.

(Каюково, И.М. Каюкова. 1983. Л. 15–16).

По дороге к урье Рыскиной имеется два затеса на деревьях, где вырезано стилизованное изображение головы медведя и черточки, означающие число охотников и число убитых медведей.

Медведь – священный зверь, поэтому его ханты специально не ищут, чтобы убить. «Снег не копаем», т.е. берлогу не ищем. Бывает так, что один прошел и не заметил берлогу, а другой заметил, значит, ему медведь «показался».

(Каюково, Е.М. Рыскин. 1983. Л. 22-23).

На Югане сейчас голову медведя не хранят дома, как это принято на Тромъегане. Там шкуру снимают целиком и стремятся продать. Мясо медведя нельзя рубить топором и давать есть собакам.

(Записано на р. Тромъеган, пос. Кочевье у А. Иваненко. 1975-3. Л. 5).

11.5. Служители культа

Шаман (*чирта*, *тирта*) мог быть на *пуни поры*, но во время праздника он не ворожил. На другой день после праздника он мог шаманить. У *чирта ку* были *наркас юг*, иногда *куип*.

(Записал Е.М. Титаренко в Угута от М.М. Рыскина. 1973. Л. 11).

Присутствие *тирта ку* на медвежьем празднике не обязательно. Праздник могли делать и без *тирта ку*. Во время *пуни поры* он не ворожил. Торуму тоже не молились во время праздника. *Арэ́та ку* обязательно был на *пуни пары*. Он больше всех песен знает. *Мднте ку* на медвежьем празднике были, но сказки во время *пуни пары* не рассказывал. Сказки вообще не рассказывают на медвежьем празднике, только поют песни.

Категории шаманов: *тирта ку*, *арэ́та ку*, *мднте ку*, *улом верта ку*. *Исьлта ку* и *ёлта ку* не было. Так шаманов не называют. *Тирта ку* ворожит. Он может попросить лунгов, чтобы они удачи в охоте дали, здоровье. *Улом верта ку* тоже шаман. Только он не ворожит. Он все во сне видит. Придет человек к нему и скажет, что заболел. *Улом верта ку* дня через 2–3 скажет, какому духу подарок надо сделать, чтобы вылечиться. *Арэ́та ку* – не шаманы. Они только песни поют. *Мднтые ку* только сказки рассказывают. Кто назначает шамана, не знает. Если отец шаман, то сын мог и не быть шаманом. (Не по наследству). Сила у шаманов не одинаковая. У *тирта ку* больше силы, чем у *улом верта ку*. Друг другу шаманы не подчинялись. Шаман мог лечить любого человека, из любой семьи. Их возили по всем юртам. *Улом верта ку* ворожит ночью, когда спит. *Тирта ку* мог ворожить в любое время. Человек заболел – нужно быстрее лечить его. Как шаман приедет, сразу и начинает шаманить.

Женщины шаманами могли быть, но женщину *тирта ку* ни разу не видел. И не слышал, чтобы такое было. *Улом верта ку* женщины, наверное, есть.

Когда делают угощение домашним духам, шамана не приглашают. Угощение делают 1–2 раза в месяц. На стол ставят лунгов и еду, вино тоже ставят, если есть. Говорят, что духи едят. Все члены семьи садятся за стол и едят. Угощение духам делают, чтобы не болели люди, чтобы удача была в

охоте. Подарки *вонт лунгу*, так же как и Торуму, делают без шамана. Шамана зовут, когда человек заболевает. Иногда сами приходили в дом к шаману. *Тирта ку* приходит один. Помощников у него нет. У *ареҕта ку* есть *наркас юҕ*. Когда он поет, играет на *наркас юҕ*. У *тирта ку* тоже есть *наркас юҕ*. Только он не поет. Во время камлания *тирта ку* играет на *наркас юҕ*. Ворожить шаман мог без огня. Камлает 1,5–2 часа. Ворожит шаман только в доме. На улице не ворожил. Все посторонние во время камлания уходят. Остаются только члены семьи. Подарки шаману не делают. Если шаман скажет, что какому-нибудь духу нужно сделать подарок, его приглашают на жертвоприношение. *Тирта ку* участвует в совместной трапезе. Оставшееся мясо делят поровну. Шаману столько же дают, сколько и всем. С кем разговаривает шаман во время камлания, точно не знает. (Может быть, с духами, может быть, с Торумом).

М.М. Рыскин говорит, что еще мальчиком видел камлание. Тогда шаман его лечил (ноги отморозил). Шаман все время сидел сзади больного и молча играл на *наркас юҕ*. Он ничего не говорил во время камлания.

Бубнов (*куун*) не видел у шаманов, только *наркас юҕ*. Одежды специальной у шаманов не было. Мог в русской одежде ворожить.

(Записал Е.М. Титаренко в Угута от М.М. Рыскина. 1973. Л. 12–15).

Ил'эс шамана (*тирта ку*) может уходить от него. Когда шаман ворожит, то его душа улетает к Торуму. Он сам молчит. Сидит только и играет в *наркас юҕ*. Потом душа возвращается, и *тирта ку* скажет, будет тебе удача или нет. Говорят, что *тирта ку* не только к Торуму обращается, но и ко всем духам. С домашними духами он может говорить. Если шаман близко есть, то у него спрашивали, какой пода-

рок и какому духу делать надо. Если шамана нет, и некому поворожить, то сами делали *ир*. Перед охотой редко шамана просили ворожить. Чтобы удача в охоте была, сами делали *поры* для лунгов и просили их, чтобы пушнины больше дали.

(Записал Е.М. Титаренко в Угута от К.И. Кельмина. 1973. Л. 24).

Мулте ко. Когда *поры* делают, этот человек духов созывает. Он молитву читает. *Мулте ко* может быть любой человек. Это не шаман. Даже русский может быть *мулте ко*, если говорит по-хантыйски.

Нлуте ко – человек, поспоривший с кем-то и поклявшийся именем медведя, говорит: «Пусть меня медведь в лесу задерет, если я не прав».

Тирта ко – шаман, *ареҕта ко* – песни поет человек. Это не шаман. Любой человек, кто песни поет, – *ареҕта ко*.

Монте ко – то же самое (сказочники), любой человек, не шаман.

Улом верта ко – человек, который сон видит. Если человек заболевает, то просит *улом верта ко*, чтобы тот во сне увидел – какому духу подарок сделать надо, чтобы болезнь прошла.

Тирта ко – шаман. Шаманство не по наследству переходит. Человек сам чувствует, что он шаман: сон какой-нибудь увидит, и этот сон сбудется или загадает что-нибудь, и все сойдется. Человек сам себя шаманом объявляет. *Торум ики* посмотрит на тебя хорошим глазом – шаманом станешь. Друг другу шаманы не подчиняются. Враждовали между собой. *Тирта ку* своей семье ворожить не может, только чужим людям ворожит. Если сильный шаман, то своей семьей ворожит. *Тирта ко* только с добрыми духами и с *Торум ики* говорит, когда ворожит. *Тирта ко* ворожит в любое время. *Улом верта ко* ворожит, когда спит. Женщины могут быть *тирта*

ко. У тирта ко – наркас юг. Куип – бубнов здесь нет. Когда шаман шаманит, душа его улетает вверх к духам. Он сам сидит молча, в наркас юг играет и сильно выдыхает воздух – это его душа вылетает. Когда кончит ворожить, говорит, какому духу надо подарок сделать.

Одежды специальной у шамана нет. Помощников тоже нет. Шаману дарят обычно оленью шкуру. Если нет шкуры, то посуду, нож или топор дают. Семен Песиков – самый сильный шаман по всему Пиму, живет в пос. Пим.

(Записал Е.М. Титаренко в Каюкове от Е.М. Рыскина. 1973. Л. 60-61).

11.6. Погребальный обряд

Кайем ко – мертвый человек. Когда человек умирает, от него уходит душа. Все живые боятся душ умерших. Раньше старики говорили, что души умерших забирают с собой души живых. (Как называется душа, покинувшая человеческое тело, не знает).

Мертвого человека держат дома дня два. Хоронить можно сразу, как все приготовят. На похороны собираются родственники, знакомые, хоть кто мог придти. Мертвого одевают в то, что он носил. Кладут в гроб табак, спички, кружку, нож. Одежду покойного не разрезали. Такого не видел. Некоторые пробивают дырки у посуды, которую кладут в гроб. Почему и зачем, не знает. Говорит, что сам этого не делал, когда хоронил сестру. Хоронят только в деревянных гробах. Чтобы в колоде хоронили, или просто завернут в бересту – не видел. Атэм юг – гроб, делают из любого дерева. Огонь в гробу не разводят. Иногда гроб обертывают берестой, но это не все делают.

Кладбище общее. Русских тоже там хоронят. Покойника из дома несут на руках на кладбище. Когда принесут гроб,

тогда начинают копать могилу. Заранее копать нельзя. (Почему – не знает). Могилу копают глубиной примерно 1,5–2 м. Некоторые делают настил, под него ставят гроб на дно могилы (рис. 211). По углам ямы ставят 4 чурбана и настилают доски. Полог делают здесь редко. Просто гроб опускают в могилу и засыпают землей.

Когда все с кладбища уходят, последний кладет на тропинке палочку, чтобы духи покойника за живыми людьми не пошли. С кладбища все идут в дом покойного. Там женщины на пороге бросают горящую тряпку и все, кто был на кладбище, должны перешагнуть через эту тряпку.

В доме умершего родственники не спали ночью. Кто-нибудь один да должен сидеть ночью, не спать. Если умерла женщина, то сидят четыре ночи. На пятый или четвертый день родственники идут на кладбище, там делают домик над могилой и справляют поминки. Разжигают костер, кипятят чай. Для покойного в верхний гроб (надмогильный домик) кладут хлеб, сахар, все, что с собой принесли, стакан вина ему выливают.

Оленя редко для покойника забивают. У кого есть, тот забивает. На могилу кладут нарты, дрова, облас.

(Записал Е.М. Титаренко в Угута от К.И. Кельмина. 1973. Л. 25–26).

Когда мертвых в гроб кладут, веником шиповника над ним машут, чтобы душу какого-нибудь живого человека в гробу не заколотили. Могилу, перед тем как засыпать, тоже вениками шиповника обмахивают – души оттуда выгоняют. Люди, которые могилу копают, свои следы, оставшиеся в могиле, должны стереть, чтобы душа покойника за ними не гонялась. Если придут люди на могилки помянуть умершего, то вокруг того места, где они сидят, ножи кладут, чтобы души других покойников не подходили.

Под землей люди наоборот живут. Все вещи, которые кладут в гроб или на могилу, обязательно портят. Для покойников ездовых оленей забивают, нарты на могилу кладут. Оленей забивают не так, как для духов (например, для Торума или *Ядун ики*). Когда оленей забивают для Торума, его бьют колотушкой по голове и втыкают в сердце нож. Перед тем как забить оленя, его окуривают, чтобы лунги или Торум чистым животное брали. Когда для покойников оленя забивают, его не окуривают и бьют колотушкой в зад, потом душат. Кровь выпускают только тогда, когда разделяют тушу. Мясо на землю класть нельзя, его сразу *илэк канчоҕот* тронут. Такое мясо есть нельзя. Мясо сразу на нарты складывают.

(Записал Е.М. Титаренко в Каюково от Е.М. Рыскина. 1973. Л. 58-59).

В эти дни в поселке находятся старики, родители ханта, утонувшего недавно в Угуге. С ними их единственная дочь. У сестры и матери утонувшего основание мизинца, безымянного и среднего пальцев переплетены темной нитью на обеих руках. Женщины, близкие родственники умершего, всегда так делают, мужчины нет. У двоюродных сестер этого знака траура нет.

(Каюково. 1974-1. Л. 28).

На мой вопрос к сестре недавно умершего: долго ли нужно носить траурную перевязь на пальцах? Она ответила: «Уже куда-то делась. Сейчас стирала, и не стало». Носить нужно, пока сама не потеряется. Если не видишь, как отпадает – хорошо (кому хорошо – умершему или живым сказать не могут, поняла так, что тем и другим). Траурную перевязь надевают также детям – близким родственникам, на щиколотку. Носят также, пока не отпадет.

(Каюково. 1974-1. Л. 44-45).

Кладбище расположено в бору, вдали от реки (рис. 212). Это новое кладбище, ему лет 20. Старое было ниже по течению от юрт Рыскиных, часть его застроена современным поселком Каюково.

Могила № 1. Невысокий могильный холм. Домик срублен из досок, как строят дощатые амбары. Крыша дощатая, сверху покрыты толем, и поперек покрытия проходит несколько изогнутых планок. Справа (если встать лицом к отверстию в домике) поставлены боком нарты и длинные сухие палки. На правой половине крыши лежат сухие сучья. Это запас дров, он имеется у всех могил, дрова используются для разведения огня на поминках. Перед домиком обрубками деревьев, в один ряд огорожена небольшая площадка, на ней постелена сухая трава. Перед этой площадкой – следы кострища. Внутри домика видны предметы из оленьих шкур и ткани.

Могила № 2. Небольшой могильный холм. Домик срублен из тонких сосновых стволов, три венца. Крыша двускатная, покрыта толем, берестой, сверху планки, переломленные на коньке крыши. Крепление крыши на боках как у летних избушек: боковые слезы вложены в выемки, вырубленные в концах верхних бревен торцов. Влево и вправо к домику поставлены наклонно готовые дрова. Видимо, раньше перед отверстием была площадка, сейчас огораживающие ее палки, сдвинуты. Перед домиком следы кострища.

Могила № 3. Детская. Холма почти нет, накрыта берестой, сверху лежат на земле доски, по углам стоят четыре палки, на левой впереди поперек прибитая планка, очевидно, это подобие креста. Перед могилой кострище.

Могила № 4. Дощатый домик. Отличие его от первого: крыша только из досок, отверстие в нижней доске у самой земли. Перед отверстием лежит доска. На переднем торце, очевидно, углем нацарапано: 11/VI-1960.

Могила № 5. Подобна могиле № 4, но слева на углу поставлено подобие креста из тонких планок, на перекладине вырезано: XII.VII.64.

Могила № 6. Домик из досок, покрыт берестой, без планок, без отверстия, слева – остатки креста из тонких планок.

Могила № 7. Захоронение в мае 1974 г., как написано на кресте. Домик дощатый. Его особенность – на торце справа и слева от отверстия сверху подоткнута под крышу стружка для вытирания. Перед отверстием доска на земле, справа – берестяная чумашка. Слева – крест настоящий, выкрашен красной краской.

Могила № 8. Детская. Могильный холм хорошо выражен, могила явно недавняя. Береста на два ската, на ней доски, палки. Слева – грубо сделанный тонкий крест с двумя перекладинами, у него наверху – деревянная птичка, повернута клювом к могиле.

Могила № 9 (рис. 213). Детская. Дощатый домик, слева от него у торца – грубый крест из тонких планок, на нем птичка.

Могила № 10. Домик разрушен из-за ветхости. Был из очень широких досок. Холм не заметен. В дальнем от отверстия конце могилы, под досками – котел со снятой дужкой. Слева от могилы поставлена нарта, вверх полозьями, без повреждения.

Могила № 12. Очень широкая, очевидно, двойная. Сруб из бревен, крыша из досок.

(Каюково. 1974-1. Л. 66–70).

Человек умрет, живет там наоборот, полгода за год считается. Если кто сильно о земле думает, то на земле среди его родных может скоро родиться ребенок, похожий на умершего. Считается, что это умерший вернулся на землю. Этот похожий называется *ндмсэи*. На мой вопрос: дают ли этому

ребенку имя человека, на которого он похож? – ответили отрицательно. И тут же привели пример, что бывает по-другому: иногда ребенку дают имя (русское) близкого взрослого родственника.

(Каюково, А. Мултанов 1974-1. Л. 72).

Посетив кладбище, я обнаружила рядом с ним на пне тот маленький *сак*, который был сшит женщиной в 1974 г.

(Каюково. 1980. Л. 2).

11.09. произошел несчастный случай – утонуло четверо хантов, еще четверо из этой же лодки спаслись. Из утонувших нашли двух женщин – старуху и школьницу. Их хоронили вместе. Вначале они лежали на нарах в доме старухи, накрытые белой тканью. В доме круглосуточно горели 2 лампы и сидели люди – одни уходили, другие приходили. Сроки похорон определить было трудно. Известие о несчастье получено было утром, трупы привезли поздно вечером. На другой день после обеда их переодели в новую одежду и оставили лежать на нарах под белой тканью. Хоронить хотели в этот день после обеда, но пришлось ждать милицию и врача для вскрытия. Они не приехали ни в этот, ни в следующий день (уже третий). Оставлять трупы в доме ханты не хотели и унесли их на кладбище. В этот день (третий после получения известия) близкие родственники надели знаки траура. Мать и взрослая сестра утонувшей девочки надели на пальцы (указательный, средний и безымянный) перевязь из тонкой веревочки (рис. 216), а на лоб повязали ленты из белой ткани (рис. 217), завязали сзади. Это были просто повязки, оторванные от белой ткани, которой накрыли покойниц. Во второй семье это сделала дочь и жена сына умершей старухи. Мужчины – брат и сын утонувших – надели обручи из сарги. Сарга предварительно лежала на покойницах.

В день предполагаемых похорон мужчины с утра начали делать два гроба. Доски принесли из разных мест поселка. Их обстругали, распилили пилой, сбили гвоздями. К обеду гробы были готовы. Они стояли перед домом на боку, в них лежало по ветке шиповника (рис. 218).

Хоронить не пришлось и в этот день, но гробы унесли в лес, на специальное кладбище для утопленников. Оно на берегу Югана, рядом с поселком. На нем всего 3–4 могилы. Основное же кладбище расположено в сосновом бору. Могилы вырыли уже после приезда милиционера и врача, после вскрытия. Изготовили надмогильные домики (рис. 219). Гробы стояли накрытые розовой тканью, на них лежало по ветке шиповника. Их опустили на бечевках, закрыли широкой лентой изоляции для трубопроводов (заменитель бересты). Уже когда опустили первый гроб (со старухой), две женщины пошли в поселок и принесли свертки берестяных полотнищ (рис. 220). Могилы закидали песком, накрыли берестяными полотнищами и придавили жердями. По углам вбили по кольшкуну, они удерживают жерди, придавившие полотнище. В углах надмогильных холмов поставили по кресту. И кольшкун, и жерди, и кресты были вырублены здесь же, рядом. Кресты вырезали потом. У каждой из могил горел костер. Когда девочки стали греть руки у костра, им запретили. Во время похорон один из участников подошел к могиле родственника, постучал топорищем около окошечка и стал разговаривать с давно умершим (см.: цветная вклейка).

После захоронения между кострами и могилами постелили куски изоляционной ленты. Это вместо столиков, которые забыли взять на похороны. На них разложили продукты, и образовалось две группы (рис. 222, 223). Во время трапезы к могиле лили понемногу водки или сока (его пили в семье, где не было водки).

По обыкновению, на похоронах никто не плакал, даже смеялись. У женщин повязки висели на поясе, у мужчин обручи из сарги были на голове под головными уборами.

Во время похорон вся организация возлагалась не на близких родственников умершего, а на чужих людей.

(Каюково, С.С. Мултанова, И.М. Рыскин и личные наблюдения Н.В. Лукиной. 1980. Л. 6–7).

Юганцы хоронят человека, умершего до полудня, в тот же день, а после полудня – на следующий. Если покойник остается на ночь в доме, то вначале около дома разводят большой огонь, трудно мимо него пройти. Позднее поддерживают маленький огонь.

А. Иваненко наблюдал, как хоронили новорожденного ребенка. Его нельзя хоронить на общем кладбище. Завернули в рулон бересты, сверху обвязали платком, положили под корни дерева и слегка присыпали землей, которую сбили с корней. Засыпание землей было символическим. На предложение А. Иваненко сделать это получше, чтобы спасти от хищников, ханты сказали, то такое ни один хищник не тронет. В связи с этим привожу и сообщение одного из работников местной сейсмопартии, что на Лямине ханты хоронят на земле, могилу не копают вообще. (Вероятно, захоронение детей на земле является пережитком древнего обычая – Н.Л.).

(Записано на р. Тромъеган, пос. Кочевье у А. Иваненко. 1975-3. Л. 4).

11.7. Приметы, запреты

Атэм – запрет (*йим* – аганск.). В огонь плевать нельзя, огонь святой.

Женщина мужские подволоки не должна надевать – мужчине удачи не будет в охоте: бегать быстро не будет.

Через ружье и через капкан женщина не должна перешагивать. Удачи не будет. Охотник испортится.

Когда у женщины менструация, с ней нельзя спать. Если женщина чистая, с ней можно спать перед охотой.

Женщине нельзя на чердак забираться. Один раз в юртах случай был, мужики все ушли на охоту, остались одни женщины и старик-калека. Загорелась крыша у дома, а женщине нельзя туда лезть. Старик еле забрался на крышу, а женщины ему воду подавали. Кое-как потушили пожар.

(Записал Е.М. Титаренко в Угута от К.И. Кельмина. 1973. Л. 22).

Женщине через ружье перешагивать нельзя – атэм. Из этого ружья ни в одного зверя не попадешь. Над огнем это ружье поддержишь – снова удача вернется. Еще говорят, что надо, чтобы собака через ружье перешагнула – удача в охоте будет.

В огонь плевать нельзя.

Про медведя плохо нельзя говорить.

Кишки убитого соболя нельзя бросать на улицу. Тушку колонка тоже нельзя бросать. Их каждый охотник обязательно в огонь должен бросить. Когда в огонь кишки соболя бросят, говорят: «Лежи в глубокой норе, спи крепко». Если так сделаешь, соболь не услышит, как охотник к нему подходит. Если собакам отдашь соболиные кишки или тушку колонка, то не убьешь ни одного.

Тушки соболей, белок и др. ханты не выбрасывают, а хранят на чердаке.

(Записал Е.М. Титаренко в Каюково от Е.М. Рыскина. 1973. Л. 54-55).

Лиза Рыскина: Сегодня я утром рано встала, а мать уже на улице, тазом туман закрывает, чтобы погода хорошая была. (День и вправду был очень хороший для осени – Н.Л.).

(Каюково. 1974-1. Л. 91).

Ханты спят ночью, у них лампы зажженные горят. Они говорят: «Умрем – тогда в темноте наложимся. Пока живы, надо со светом пожить».

Ногти с рук нужно класть за пазуху, ногти с ног в обувь. Если бросить где попало – на том свете будешь их искать.

Волосы нельзя бросать, нужно хранить в одном месте. Бросишь – на том свете будешь ездить искать их, по городам будешь ездить.

Выпавшие зубы нужно бросать в огонь и говорить: дай мне золотые зубы, я тебе плохой даю. Если так не сделать – зубы плохие вырастут.

Женщинам запрещено запрягать в нарту в ездить на хоре. Кастрированных быков можно запрягать.

(Каюково, Е.М. Рыскина. 1974-3. Л. 8).

12. МУЗЫКА. ФОЛЬКЛОР

Губной музыкальный инструмент *тóмра* (рис. 224). Из пластинки, взятой с нижней части ноги оленя. Хранится между двумя деревянными пластинками, по форме напоминающими *томру*; они обмотаны длинной нитью, прикрепленной к инструменту. Чехол называется *пэртэн юг*.
(Каюково, А.М. Ярсомова. 1974-1. Л. 23).

Музыкальный инструмент *ниң юг* (рис. 225). Сделан Иваном Михайловичем Рыскиным. Он меньше старинного хантыйского инструмента, который был у отца Ивана, и звук у него слабее. Тот инструмент был еще от деда. Его взял заведующий клубом Л.Е. Ярсомов для музея, деньги за него не отдал. Этот инструмент и смычок к нему делают из кедра, струны на инструменте и смычке – из конского волоса, из хвоста. (Форма инструмента и способ игры на нем аналогичны тому, что я видела на р. Пим – Н. Л.). Иван украсил инструмент, нарисовав на нем зверей и лес в реалистической манере, отличающейся от хантыйского традиционного стиля. Смычок – *ниң юң яц(в)ул*.
(Каюково, И.М. Рыскин. 1974-1. Л. 29).

В юртах Ярсомовых есть два музыкальных инструмента *тороҕоп юг* (*тороҕ* – журавль). У отца Анны есть *наркас юг* (инструмент типа *панан юг*), но он его прячет, боится показывать, на нем шаманят. В Ярсомовых юртах есть также барабан *куип*, его тоже не показывают. Один раз, когда мальчик заболел, съездил мой муж за шаманом и достал этот барабан из амбара.
(Каюково, А.М. Ярсомова. 1974-1. Л. 46).

У хантов есть игра-соревнование: пробивать лопатку оленя. Оттягивают указательный палец и резко опускают. Кто сильный, тот пробьет самое тонкое место у лопатки. Затем пробитые лопатки надевают на сучок (рис. 226). Когда щучью голову едят, детям рассказывают небольшие былички о челюсти (рис. 227) и других частях.
(Каюково, А. Мултанов 1974-1. Л. 73).

Вчера вечером просила хантов перевести или передать содержание начала четырех песен, записанных нами на магнитофон.

1. Песню исполнял Александр Наумович Рыскин. Во время исполнения он назвал ее *тарэн арэх*, так же назвали ее и переводчики. *Тарэн* они переводят как «крепкий». Переводивший песню Иван Сапаркин назвал ее *юс арах*, т. е. старинная песнь. Он же определял жанр и других песен в записи, ориентируясь на давность сложения песен. Из его рассуждений можно было понять, что если песне лет «с полста», то она старая, а другие – новые.

Содержание песни А.Н. Рыскина. В ней упоминаются пика, щит, сабля, меч. Народный дом, в нем все ходят. У меня тоже была пика, когда я жил в то время. Хорошую сталь ты делаешь, ты хозяин *Орт ики*. (Дальше речь должна идти о том, как герой песни с саблей идет на войну).

2. Песню исполнила жена Н.Г. Чалтомова – Аля. У нее есть сын от первого брака – Сережа. Песню сложила она сама. И. Сапаркин назвал песню *ильтин куть арэх* – новая современная песня. Содержание: «Маленький Сережа, сынок. Как увезли его в Ханты-Мансийск, я сичу плачу. Государство записало, так и буду делать».

3. Песню пели А.Н. Рыскин и его жена Анисья. Это тоже старинная песня – *юс арэх*. Общий смысл ее сводится к тому, что муж собирается на медведя, а жена не пускает его.

– Жёнка моя милая, у меня есть песня. – Пой. – Жёнка моя милая, я спою тебе песню, потом пойдем. – Не ходи на медведя, мой муж. – Все равно пойду. – Медведь крепкий. Один зуб у него, один ноготь у него и то крепкие, не ходи. – Все равно пойду. Сама пой. – У медведя зуб крепкий, ноготь крепкий. – У меня с одной стороны сумка с пятью патронами, а с другой – лук крепкий и ружье злое.

4. Песню исполнили Анисья и Аля (см. выше). Переводчик И. Сапаркин назвал ее *ильт пос*.

– Пой! – 300 оленей есть, на войне их не убьешь. У Пашки Еркова хорошая жена. 120 оленей у меня. – Поймаю 120 оленей. – Пусть ведут, сестра. Поймаем все равно. – Хочешь, поймаю. – Уже поймали.

И. Сапаркин сказал, что ханты поют песни, только если выпьют вина. Позднее я спросила об этом у Саши Каюкова. Он назвал брата своего отца – Лисака Павловича Каюкова из юрт Каюковых-Летних, который поет и без вина.

(Каюково. 1980. Л. 3–4).

Лисак Павлович Каюков исполнил 5 песен. Из них 4 – песни медвежьего праздника. Песни записаны на магнитофонную ленту 1 (обратная сторона).

1. Песня на медвежьем празднике – *пути арэх*. Это песня о *Марах ёх ими*. Женщина едет к братьям в верховья Оби. Гостила у самого младшего брата. Он дал ей приданое. Она вышла оттуда наряженная и поехала обратно.

2. Песня, сочиненная давно. О женщине из юрт Лармокиных в верховьях реки. Вышла замуж за старика. Он мучил, мучил ее. Глаза вечно были подбитые. Старик помер, вышла за другого. Хорошо зажила. Все у нее есть, и ее не бьют.

3. Песня *Ас ики* – Обского старика. Сын Неба пришел на землю. Нас он называет маленькими, а они большие.

Пришел посмотреть, как на медвежьем празднике пляшут наши медведи. Он (*Ас ики*) оставил песню, чтобы вспоминали о нем в будущем.

4. Песня *Войхорт ики*. Он пошел на землю, раз его вспомнили. Он нас считает маленькими людьми. Он говорит: «У меня конь такой крылатый, что через минуту долечу». Как выходит, дверь закрывается, и говорит: «Не навечно дверь закрываю, а на время. Меня для этого послали. Сплясал бы вам. Вы, люди, как куклы маленькие, для вас пришел».

5. Песня женщины с Тромъегана. Она живет в самой вершине Югана. Мать-отец отдали меня, не могу вернуться. Ефим меня вернет.

(Юрты Каюковы-Летние. 1980. Л. 11).

По дороге к урье Рыскиной есть Червивая старица. Когда-то ехали муж с женой и давали всем лесам названия. Здесь они заночевали, утром встали, а жена говорит мужу: «У тебя в глазах черви». И он говорит: «У тебя в глазах черви». Они умерли, а старица стала так называться.

(Каюково, Е.М. Рыскин. 1983. Л. 23).

13. РАЗНЫЕ СВЕДЕНИЯ

У меня с собой были фотографии по юганским хантам из книги: F.R. Martin. *Sibirica* (Stockholm, 1897). Моей задачей было выяснить, что из предметов смогут опознать современные информанты. Даша Ярсомова о большинстве вещей сказала, что они встречаются и сейчас. Она не видела в настоящее время у хантов шапок-капоров, мужских мешочков для пояса, налобника из беличьих хвостов (для защиты глаз), бубнов, луков и стрел, обуви с орнаментированной головкой и голенищем. Она обратила также внимание на то, что у женщин на фотографии сняты с голов платки, обычно женщины и девушки постоянно носят на голове платок.

(Каюково, Д. Ярсомова. 1974-1. Л. 6–7).

Замечаю, что у местных хантов нет в домах кошек, только у семьи почтового работника кошка с котятами. Спрашиваю о кошках, ханты говорят: «Мы кошек не держим. Если кошку взять в лес, в юрты, то олени потеряются». Лиза Рыскина, лет 20, говорит: «Я их боюсь». Она с опаской смотрит на котенка в нашей комнате.

(Каюково. 1974-1. Л. 31).

На мой вопрос: почему в некоторых словах ханты говорят то «л», то «т» (например, *луй* = *туй*), С.С. Мултанова объяснила, что звук «л» очень трудный. Дети хантов сейчас меньше говорят по-хантыйски, чем взрослые, и не могут научиться произносить этот звук, заменяя его звуком «т».

Приблизительное такое же объяснение слышала из уст Анны Михайловны Ярсомовой.

(Каюково, С.С. Мултанова. 1974-1. Л. 73–74).

Покупаю у Лизы Рыскиной сумочку из оленьих лбов. Спрашиваю: «Отдать деньги или прислать ткани на сах?» Лиза смущена и не отвечает, а ее сестра Анна говорит: «Еще думает! Деньги здесь каждый день бывают, а на сах не купишь».

(Каюково. 1974-Дневник).

О некоторых особенностях культуры юганских хантов. Наличие навесов для хранения нарт. У *всди-кот* вход расширяется кверху (для рогов оленя) и загораживается решеткой.

Ножны, покрытые жостью с подкладкой из ткани на Югане имеют только женщины, а на Пиме – мужчины и женщины.

Наличие поперечной нашивки на подошве зимней обуви – особенность юганцев. Рукавицы здесь пришивают не к внутренним, а к наружным сахам. Мужские сахи здесь такой же длины, как и женские; на Пиме – мужские короче женских. Женские пояса из сукна не обшиваются по кромке. Мужские штаны шьют без клина внизу, только некоторые делают его.

Обеденные столики на Югане – высокие.

Верхняя часть надмогильных сооружений подобны верхней части дощатых амбаров и летних бревенчатых жилищ; их дощатая крыша – такая же, как у крытых лодок. Здесь нет такого разнообразия крестов, как на Вахе. Крест, как правило, это тонкая, грубо обработанная палка с одной переключиной. Ставят его не у середины стенки (как на Вахе), а слева, у стены с окном. Характерные черты юганских могил:

огороженная площадка перед окошечком, хранение дров у стенки домика – для поминального костра, стружка чип, подоткнутая под крышу домика. Здесь чаще, чем на Вахе встречаются бревенчатые сооружения на могилах.

Наблюдаю у женщин зимой такую позу. Одна рука втянута под подкладку сака, а другая засунута в пустой рукав. Женщина стоит, немного наклонив голову к плечу пустого рукава.

(Каюково. 1983. Л. 24).

Пынч может служить подарком, набирка для ягод тоже. Ножом обрезают ногти.

Мышеловка типа черкана – *вэльтип*.

Из старых сетей ханты скручивают веревки.

Ханты рассказывают, что здесь, наверно, живет енот *вунт амн* (лесная собака). Он задирает оленей.

Гагара – *тор ваяг* ‘озерная птица’ (букв. зверь). Она рыбы наестся, подняться не может. Бобры *мэҕ* раньше здесь водились, сейчас нет. Сорока – *сеҕ*.

Рисунки и названия узоров. *Пуни* – медведь. Лиса – *вокы*. Белка – *т(л)анки*. Лось – *воях*. Олень – *вел(т)и*. Дикий олень – *вонт вел(т)и*. Соболь – *нцкос*. Колонок – *сас*.

(Разные информанты).

Список сюжетов, снятых на киноленту.

1. Установка сковородок с рыбой в печь. 2. Пеленание и укладывание ребенка в люльку. 3. Сбор кедровых шишек. 4. Обработка шкуры с головы лося. 5. Разминание шкуры оленя. 6. Нанизывание бисера. 7. Панорама пос. Каюкова. 8. Коробка с последом, одежда, обувь в лесу. 9. Сбор каравана лодок в дорогу. Караван – вид с берега у пос. Каюкова. 10. Жертвоприношение духу Соҕ юҕ *ики*. Е.М. Рыскин. 11. Проверка сетей в обласке. 12. Амбарчик с духами *Эвут ими* и *Кынь ики* пэҕ. 13. Проверка капканов на ондатру и норку.

14. Установка чиркана. 15. Олени и оленьи избушки. 16. Петля на глухаря – силок. 17. Виды реки Юган. 18. Просверливание отверстий лучковым сверлом. 19. Установка домика на могиле. 20. Юрты Каюковы-Летние – общий вид. 21. Выемка хлеба из печи. 22. Лабаз, женщина у входа в лабаз. 23. Установка камня в открытый очаг. 24. Приготовление состава из табака. 25. Поет Л.П. Каюков. 26. Изготовление ниток из сухожилий. 27. Собака облаивает белку. 28. Сбор женщинами брусники. 29. Панорама кладбища.

(Каюково. 1980. Л. 12).

Записи на магнитофон. 1. Песни детей дошкольного возраста. 2. Звукосочетания, произносимые при жертвоприношении *Пуҕос Анки* (Е.М. Рыскин). 3. Речь, произнесенная Е.М. Рыскиным при установке духа его отца в лесу (по-хантыйски и по-русски). 4. Объяснение изображения по поводу охоты на медведя. Е.М. Рыскин (по-хантыйски и по-русски). 5. Шум леса.

Список сюжетов, снятых на киноленту. 1. Личный дух М.Н. Рыскина. 2. Установка его около урны. 3. Изображения на деревьях об охоте на медведя. 4. Проверка капканов. 5. Дети с нартой и собакой. 6. Растягивание камуса. 7. Пробивание лопатки оленя. 8. Олени в лесу. 9. Колка дров женщиной. 10. Наружный очаг. 11. Запряжка и распряжка оленей. Детали упряжи и нарт. 12. Жертвоприношение, ловля оленей в лесу. 13. Поселение зимнее, дети. 14. Заготовка дров. 15. Оленьи шкуры, лбы. 16. Собаки у построек. 17. Шитье обуви. 18. Ребенок в люльке. 19. Фигурки оленя и ящериц. 20. Лес. 21. Кадушка, нары, сборный мех. 22. Хлеб в печи. 23. У запора. 24. Одевание девочки. 25. Походка женщины. 26. Палка для счета песен на медвежьем празднике. 27. В музее с. Угут.

(Каюково. 1983. Л. 12–13, 31).

Беседовали с Анатолием Иваненко, работником местной метеостанции. Он 3 года жил в верховьях Большого Югана, в юртах Тайлаковых. Весьма наблюдательный человек, он рассказал кое-что интересное из жизни юганских хантов. Он отметил разницу в характере юганских и тромьеганских хантов. Первые, по его мнению, более бескорыстны и доверчивы. На Тромьегане ханты неохотно показывают места охоты на уток или лова рыбы. Юганцы живут более опрятно, дома у них большие и светлые.

По наблюдениям А. Иваненко, у хантов выживают дети, родившиеся весной. Если ребенок родится осенью, перед поездкой в урман, то он не выдерживает переездов, холода и умирает. В одной семье дети рождались, как правило, осенью, и из 11 в живых остались только 2.

У 80-летнего ханта две жены: старая и молодая.

(Записано на р. Тромьеган, пос. Кочевые у А. Иваненко. 1975-3. Л. 3-4, 14).

14. СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

1. Бисаркин Михаил Николаевич, 1933 г.р., живет в пос. Угуте.
2. Иваненко Анатолий, русский, 3 года жил в юртах Тайлаковых, записи сделаны на р. Тромьеган, пос. Кочевые.
3. Каймысова Татьяна, живет в Угуте.
4. Каюков Александр Иванович (сын Каюкова Ивана Павловича), 1955 г.р., живет в Каюкове.
5. Каюков Иван Павлович, 1929 г.р., живет в Каюкове.
6. Каюков Лисак Павлович (брат Каюкова Ивана Павловича), живет в юртах Каюковых-Летних.
7. Каюков Михаил Лисакович, 1958 г.р., (сын Каюкова Лисака Павловича).
8. Каюков Николай Тихонович, 1904 г.р., живет в юртах Каюковых-Летних.
9. Каюков Павел Тихонович (брат Каюкова Николая Тихоновича), 1906 г.р., живет в юртах Каюковых-Летних.
10. Каюков Петр Гаврилович, живет в Каюкове.
11. Каюков Филипп Сергеевич, живет в Каюкове.
12. Каюкова (Рыскина) Елизавета Михайловна (дочь Рыскина Михаила Наумовича, жена Каюкова Александра Ивановича), 1955 г.р., живет в Каюкове.
13. Каюкова Ирина Михайловна (дочь Рыскина Михаила Наумовича), живет в Каюкове.
14. Каюкова Степанида (жена Каюкова Филиппа Сергеевича), живет в Каюкове.

15. Кельмин Кирилл Иванович, 1926 г.р., живет в Угуте.
16. Кинямин Кузьма, 1904 г.р., с Малого Югана, беседа в Каюкове.
17. Кинямина Акси́нья (по отцу – Рыски́на), живет в Каюкове.
18. Кинямина Варвара, живет в Каюкове.
19. Мултанов Александр Никифорович, 1946 г.р., живет в Каюкове.
20. Мултанов Егор Николаевич, 1924 г.р., живет в Каюкове.
21. Мултанова (Епаркина) Софья Степановна (жена Мултанова Александра Никифоровича), 1939 г.р., живет в Каюкове.
22. Ньюкумкина с Малого Югана (жена Покачева Сергея Николаевича, мачеха Рыскиной Александры), беседа в Каюкове.
23. Покачев Сергей Николаевич, 1933 г.р., с Малого Югана, беседа в Каюкове.
24. Рыскин Александр Наумович, живет в Каюкове.
25. Рыскин Ефим Михайлович, 1938 г.р., (сын Рыскина Михаила Наумовича), живет в Каюкове.
26. Рыскин Иван Михайлович, 1949 г.р.,(сын Рыскина Михаила Наумовича), живет в Каюкове.
27. Рыскин Матвей Михайлович, 1936 г.р., живет в Угуте.
28. Рыскин Михаил Наумович, 1910 г.р., живет в Каюкове.
29. Рыскин Павел, живет в Каюкове.
30. Рыскина Александра Сергеевна (дочь Покачева Сергея Николаевича, жена Рыскина Ефима Михайловича), живет в Каюкове.
31. Рыскина А. М., 1940 г.р., живет в Каюкове.
32. Рыскина Алевтина, 1953 г.р., живет в Каюкове.
33. Рыскина Анисья (жена Рыскина Александра Наумовича), живет в Каюкове.
34. Рыскина Елена, живет в юртах Каюковых-Летних.
35. Сапаркин И., живет в Каюкове.

36. Чалтомов Николай Григорьевич, 1951 г.р., живет в Каюкове.
37. Чалтомова Алла, 1951 г.р. (жена Чалтомова Николая Григорьевича), живет в Каюкове.
38. Ярсомов Егор Павлович, 1950 г.р., живет в Каюкове.
39. Ярсомов Лазарь Егорович (сын Ярсомова Егора Павловича), живет в Каюкове.
40. Ярсомов Матвей Егорович, 1935 г.р., живет в Каюкове.
41. Ярсомов Петр Егорович, 1925 г.р., живет в Каюкове.
42. Ярсомова Анна Михайловна (жена Ярсомова Петра Егоровича), живет в Каюкове.
43. Ярсомова Дарья, 1954 г.р. (дочь Киняминой Акси́ньи), живет в Каюкове.
44. Ярсомова (Когончина) Лилия, живет в Каюкове
45. Ярсомова Маша, школьница, живет в Каюкове.
46. Ярсомова Настасья Спиридоновна, 1925 г.р., живет в Каюкове.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Дневники

Рис. 1. Е.М. Рыскин с женой Александрой и Н.В. Лукина. Каюково, 1974

Рис. 2. Участники экспедиции А.М. Кулемзин, А.В. Бобров с жителем пос. Каюково Л.Е. Ярсомовым (в центре). 1974

Рис. 3. В.М. Кулемзин (справа) с жителями пос. Каюково. 1974

3. Занятия

Рис. 4. Охотничья ловушка – слопец, 1974

Рис. 5. Белка-летяга в полете. 1974

Рис. 6. Проверка сетей. 1974

Рис. 7. И.М. Рыскин на зимнем запоре. 1983

Рис. 8. Охотничья лайка. 1980

Рис. 9. Хозяйка ведет собаку к будке. 1974

Рис. 10. Дети с овчаркой. 1980

Рис. 11. Молоток для забивания штырей в оленье колодки. 1974

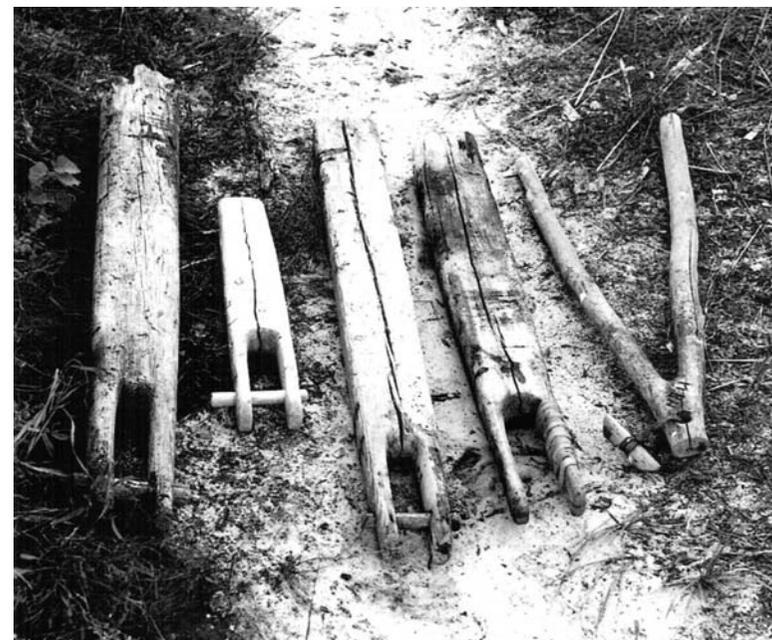

Рис. 12. Колодки и рогулька для торможения бега оленей. 1974

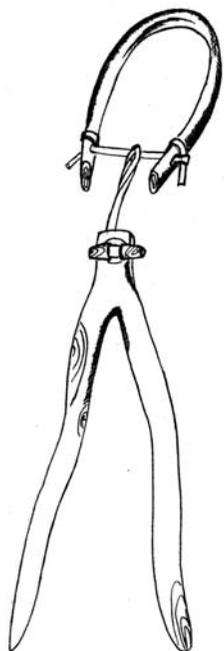

Рис. 13. Ошейник с рогулькой для оленя. 1973

Рис. 14. Отлов оленей. 1983

Рис. 15. Д. Ярсомова и Н.В. Лукина за сбором брусники. 1974

Рис. 16. Просеивание ягод. 1974

Рис. 17. Погрузка ягод на баржу. 1974

Рис. 18. Баржа с ягодами, заготовленными жителями пос. Каюкова. 1974

Рис. 19. Молотилка для размалывания кедровых шишек. 1974

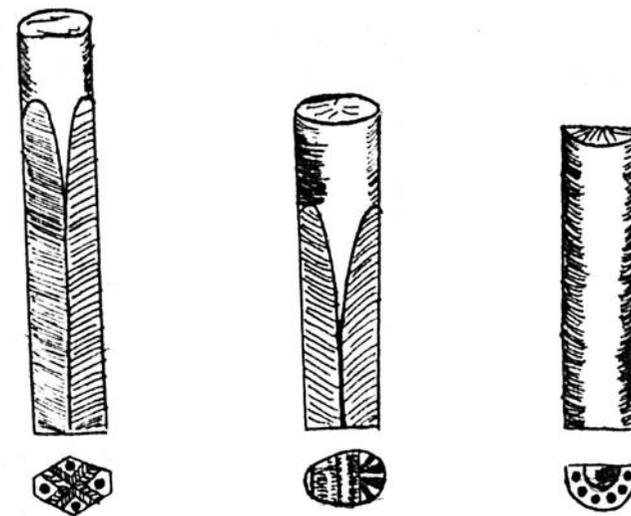

Рис. 20. Штампы из дерева для нанесения узора на табакерки. 1974

Рис. 21. Камыш для изготовления циновок. 1974

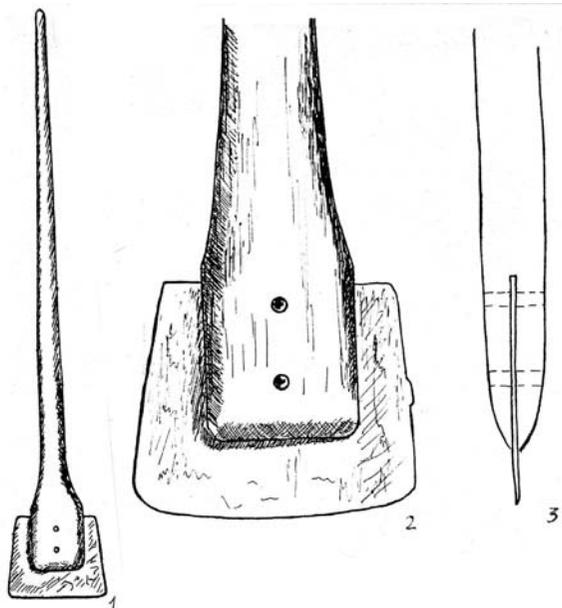

Рис. 22. Скобель для размягчения шкур. 1974

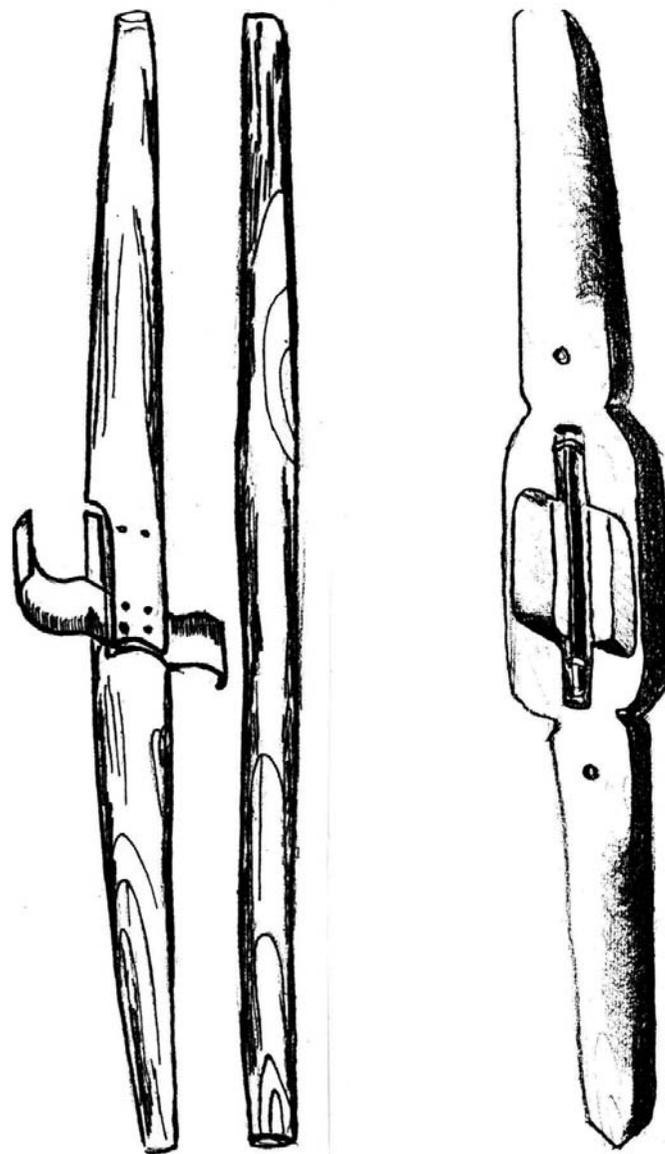

Рис. 23. Скребок для удаления мездры со шкур. 1973

Рис. 24. Орудие для разминания шкур. 1973

Рис. 25. Обработка камуса – шкуры с ноги оленя. 1983

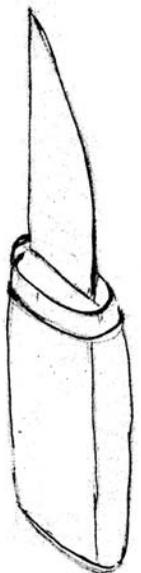

Рис. 26. Женский нож.
1974

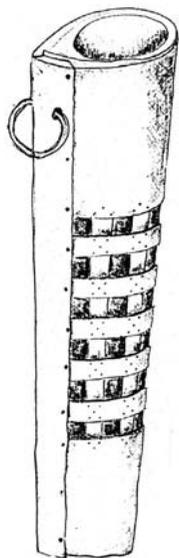

Рис. 27. Ножны для
женского ножа. 1974

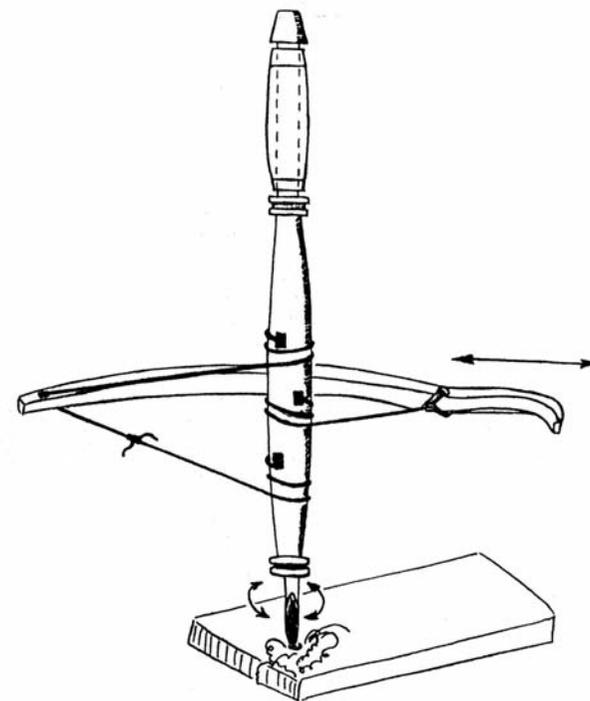

Рис. 28. Сверло для дерева. 1974

Рис. 33. Мальчик на лыжах-подволоках со снеговым мешком. 1983

Рис. 34. Ручная (собачья) нарта:
1 – общий вид нарты, Н.В. Лукина за работой;

Рис. 34. Ручная (собачья) нарта:
2 – задок;

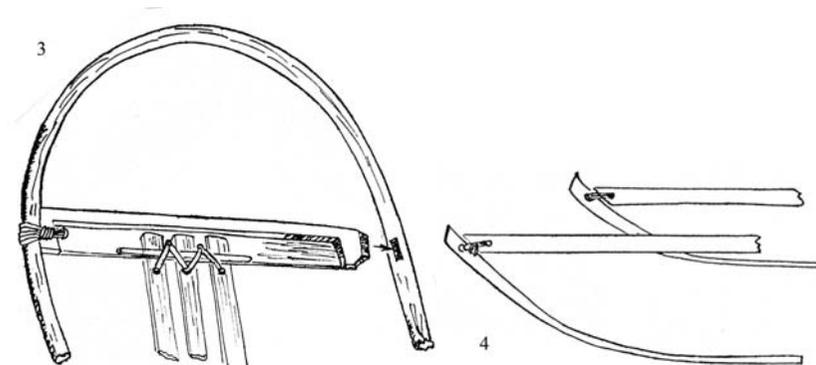

Рис. 34. Ручная (собачья) нарта:
3 – передок; 4 – соединение нащепы с полозом;

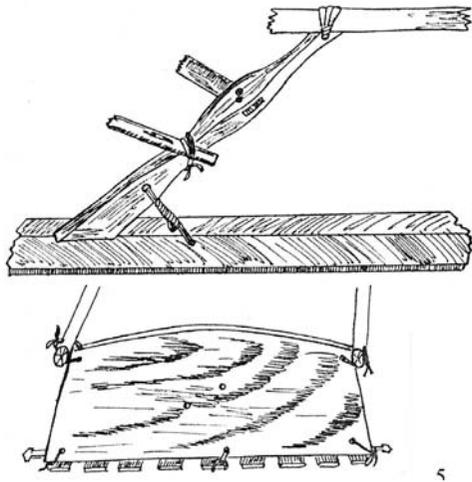

Рис. 34. Ручная (собачья) нарта:
5 – соединение копыла с полозом и нащепом; 6 – спинка кузова. 1974

Рис. 35. Нарта
с упряжью для собаки:
1 – общий вид;

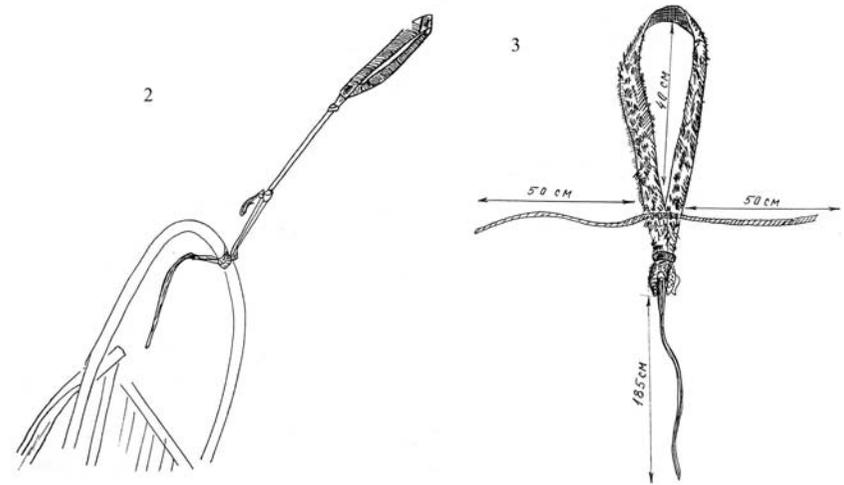

Рис. 35. Нарта с упряжью для собаки: 2 – лямка для человека;
3 – упряжь для собаки. 1974

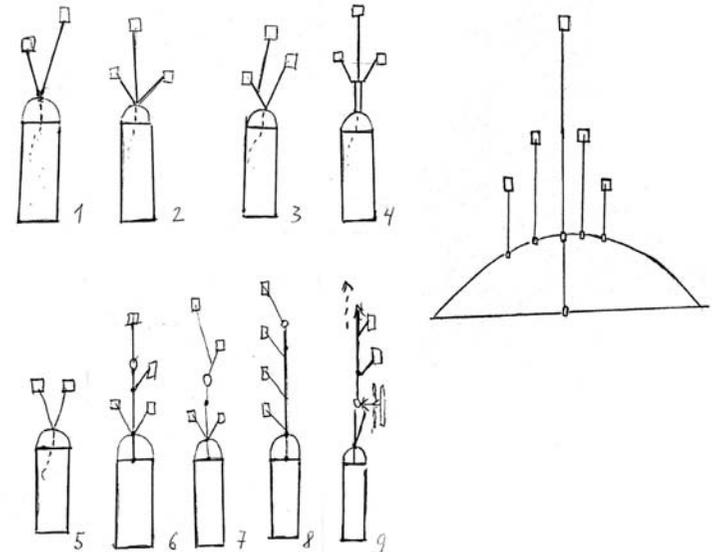

Рис. 36. Схемы расположения собак в упряжке: 1, 5 – для двух собак;
2, 3, 4 – для трех собак; 6, 7 – при езде по хорошей дороге; 8 – при езде
по плохой дороге; 9, 10 – при участии человека. (Пунктиром обозначен
запасной потяг, лежащий на нарте). 1974, 1983

1

2

Рис. 37. Собачьи упряжки: 1 – с одной собакой при участии человека;
2 – упряжка из трех собак (И.М. Каюкова с внуком,
сидящим верхом на нарте). 1983

Рис. 38. Упряжные собаки на отдыхе. 1973

Рис. 39. Упряжь на щенке – для привыкания. 1974

Рис. 40. Привязывание оленей к кольям. 1983

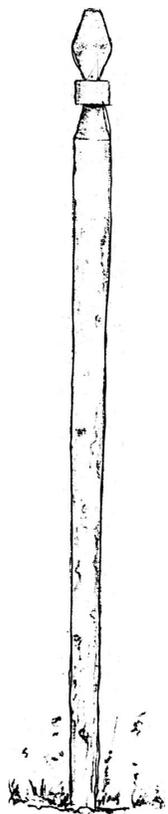

Рис. 41. Кол с фигурной верхушкой – оленевязь. 1974

Рис. 42. Оброть из веревки, заменяющая узду оленя. 1983

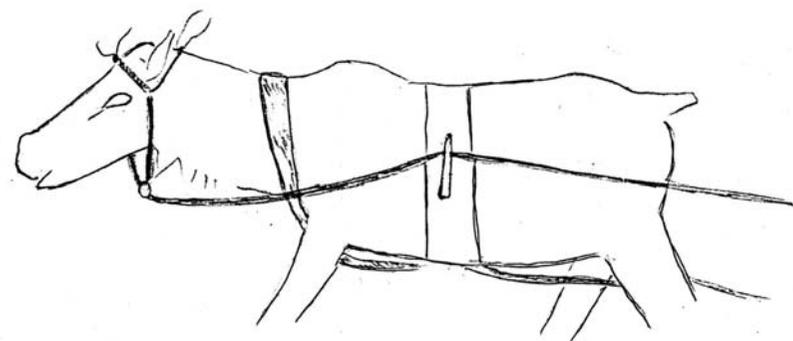

Рис. 43. Схема упряжи передового оленя (юганский вариант). 1983

Рис. 44. Схема крепления тяга в упряжке из одного оленя. 1983

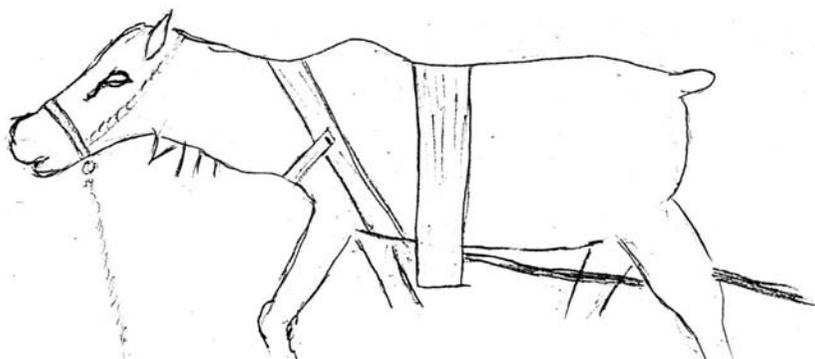
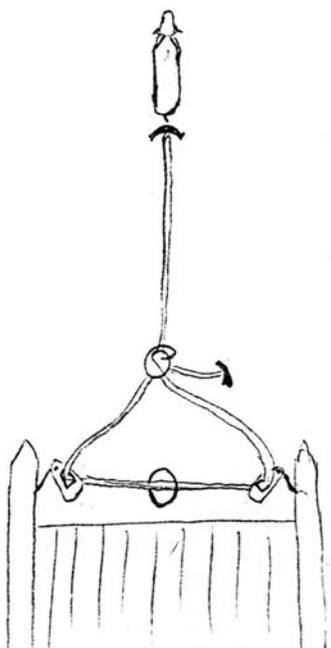

Рис. 45. Схема упряжи пристяжного оленя (обротъ – юганский вариант, подгрудный ремень – тромъеганский вариант). 1983

Рис. 46. Уздечка передового оленя с подглазными ремнями. 1983

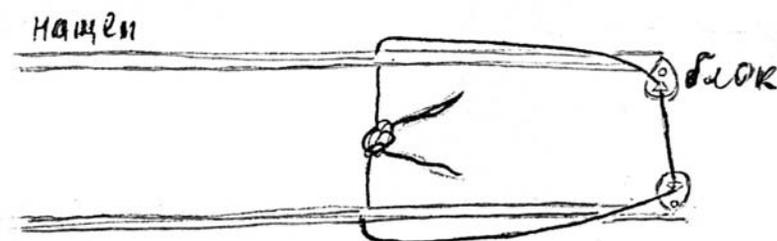

Рис. 47. Схема прохождения тяга в нарте при выпряженных оленях. 1983

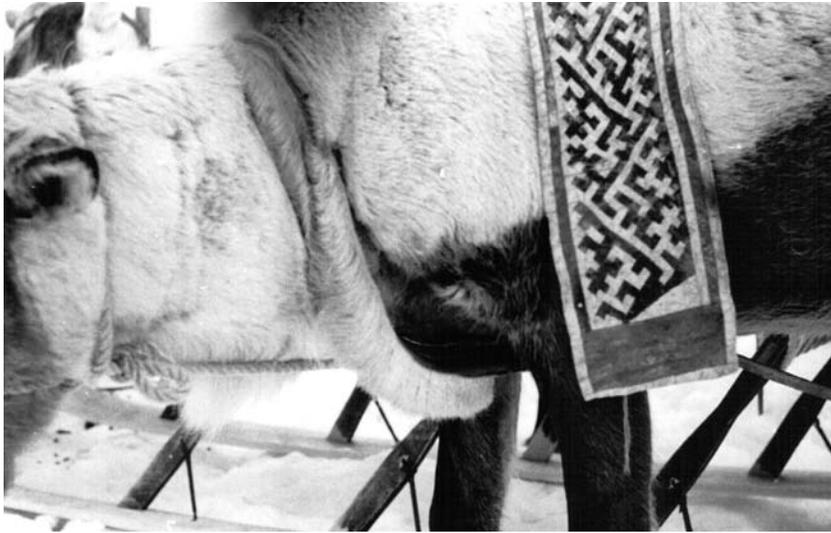

Рис. 48. Накладной пояс в упряжи оленя с традиционными узорами (мозаика по ровдуге). 1983

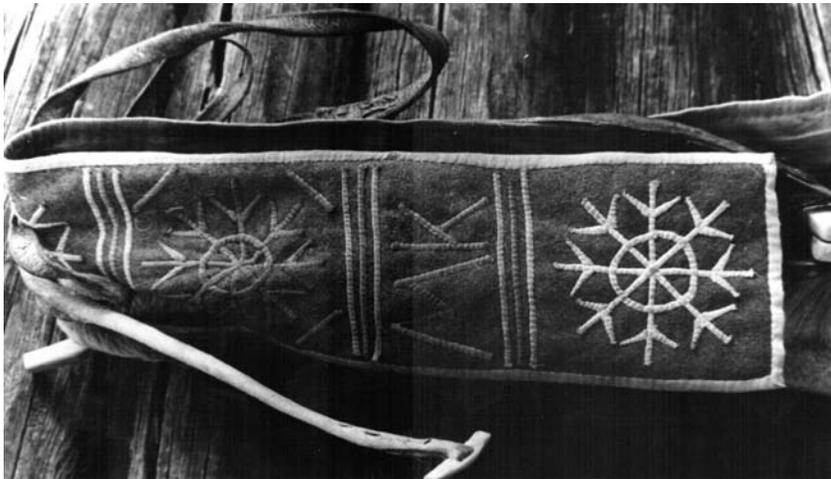

Рис. 49. Накладной пояс для упряжи оленя с современными узорами и монограммой. 1984

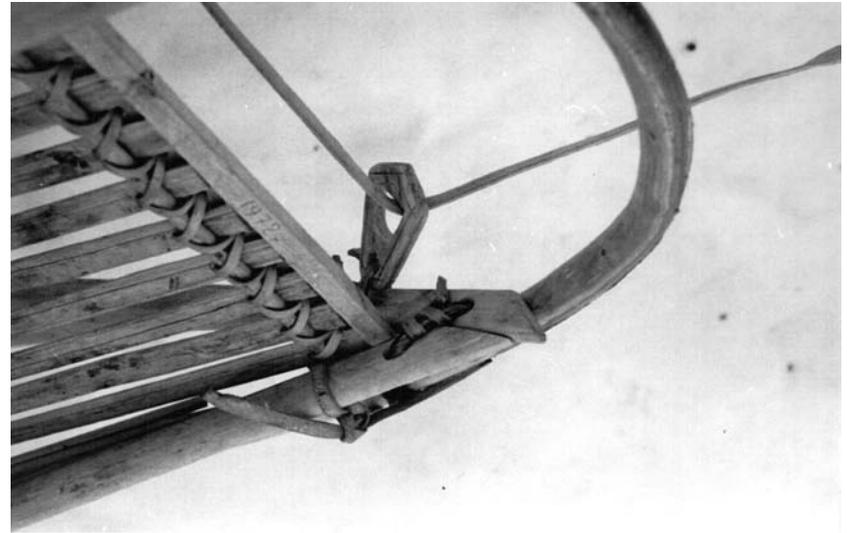

Рис. 50. Крепление блока к оленьей нарте. 1983

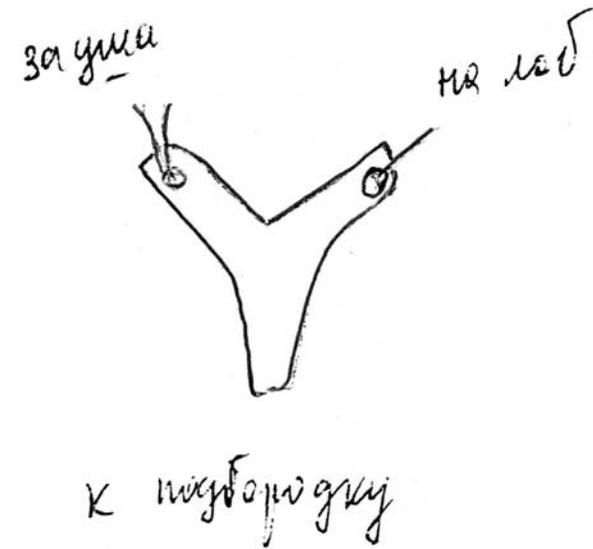

Рис. 51. Трехконечные нащечные пластинки оленьего недоуздка. 1983

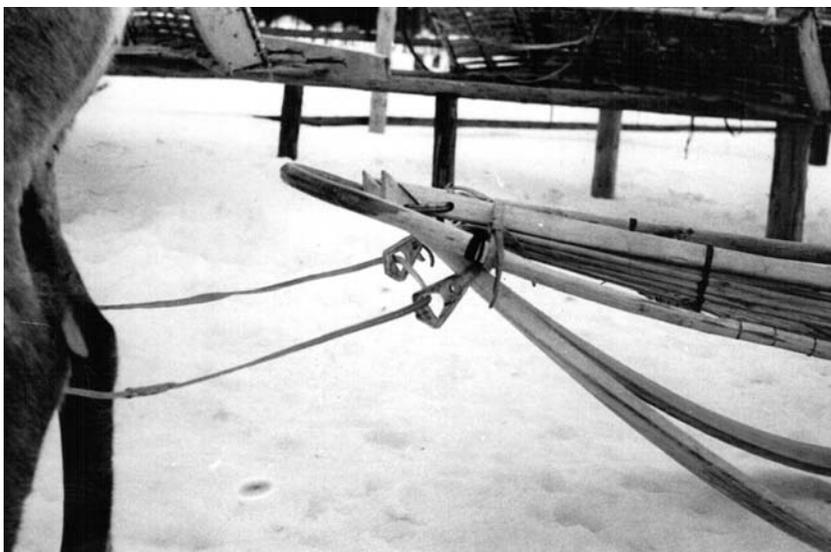

Рис. 52. Блоки для упряжи двух оленей. 1983.

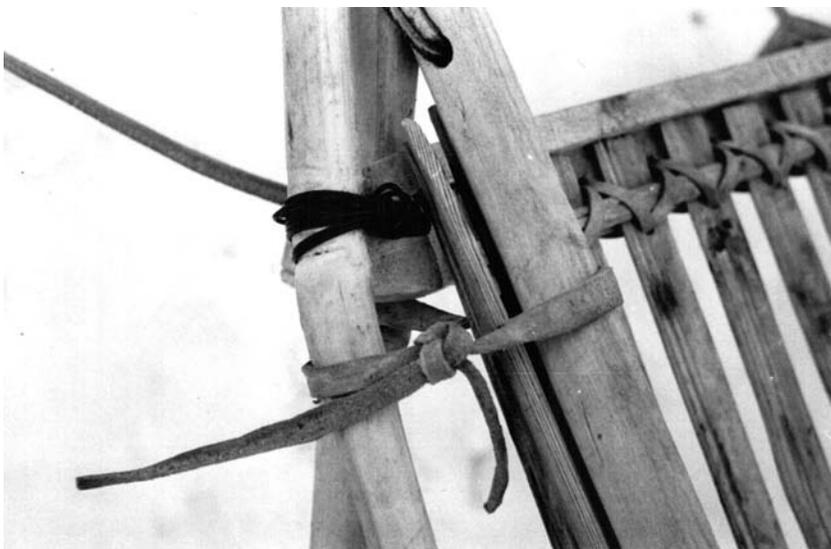

Рис. 53. Передок оленьей нарты с привязанным поводом. 1983

Рис. 54. Деревянный ошейник на олене. 1983.

Рис. 55. Оленья упряжка с хозяином на стоянке. 1983

Рис. 56. Женщина ведет оленью упряжку. 1983

Рис. 57. Нарты на подставке. 1983

Рис. 58. Оленьи нарты с упряжью у изгороди. 1983

Рис. 59. Летом нарты хранятся под амбаром. 1974.

Рис. 60. Нарты в процессе изготовления. 1974

Рис. 61. Заготовки для нарт – копылья. 1974

Рис. 62. Дуги (бараны) для нарт. 1974

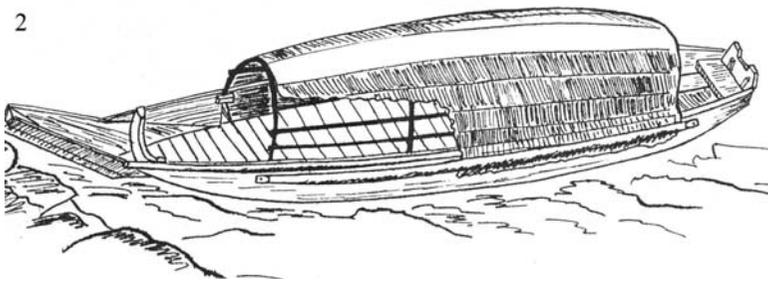
Рис. 63. Обласки на хранении. 1974

Рис. 64. Крытая лодка и обласок. 1974

1

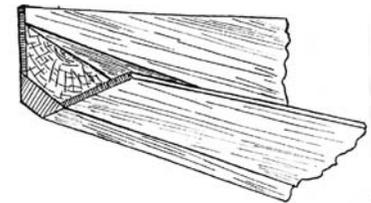
2

Рис. 65. Каркасная крытая лодка: 1 – общий вид; 2 – схема. 1974

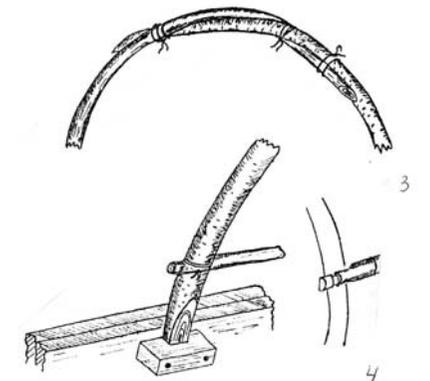

1

Рис. 66. Каркас крытой лодки:
1 – общий вид; 2 – нос лодки;
3 – способ соединения оброчей;
4 – способ крепления оброча
к борту и планок к оброчу. 1974

2

3

4

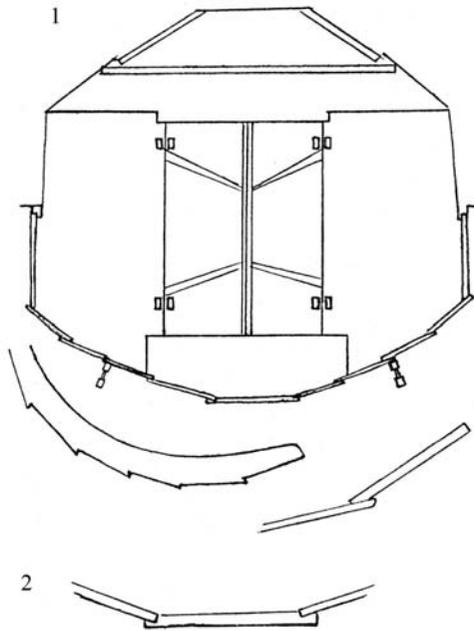

Рис. 67. Лодка с дощатым покрытием: 1 – общий вид; 2 – разрез и способы соединения досок. 1974

Рис. 68. Конец рукояти весла с полуовальной перекладной. 1974.

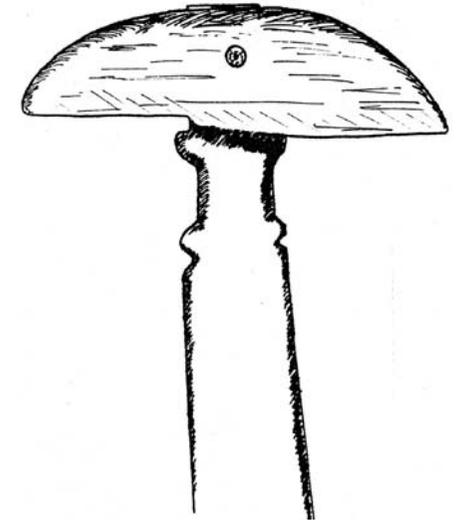

Рис. 69. Конец рукояти весла с фигурной перекладной и зарубками. 1974

5. Жилище

Рис. 70. Пос. Каюково: 1 – вид с реки; 2 – улица в поселке. 1973

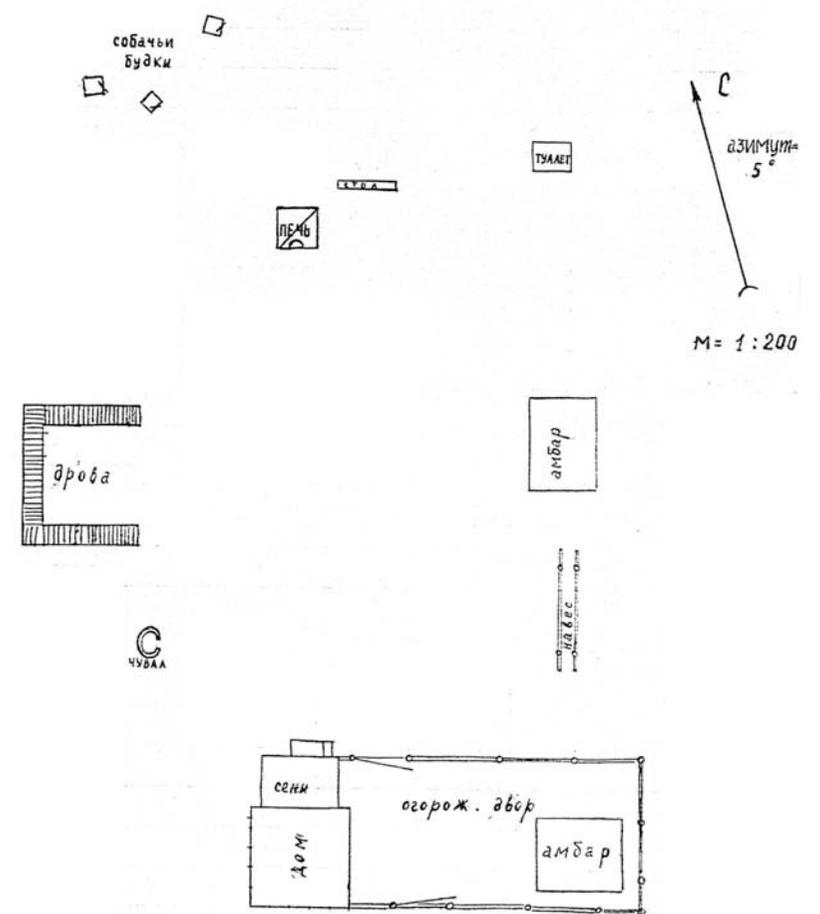

Рис. 71. План усадьбы в пос. Каюкове. 1974

Рис. 72. Дощатый амбар. 1974

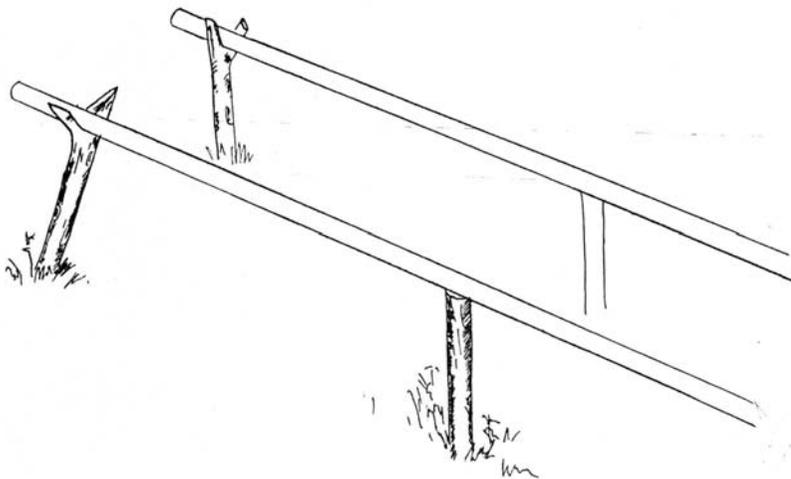

Рис. 73. Подставки для хранения нарт зимой. 1974

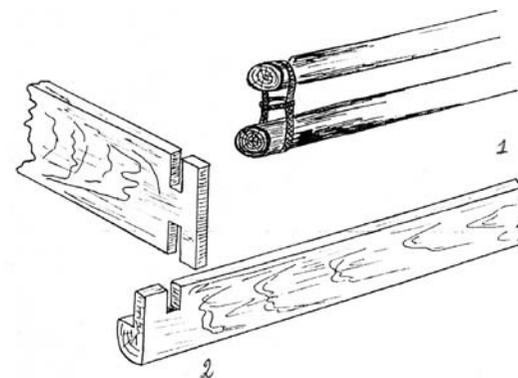

Рис. 74. Способы соединения деталей построек: 1 – слепи летнего жилища связаны черемуховым прутом; 2 – доски стен амбара. 1974

Рис. 75. Очаг во дворе дома, накрыт дощатой крышкой. 1974

Рис. 76. План традиционной
избушки. 1974

Рис. 77. Усадьба в юртах Каюковых-Летних: 1 – новый дом
и традиционные амбары; 2 – на переднем плане дрова и хлебная печь.
1980

Рис. 78. Ограда возле жилища. 1973

Рис. 79. Современные дома государственной постройки. 1974

Рис. 80. Беседы на крыльце. 1974

Рис. 81. Хозяин избушки показывает лосиный рог, на стене развешена обувь. Юрты Каюковы-Летние, 1974

Рис. 82. Вблизи жилища: обласок, столик, хлебная печь, ловушки для рыбы около конической кучи дров. 1974

Рис. 83. Высокий амбар без стоек. 1974

Рис. 84. Жилая избушка и амбар на стойках. Юрты Каюковы-Летние.
1974

Рис. 85. Культурный амбарчик. 1973

Рис. 86. Половинки обласков служат укрытием для собак. 1974

Рис. 87. Прирученный гусь в юртах Летних-Каюковых (справа – очаг).
1974

Рис. 88. Загородка для прирученного лебедя. 1974

Рис. 90. Шалаш для пастуха оленей. 1974

Рис. 89. Оленьи избушки: 1 – общий вид; 2 – избушка с закрытым входом. 1974

Рис. 91. Деталь загородки для оленей у дома в поселке. 1974

Рис. 92. Постройки для собак. 1983

Рис. 93. Шкуры жертвенных оленей на просушке. 1983

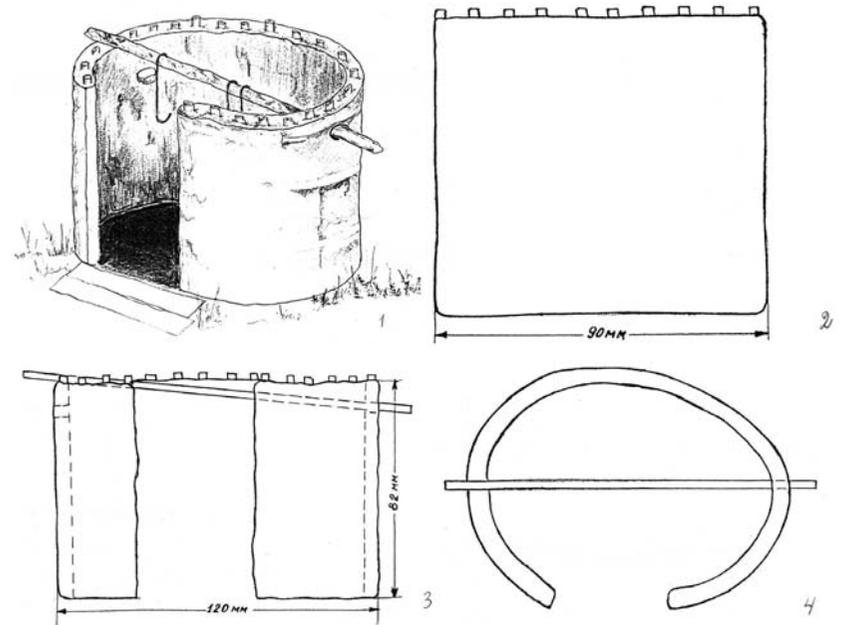

Рис. 94. Наружная печь: 1 – общий вид; 2, 3, 4 – разрез и план. 1974

Рис. 95. Хлебная печь под крышей. 1974

Рис. 96. Просушка рыбы над печью. 1974

6. Пицца

Рис. 97. Сковороды с тестом подвозят к хлебной печи на нарте. 1983

Рис. 98. Чаепитие в лесу. 1974

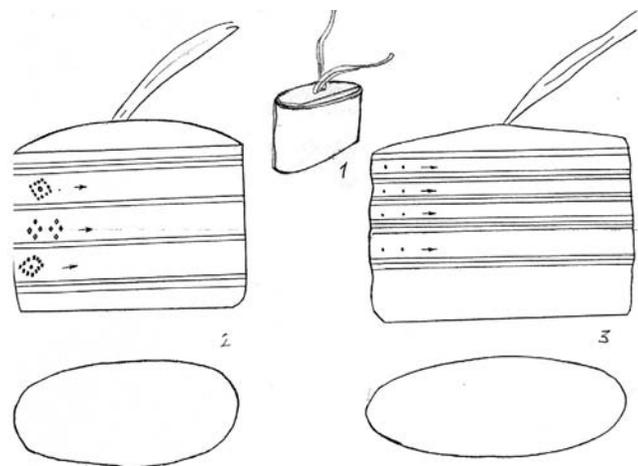

Рис. 99. Табакерки: 1 – общий вид; 2,3 – стенка с образцами штампованных узоров и дно. 1974

Рис. 100. М.Н. Рыскин несет рыбу в берестяном корытце. 1974

Рис. 101. Набирка для высокорастущих ягод. 1974

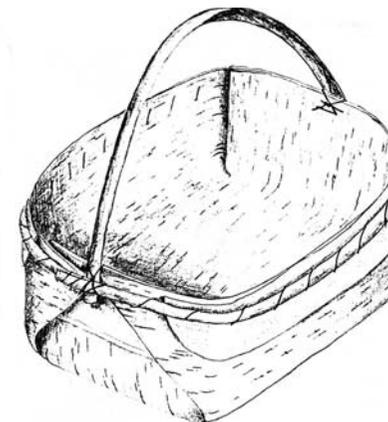

Рис. 102. Набирка для низкорастущих ягод. 1974

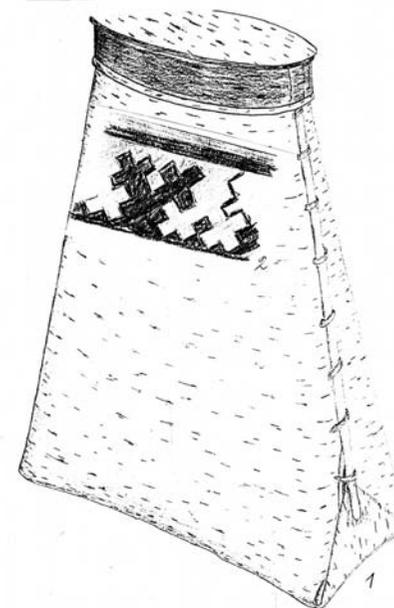

Рис. 103. Заплечный кузов: 1 – общий вид; 2 – образец узора из зачерненной бересты на стенке накладной крышки кузова. 1974

Рис. 104. Изделия из бересты: туяс, бочка, сито;
впереди – деревянная чаша. 1974

Рис. 105. Коробка из пихтовой коры
с орнаментом, нанесенным акварельными
красками. 1973

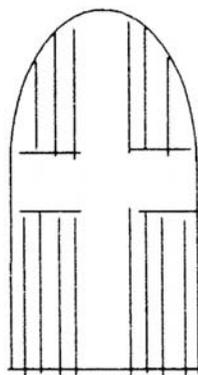

Рис. 106. Узор
на табакерке. 1974

Рис. 107. Овальная и круглая коробки из пихтовой коры;
на стенках узор нанесен акварельными красками, на крышке нижней
коробки – аппликация из зачерненной бересты. 1974

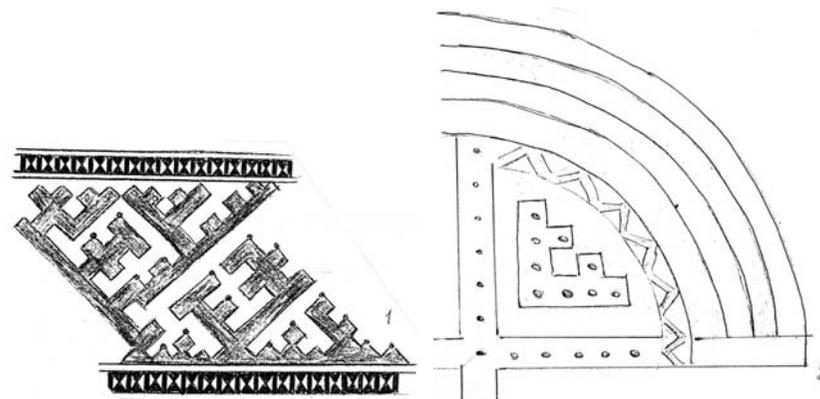

Рис. 108. Орнамент на коробке из пихтовой коры: 1 – на стенке основной
узор нанесен акварельными красками, на полосах вверх и вниз –
из зачерненной бересты; 2 – на берестяной крышке узор выскоблен,
точки нанесены акварельной краской. 1974

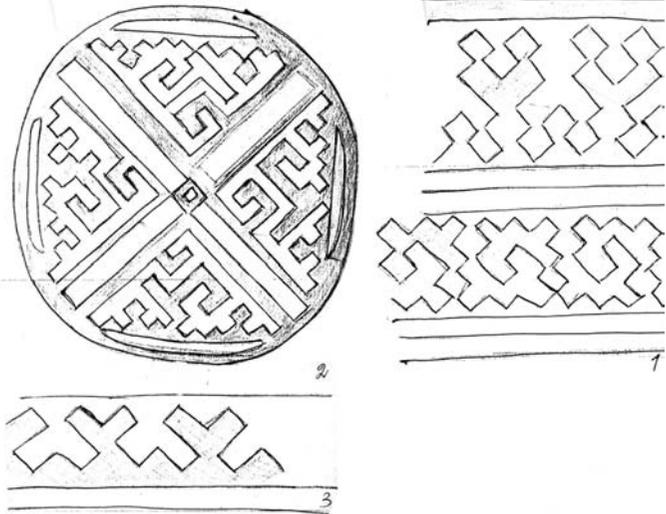

Рис. 109. Выскобленный орнамент на коробке из бересты: 1 – стенка; 2 – крышка; 3 – боковая поверхность крышки. 1974

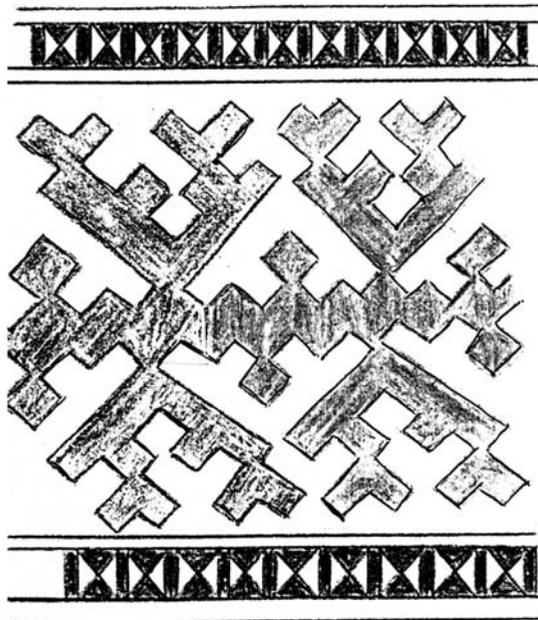

Рис. 110. Орнамент на стенке коробки из пихтовой коры; основной узор нанесен акварельными красками, на полосах сверху и внизу – аппликация из зачерненной бересты. 1974

Рис. 111. Ступка и пест для растирания табачной смеси. 1974

Рис. 112. Деревянные крюки для подвешивания котлов и чайников над очагом. 1974

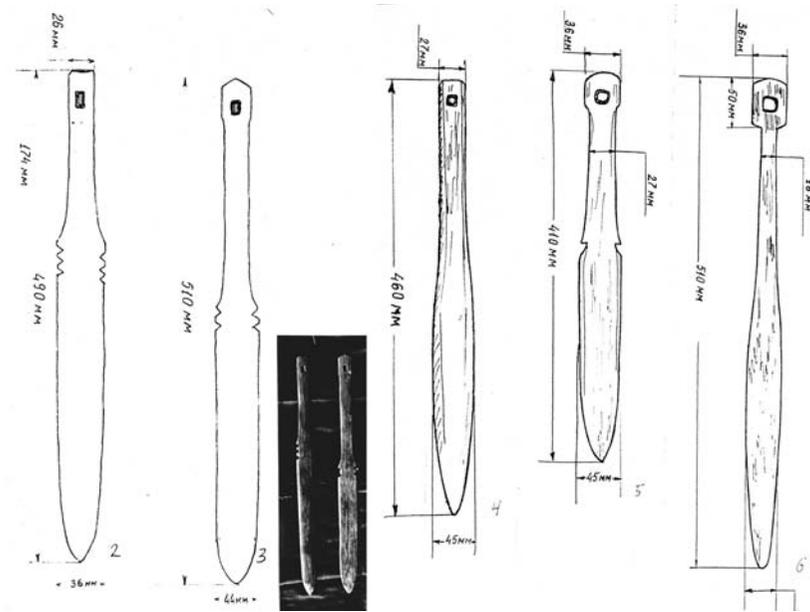

Рис. 113. Выбивалки снега из одежды: 1 – общий вид; 2, 3, 4, 5, 6 – прорисовка с размерами. 1974

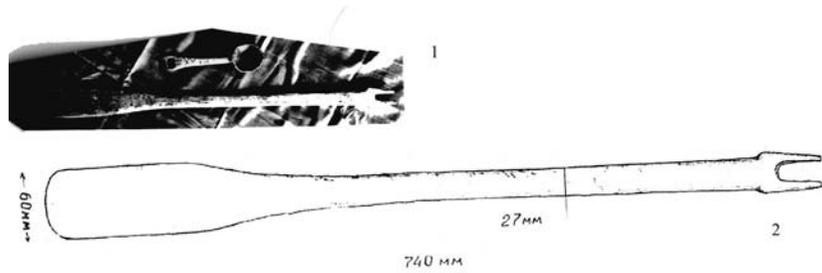

Рис. 114. Лопатка для помешивания в котле и детская ложка: 1 – общий вид; 2 – рисунок лопатки. 1974

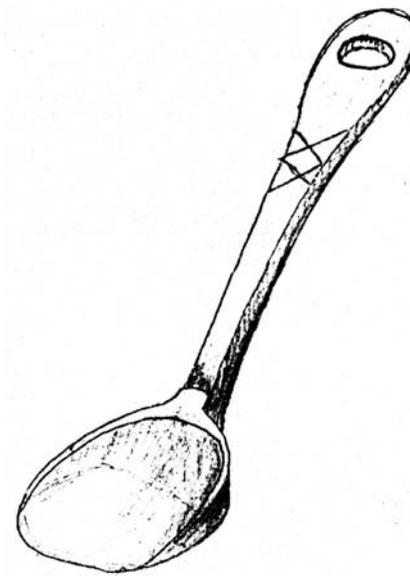

Рис. 115. Детская ложка. 1974

Рис. 116. Черпак с фигуркой зверя. 1974

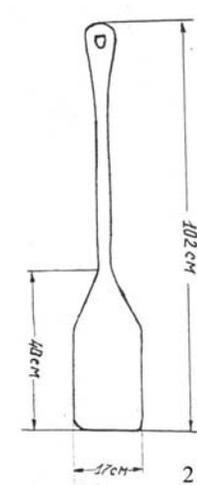

Рис. 117. Лопаты для снега: 1 – общий вид; 2 – прорисовка с размерами; 3 – изготовление лопаты. 1973, 1974

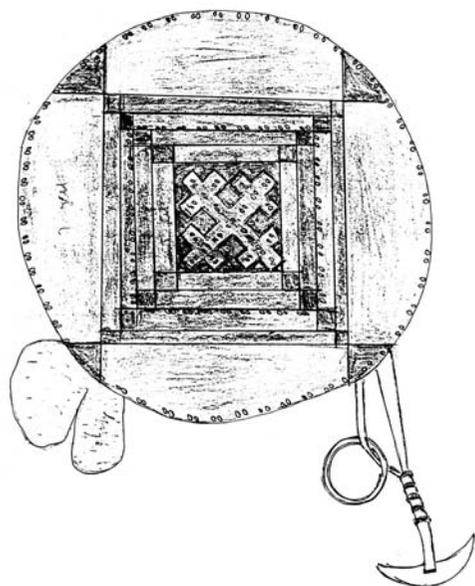

Рис. 118. Игольник из сукна, украшен полосами мозаики и бисером. 1974

Рис. 119. Сумочки: слева – для выкроек; справа – мужская сумочка для кресала. 1974

Рис. 120. Дневная колыбель из дерева. 1974

7. Одежда

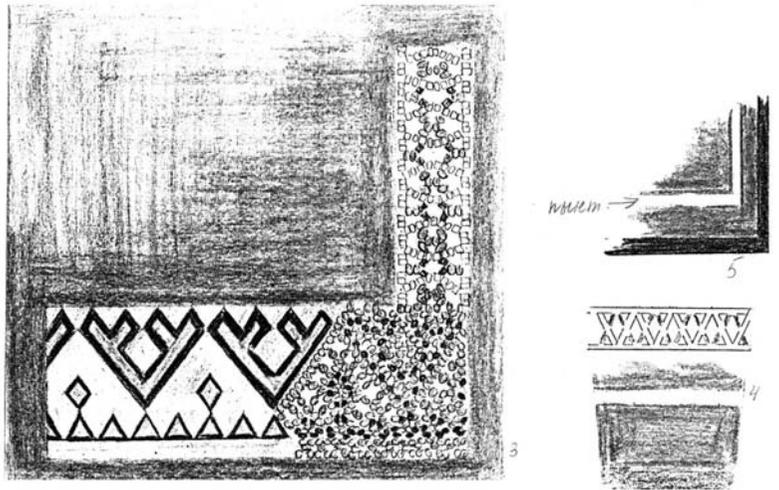

Рис. 121. Женский летний сах: 1 – общий вид; 2 – схема раскроя; 3 – украшение угла полы; 4 – украшение на устье рукава; схема расположения украшений внизу полы. 1974

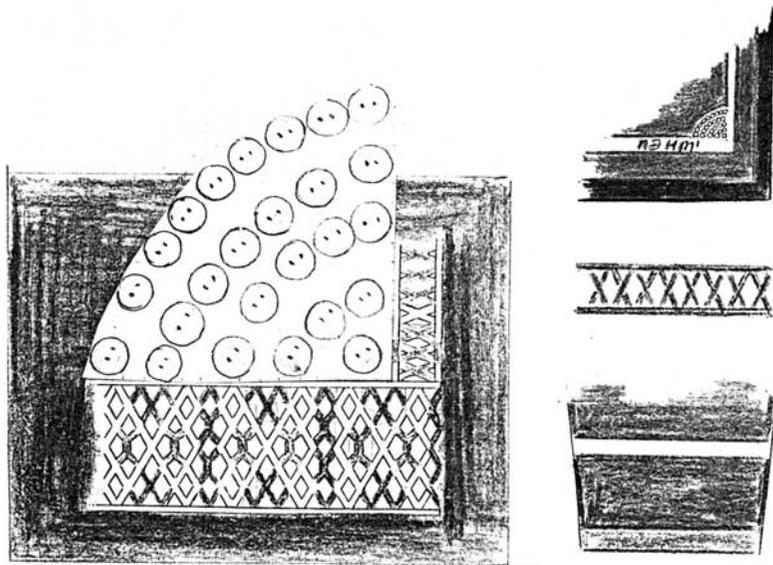

Рис. 122. Детали украшения саха (описание см. рис. 121). 1974

Рис. 123. Схема раскроя женского платья. 1974

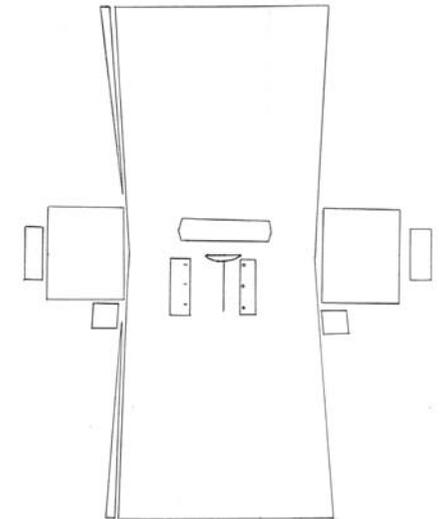

Рис. 124. Женщины в традиционной зимней одежде и обуви. 1973

Рис. 125. Женщины в традиционной летней одежде. 1974

Рис. 126. Женщина в традиционной летней одежде: вид сзади. 1974

Рис. 127. Лиза Рыскина. 1974

Рис. 128. Девушки в платках с кистями. 1974

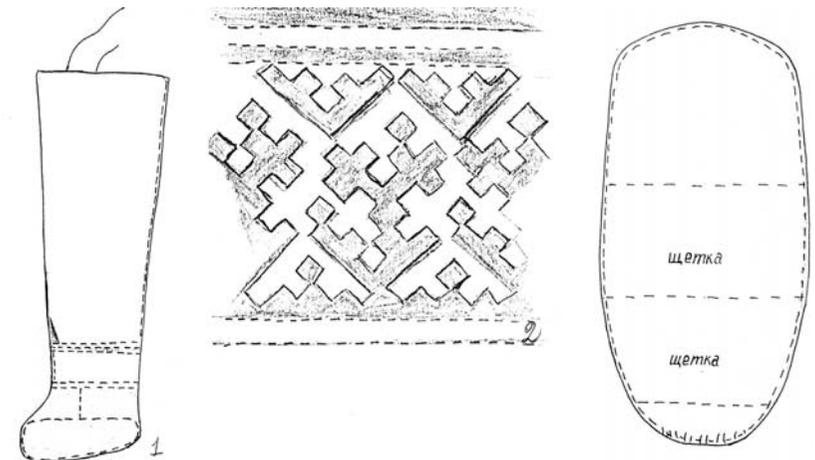

Рис. 129. Летняя женская обувь: 1 – общий вид; 2 – узор на вставке между головкой и голенищем. 1974

Рис. 130. Схема раскроя подошвы женской зимней обуви. 1974

Рис. 131. Женская зимняя обувь с низкой головкой. 1974

Рис. 132. Женская зимняя обувь с высокой головкой. 1974

Рис. 133. Женская праздничная обувь. 1974

Рис. 134. Женская зимняя обувь:
1 – общий вид; 2 – нижняя часть.
1974

2

Рис. 135. Женская зимняя обувь с орнаментированной вставкой.
1974

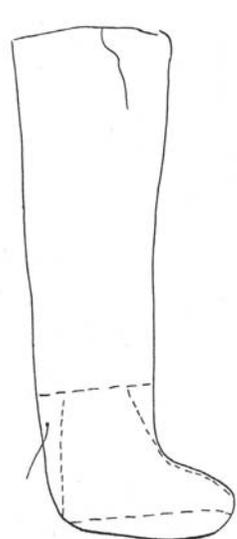

Рис. 136. Схема раскроя женского мехового чулка. 1974

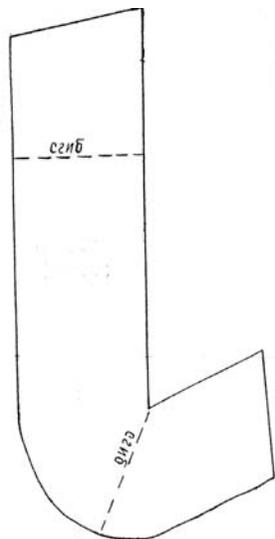

Рис. 137. Схема раскроя головки женской обуви.
1974

Рис. 138. Выкройка подошвы летней женской обуви. 1974

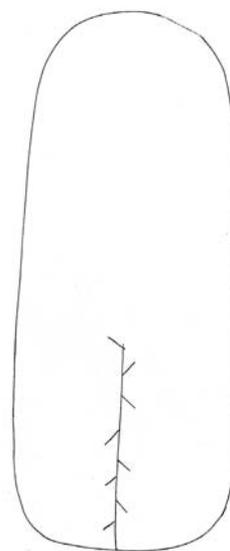

Рис. 139. Выкройка подошвы зимней женской обуви. 1974

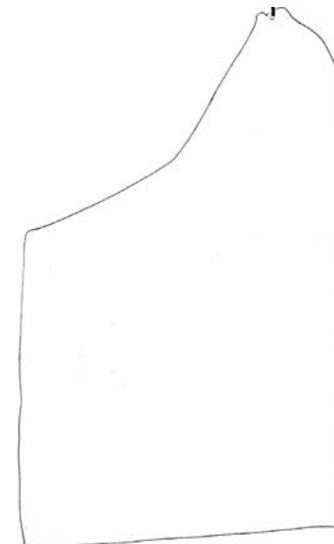

Рис. 140. Выкройка нижней части женского мехового чулка.
1974

Рис. 141. Мужчина в зимнем сахе, держит подволоки. 1973

Рис. 142. А.И. Каюков в зимнем сахе с сыном. 1980

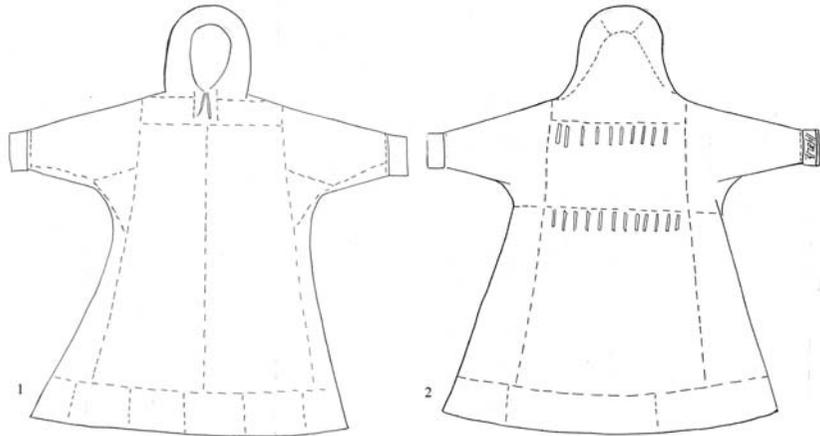

Рис. 143. Схема раскроя кумыша: 1 – вид спереди; 2 – вид сзади. 1974

Рис. 144. Мужчины в домашних сахах. 1974

Рис. 145. Мужчина в сахе с простеганной подкладкой. 1974

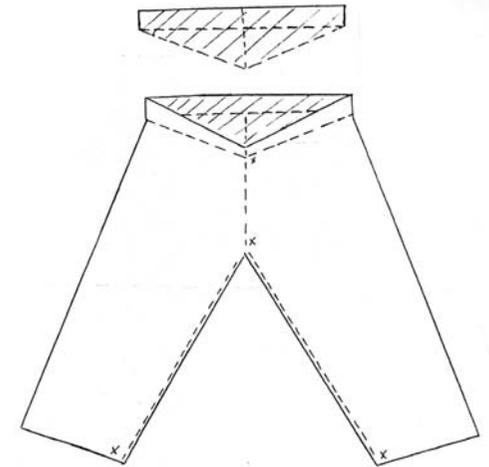

Рис. 146. Схема раскроя мужских штанов. 1974

Рис. 147. Мужская зимняя обувь. 1974

Рис. 148. меховые чулки и мужская зимняя обувь. 1974

Рис. 149. Мужская зимняя обувь из оленьих камусов. 1973

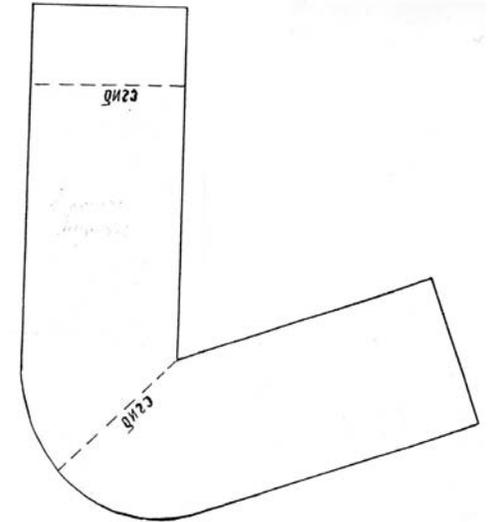
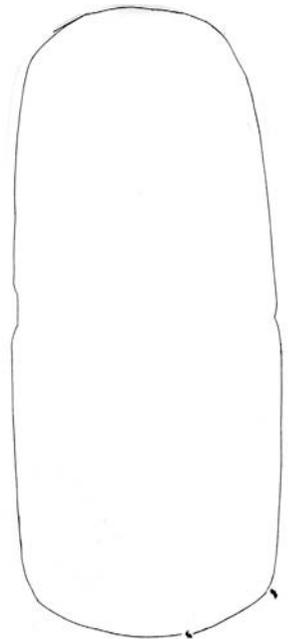

Рис. 150. Схема раскроя головки мужской зимней обуви. 1974

Рис. 151. Выкройка подошвы летней мужской обуви. 1974

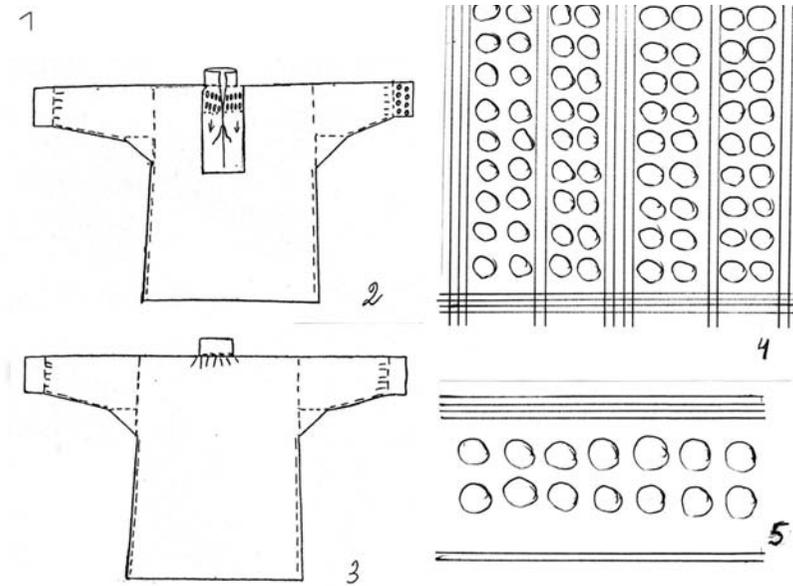

Рис. 152. Платье девочки: 1 – общий вид; 2, 3 – схема раскроя, вид спереди и сзади; 4, 5 – нашивки на нагрудном разрезе и манжете. 1974

Рис. 153. Платье девочки с украшением из бисера на манжетах. 1974

Рис. 154. Дочь Е.М. Рыскина: 1 – зимой 1973 г.; 2 – осенью 1974 г.

Рис. 155. Дети в традиционной зимней одежде. 1983

Рис. 156. Украшение на поясе девочки. 1974

Рис. 157. Зимняя одежда девочки:
вид сзади. 1983

Рис. 158. Зимняя одежда мальчика:
вид сзади. 1983

Рис. 159. Дети перед выездом в школу. 1974

Рис. 160. Девочки в традиционной одежде, вид сзади. 1974

Рис. 161. Мальчики в покупной и традиционной одежде. 1983

Рис. 162. Мальчики перед выездом в школу. 1974

Рис. 163. Девочки в головных уборах – платках. 1973

Рис. 164. Девочка в зимнем сахе и платке. 1983

Рис. 165. Узор «локоть песка», мозаика по ровдуге на детской обуви. 1974

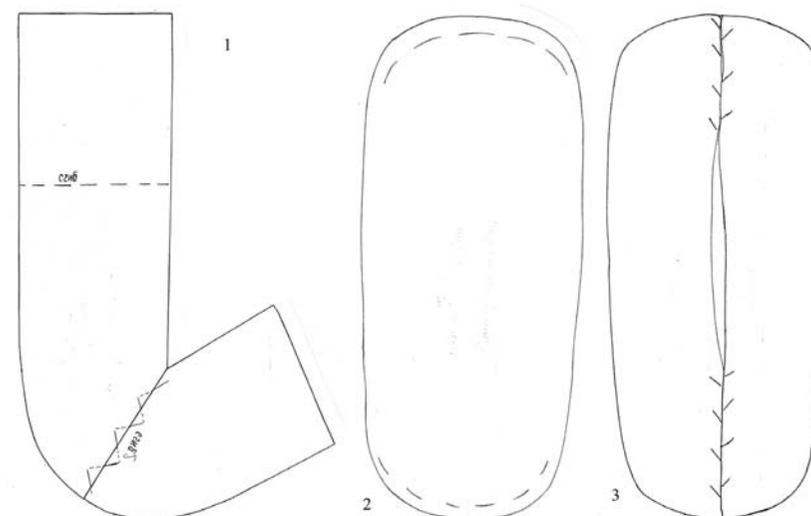
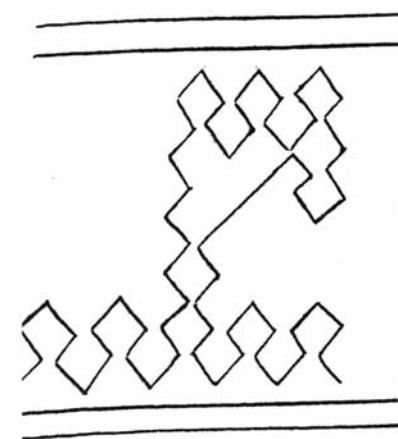

Рис. 166. Выкройки детской обуви: 1 – головка; 2, 3 – подошва. 1974

Рис. 167. А.С. Рыскина, ее муж Е.М. Рыскин и дочь в традиционной одежде. 1973

Рис. 168. Семья готовится к фотографированию. 1974

Рис. 169. Группа взрослых и детей в традиционной одежде. 1973

Рис. 170. В традиционной и покупной одежде. 1974

Рис. 171. Мужчины чаще ходят в покупной одежде. 1974

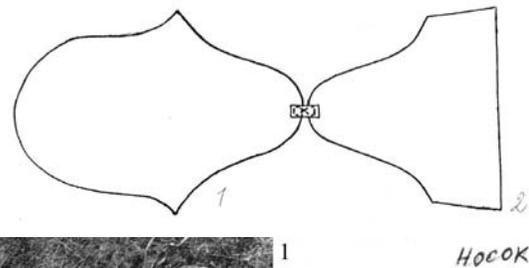

Рис. 172. Выкройка рукавицы: 1 – ладонь; 2 – большой палец. 1974

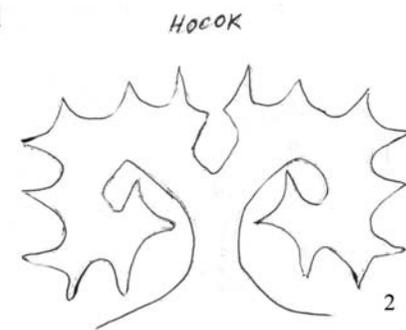

Рис. 173. Мужская нарядная обувь из ровдуги: 1 – общий вид; 2 – узор на носке. 1974

Рис. 174. Головка женской нарядной обуви: 1 – общий вид на переднем плане кусок лиственничной коры для окрашивания; 2 – узор на носке. 1974

Рис. 175. Часть воротника, сшитая из беличьих лапок. 1974

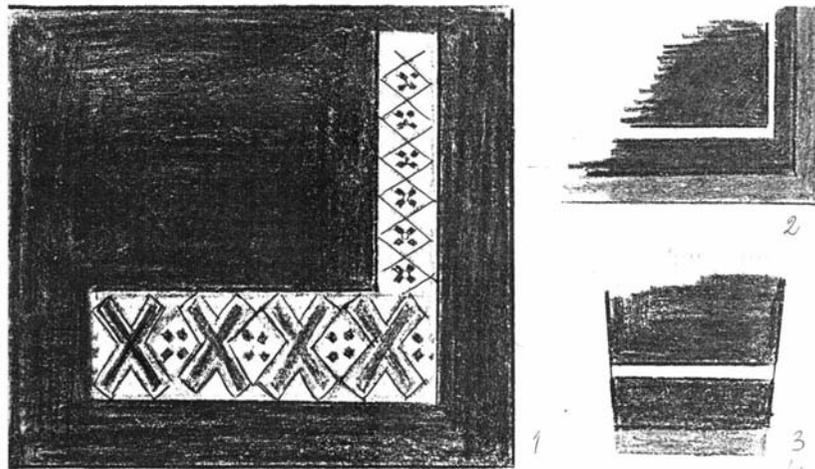

Рис. 176. Детали украшения саха: 1, 2 – угол пола; 3 – устье рукава. 1974

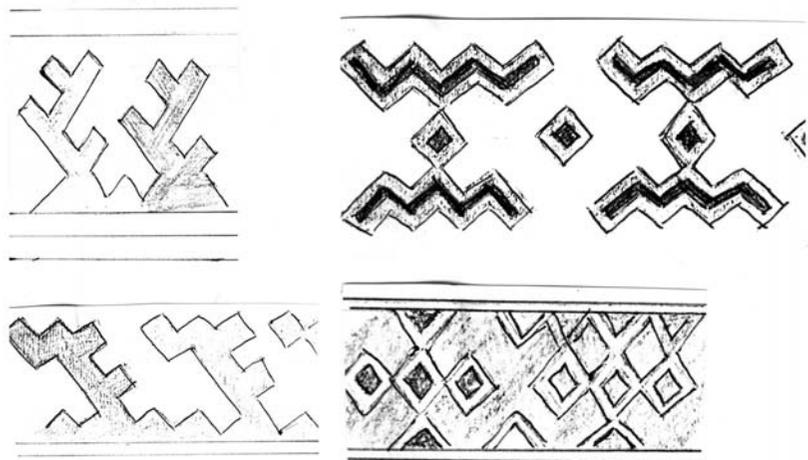

Рис. 177. Образцы узоров для саха, нанизанных из бисера. 1974

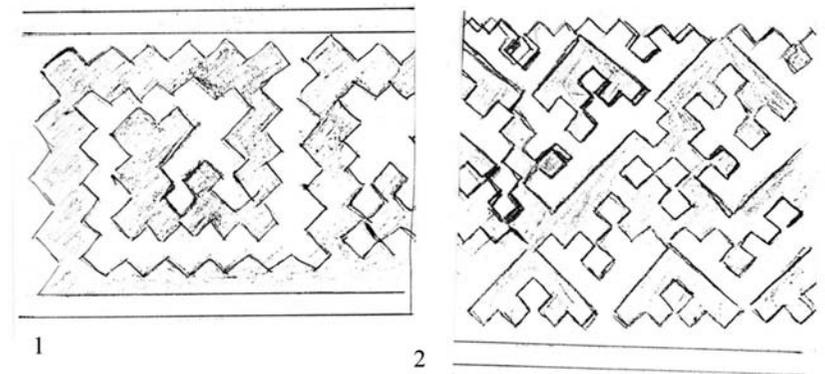

Рис. 178. Образцы узоров – мозаика из белой и окрашенной ровдуги: 1 – женская летняя обувь; 2 – женская зимняя обувь. 1974

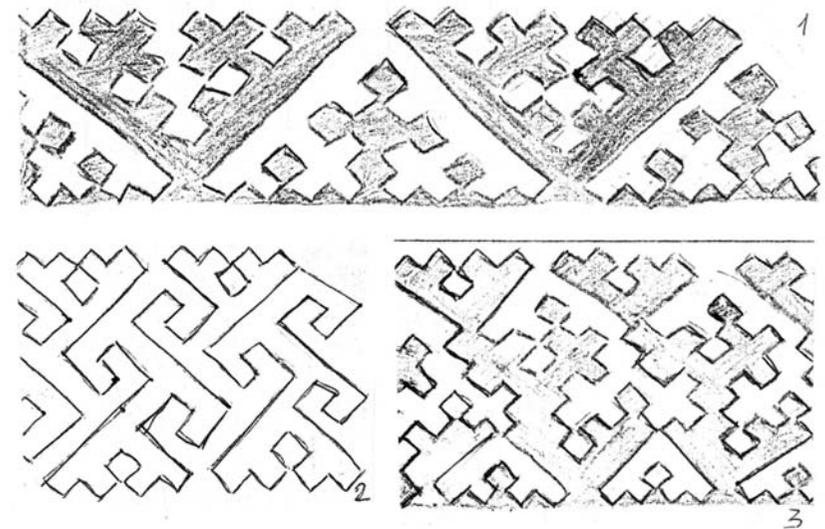

Рис. 179. Узоры, созданные Е. Рыскиной. 1974

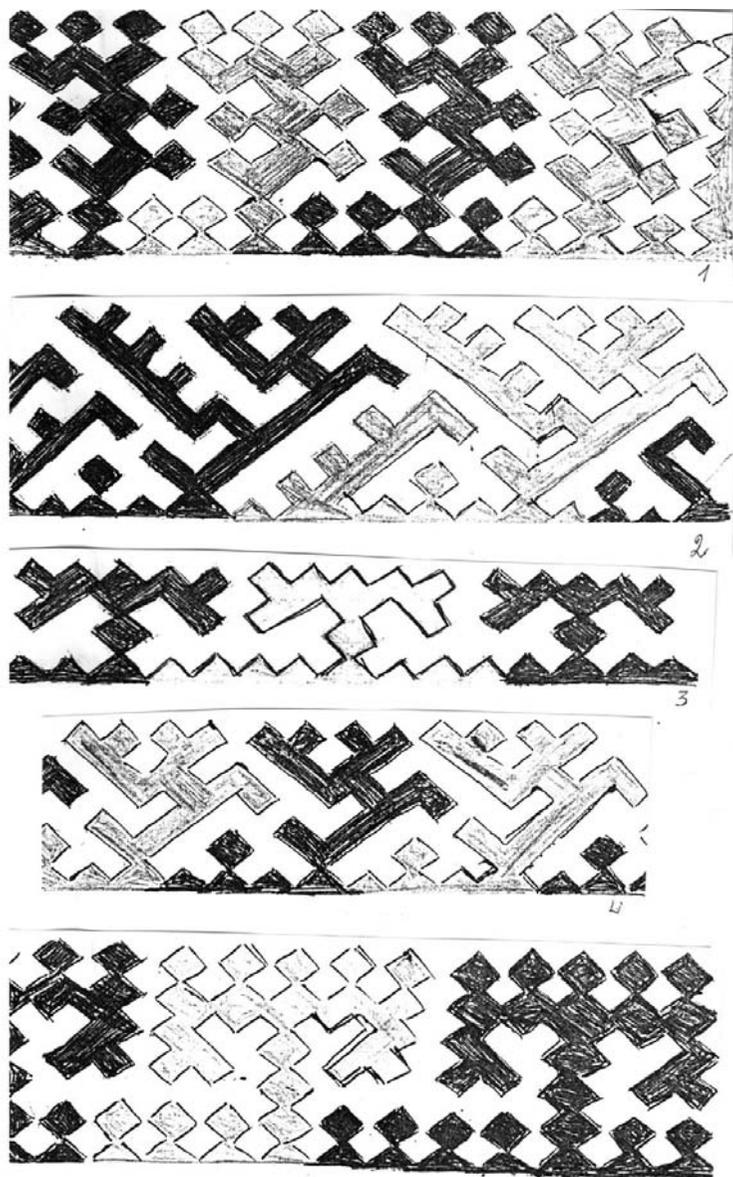

Рис. 180. Узоры, созданные С.С. Мултановой. 1974

9. Брак

Рис. 181. Группа родственников разных возрастов. 1974

Рис. 182. Семья из юрт Каюковых-Летних. 1974

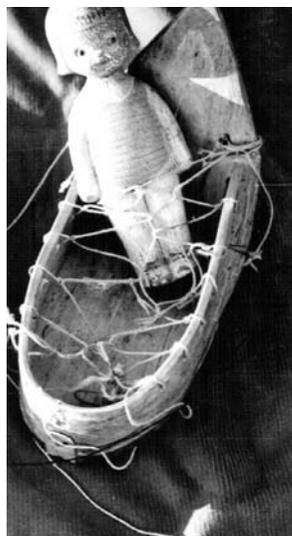

Рис. 183. Игрушечная колыбель. 1974

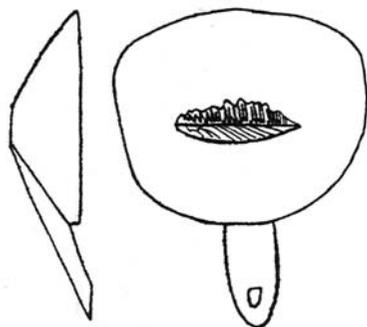

Рис. 184. Игрушечная ложка. 1974

Рис. 185. В ожидании жены. 1974

Рис. 186. В ожидании мужа на берегу. 1974

Рис. 187. Семья Мултановых. 1974

Рис. 188. А. Рыскина (жена И.М. Рыскина)
с дочерью. 1974

Рис. 189. Большая семья. 1974

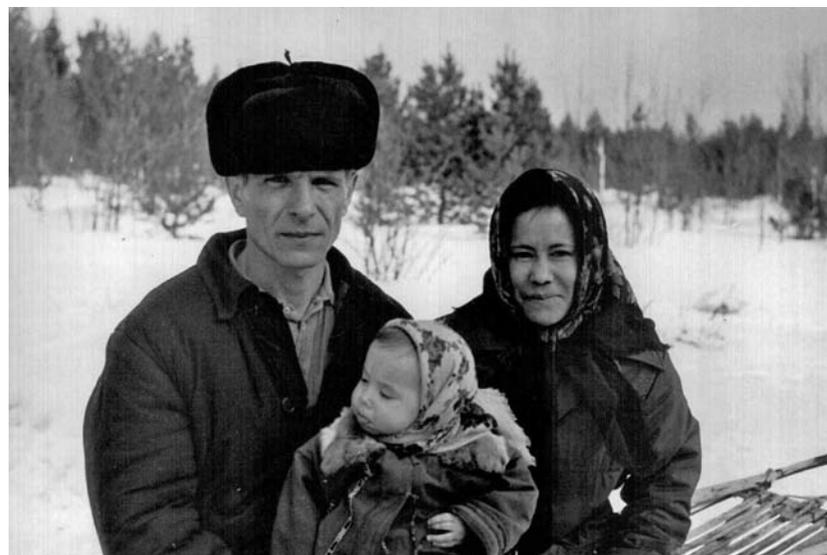

Рис. 190. Смешанная семья: отец –
русский, мать ханты. 1974

Рис. 191. А.Н. Рыскин с дочерью. 1974

Рис. 192. Отец с детьми. 1974

11. Верования

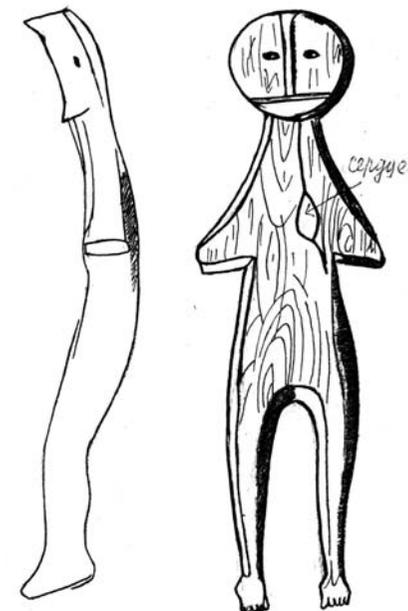
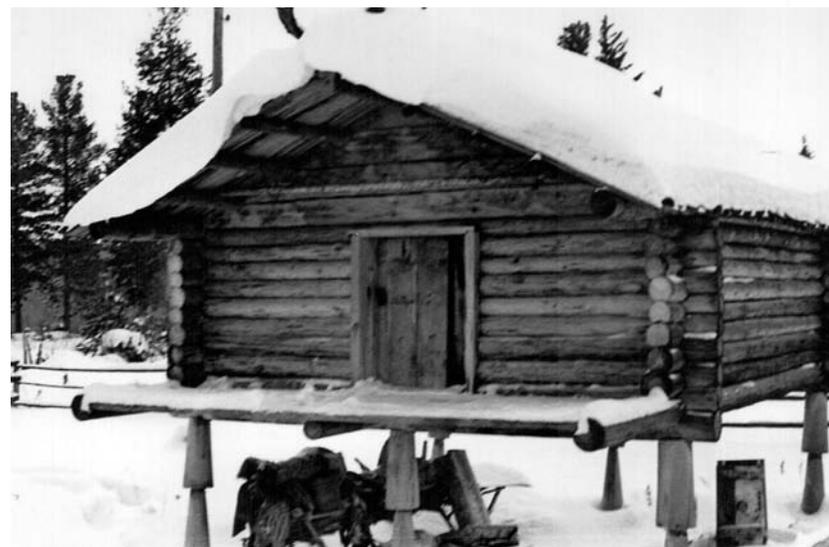
Рис. 193. Фигурка духа-женщины.
1973

Рис. 194. Культовый лабаз. 1983

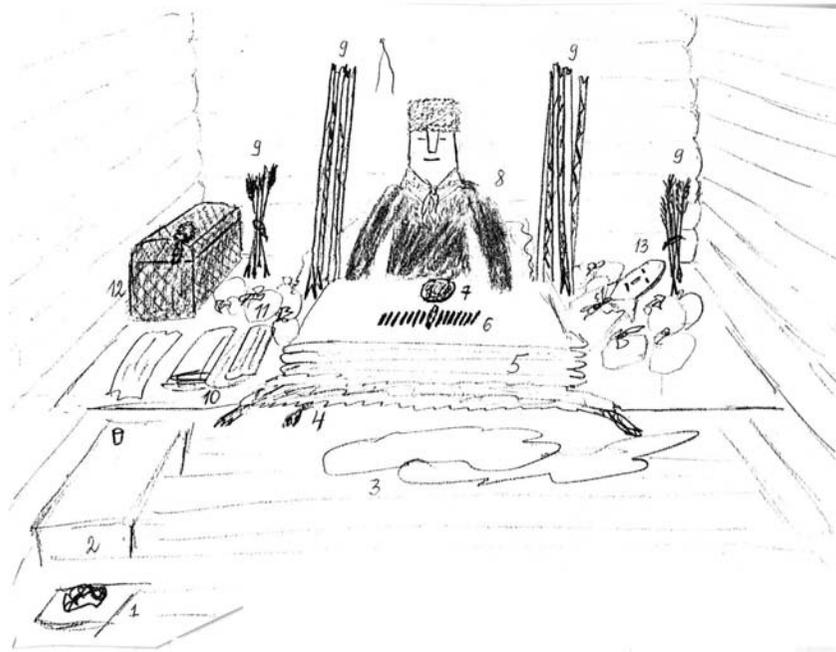

Рис. 195. Изображение духа *Ягун ики* и его принадлежности:
 1 – чага для окуривания; 2 – столик с рюмкой; 3 – оленье шкуры под нарами; 4 – оленье шкуры на нарах; 5 – куски тканей; 6 – фигурки медведей; 7 – тарелка с деньгами; 8 – фигура *Ягун ики*; 9 – связки стрел; 10 – куски ткани; 11 – узлы; 12 – сундучок; 13 – антропоморфная фигурка из дерева. 1980

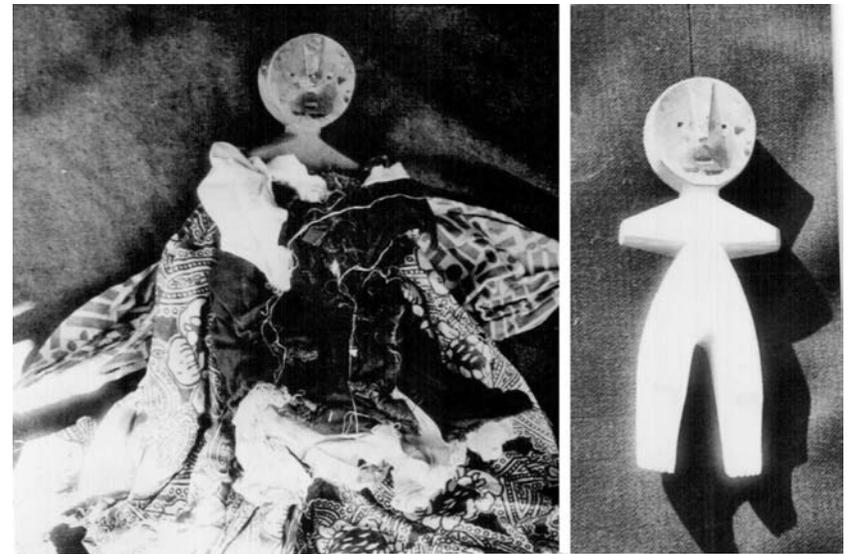
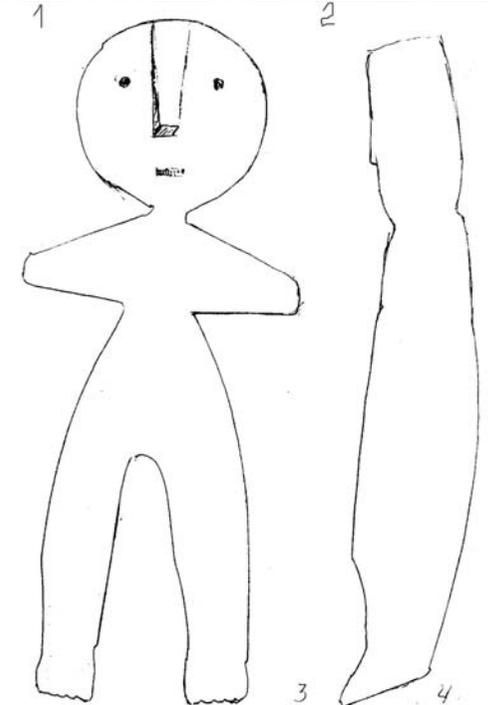

Рис. 196. Изображение личного духа
 М.Н. Рыскина:
 1 – в одеяниях;
 2 – деревянная фигурка духа; 3 – рисунок в фас;
 4 – рисунок в профиль.
 1983

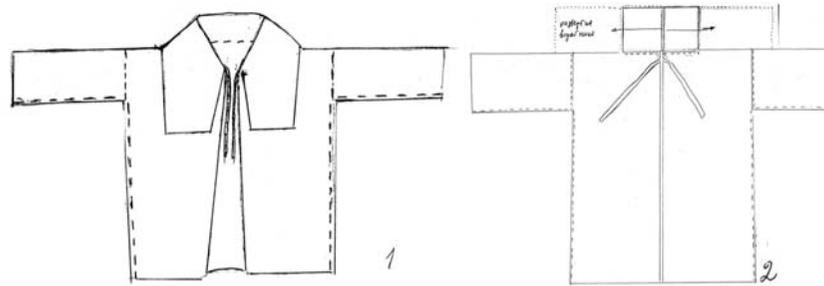

Рис. 197. Одежда духа (см. рис. 196): 1 – общий вид; 2 – то же, с развернутым воротником. 1983

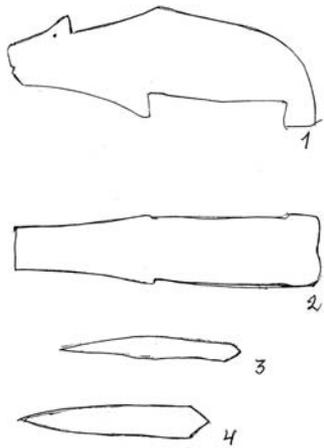

Рис. 198. Фигурки животных из приклада домашнему духу: 1, 2 – медведь, вид сбоку и сверху; 3, 4 – неизвестные животные. 1983

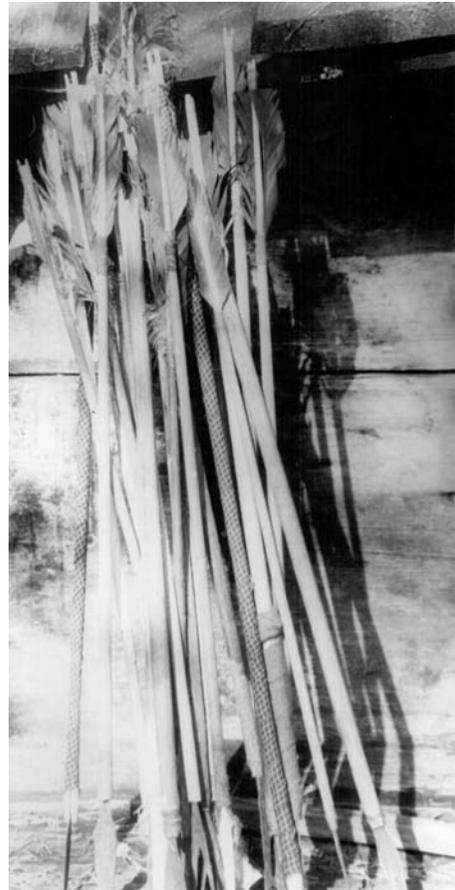

Рис. 199. Священные стрелы из амбарчика *Кынь ики*. 1974

Рис. 200. Деревянная лопатка для обжигания чаги. 1974

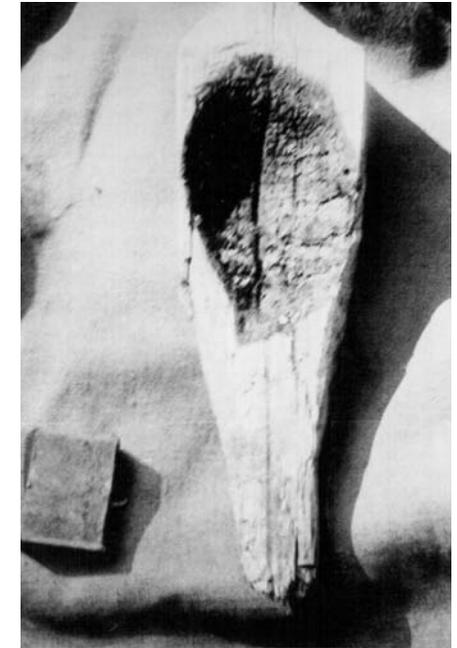

Рис. 201. Фигурка *Эвут ими*, накрытая одеяниями. 1974

Рис. 202. И.М. Каюкова (слева) с матерью перед поездкой на жертвоприношение. 1983

Рис. 203. В пути к месту жертвоприношения. 1983

Рис. 204. Женщины готовят дрова для костра. 1983

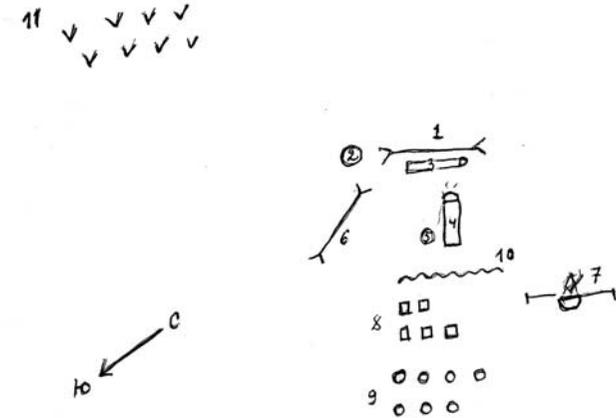

Рис. 205. Схема расположения участников и атрибутов жертвоприношения: 1 – перекладина с отрезками ткани; 2 – березка с платком; 3 – нарта с пищей и водкой; 4 – жертвенный олень; 5 – распорядитель обряда; 6 – перекладина с шкурой жертвенного оленя; 7 – костер; 8 – группа мужчин; 9 – группа женщин; 10 – место трапезы; 11 – олени на привязи. 1983

Рис. 206. Березка с платком – подарком устроительницы жертвоприношения. 1983

Рис. 207. Угощение водкой участников обряда. 1983

Рис. 208. Разделывание жертвенного оленя. 1983

Рис. 209. Участники обряда едят мясо жертвенного оленя. 1983

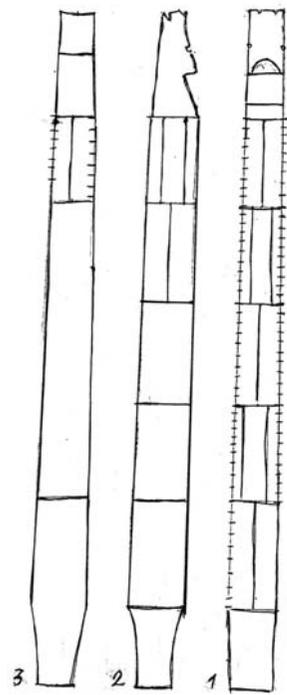

Рис. 210. Палка для счета песен на медвежьем празднике: 1 – вид сверху; 2 – вид сбоку; 3 – вид снизу. 1983

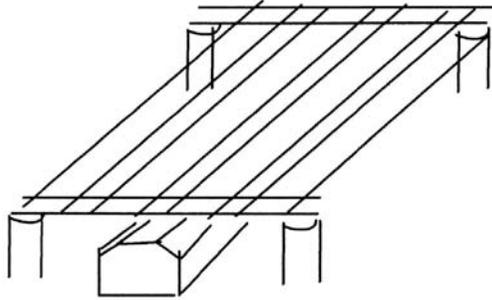

Рис. 211. Настил над гробом в могиле. 1973

Рис. 212. Кладбище у пос. Каюково. 1974

Рис. 213. Детская могила: 1 – общий вид (справа); 2 – крест с птичкой. 1974

Рис. 214. Остатки домика на могиле. 1974

Рис. 215. Типичные могилы. 1974

Рис. 216. Траурная перевязь на руке женщины. 1974

Рис. 217. Девушка (в центре) с траурной налобной повязкой. 1974

Рис. 218. Накрытый гроб с веткой шиповника. 1974

Рис. 219. Заготовка материала для обустройства могилы. 1974

Рис. 220. Изготовление надмогильного домика. 1974

Рис. 221. Несут бересту для покрытия могилы.. 1974

Рис. 222. Готовится поминальная пища. 1974

Рис. 223. Поминки на кладбище после похорон. 1974

12. Музыка

Рис. 224. Губной музыкальный инструмент. 1974

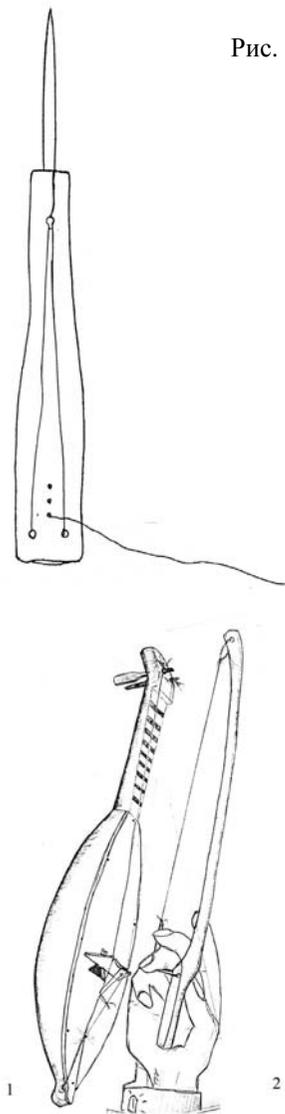
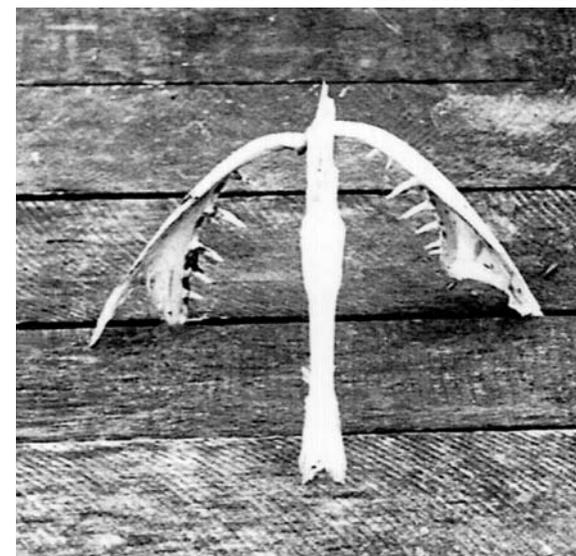
Рис. 225. И.М. Рышкин со своим музыкальным инструментом:
1 – общий вид; 2 – положение пальцев на смычке. 1974

Рис. 226. Пробитые олени лопатки на дереве. 1974

Рис. 227. Щучья
челюсть. 1974

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
1. Дневники	8
2. Этнический состав и история	13
3. Занятия	17
3.1. Охота	17
3.2. Рыболовство	19
3.3. Собаководство	20
3.4. Оленеводство	21
3.5. Собираательство	29
3.6. Орудия труда и домашнее производство	30
4. Средства передвижения	39
4.1. Лыжи	39
4.2. Нарты и упряжь	41
4.3. Лодки	57
5. Жилище и другие постройки	59
6. Пища, утварь	64
6.1. Пища	64
6.2. Утварь	69
7. Одежда	76
7.1. Женская одежда	76
7.2. Мужская одежда	80
7.3. Детская одежда	82
7.4. Разные виды одежды	84
8. Брак и семья	92
9. Социальное устройство	101
10. Народные знания	104
11. Верования и обряды	106
11.1. Объекты и явления природы	106
11.2. Души и духи, природные существа	107
11.3. Священные места и жертвоприношения	128
11.4. Почитание животных	148

11.5. Служители культа	154
11.6. Погребальный обряд	158
11.7. Приметы, запреты	165
12. Музыка. Фольклор	168
13. Разные сведения	172
14. Список информантов	177
Иллюстрации	180
1. Дневники	180
3. Занятия	182
4. Средства передвижения	194
5. Жилище	218
6. Пища	233
7. Одежда	244
9. Брак	271
11. Верования	277
12. Музыка	292

Научное издание

Надежда Васильевна Лукина

ХАНТЫ ОТ ВАСЮГАНЬЯ ДО ЗАПОЛЯРЬЯ

Источники по этнографии

Том 3. Юган

Ответственный за выпуск: Л.В. Домбраускайте

Технический редактор: С.Н. Чуков

Подписано в печать: 29.06.2009 г. Сдано в печать: 25.02.2010 г.

Печать: офсетная

Бумага: офсетная

Тираж: 500 экз.

Формат: 60x84/16

Усл. печ. л.: 17,20

Уч. изд. л.: 7,12

Заказ: 501/Н

ISBN 9785894285030

9 785894 285030

Издательство

Томского государственного педагогического университета

г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел. (3822) 52-12-93

e-mail: tipograf@tspu.edu.ru

